ГЛАВНАЯ КИНОПРЕМЬЕРА 2015

ГЕРТРУДА БЕЛЛ
КОРОЛЕВА ПУСТЫНИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Неизвестно, узнал бы мир эту путешественницу, если бы не любовь. Они хотели снарядить караван и поплыть по горячим барханам аравийских пустынь. Этим мечтам не суждено было сбыться. Возлюбленный умер, а Гертруда Белл отправилась в опасное путешествие одна. Она обогнула мир, исколесила Европу и Азию, но сердцем осталась верна пустыне. Смелая европейская женщина вызывала неподдельный интерес у сильных мира сего. Британское правительство предложило ей сотрудничество на благо интересов Англии. Когда решалась судьба Египта, на международной конференции присутствовали все ведущие политики мира. Среди них была лишь одна женщина – Гертруда Белл.

Вместе с британским офицером и путешественником Лоуренсом Аравийским, которого мастерски сыграл в свое время Питер О`Тул, Гертруда Белл помогла прийти к власти Фейсалу I из дома Хашимитов.

В 2015 году на экраны вышел фильм-биография, в котором Гертруду Белл сыграла Николь Кидман, Лоуренса Аравийского – Роберт Паттинсон. Но разве могут 130 минут экранного времени описать десятилетия загадочных странствий? Книга подарит вам возможность пережить все удивительные приключения королевы пустыни.

- Борис Соколов
  -
  - К читателю
  - Еще в Англии
  - На Восток!
  - В огне Первой мировой
  - Строительство Ирака
  - «Королева пустыни»

Борис Соколов
Гертруда Белл. Королева пустыни

© Соколов Б. В., 2015
© ООО «ТД Алгоритм», 2015

* * *

К читателю

Гертруда Белл, одна из наиболее выдающихся британских женщин, о которой современники отзывались неизменно высоко, перепробовала много профессий. Она была писательницей, путешественницей, разведчиком, политическим аналитиком и консультантом, администратором и археологом. Она вполне заслужила прозвище «Лоуренс Аравийский в юбке», поскольку она внесла не меньший вклад в распад Османской империи и определение послевоенной судьбы ее арабских народов, чем знаменитый разведчик, организовавший восстание арабских племен против турецкого владычества. Во многом благодаря ее деятельности в сфере британского влияния оказались Палестина, Трансиордания и Ирак. Она была энергичной, умной, авантюристичной. Она вершила судьбы целых народов, но не могла устроить свою собственную судьбу, так и оставшись одинокой до конца своих дней.

В Англии и США биография Гертруды Белл включена в школьные хрестоматии «Выдающиеся женщины мира». Вероятно, мало найдется в истории женщин, которые так сильно, как она, повлияли на мировую политику. Гертруда Белл, оставаясь доверенным лицом и патриоткой Британской империи, сумела установить добрые и доверительные отношения со многими народами и племенами Ближнего Востока. Это была незаурядная женщина, способная заткнуть за пояс многих мужчин. Счастье ее было в дороге. А вот личного счастья она так и не обрела.

Главным свершением всей жизни Гертруды Белл стало построение Иракской монархии и определение границ современного Ирака. Монархия рухнула через тридцать с небольшим лет после ее смерти, так и не превратившись в действительно конституционную, каковой первоначально замышлялась, по крайней мере, теоретически. А границы Ирака, прочерченные почти столетие назад профессиональным картографом и дипломатом Гертрудой Белл, сегодня воспринимаются не более чем условные линии на карте. Фактически независимый Иракский Курдистан, значительная часть северного и центрального Ирака, включенная в состав самопровозглашенного Исламского государства, непрекращающаяся уже более двух десятилетий гражданская война… Разумеется, всего этого предвидеть Гертруда не могла. И глупо возлагать на нее ответственность за нынешние события в Сирии и Ираке, за возникновение террористического

Исламского государства, утверждая, будто бы все это произошло из-за неправильно проведенных границ между странами Ближнего Востока. Ведь политики и дипломаты никогда не могут предвидеть последствия своих действий и решений даже в краткосрочной перспективе нескольких лет, что уж говорить о десятилетиях и веках! Но нынешние трагические события на Ближнем Востоке стимулировали интерес к личности Гертруды Белл и вызвали появление посвященного ей эпического байопика «Королева пустыни», снятого знаменитым американо-германским режиссером Вернером Херцогом под лозунгом «Одна женщина может изменить ход истории». Об истории съемок этого замечательного фильма мы тоже расскажем в нашей книге.

Еще в Англии

Гертруда Маргарет Лотиан Белл родилась 14 июля 1868 года в Англии, в графстве Дурам, в поместье своего деда сэра Исаака Лотиана Белла в Вашингтон-холле. Она принадлежала к одной из самых богатых семей Англии. Сэр Лотиан владел сталелитейными заводами на севере Англии и за свои заслуги перед империей был на склоне лет удостоен титула баронета, а также являлся депутатом парламента от Либеральной партии. Его называли «стальным королем» Северной Англии. После его смерти 20 декабря 1904 года в возрасте 88 лет семейный бизнес унаследовал старший сын Хьюго, отец Гертруды. В момент рождения дочери ему было 24 года. Мать ее, Мэри Шилд Белл, умерла при рождении ее младшего и единственного брата Мориса, когда девочке исполнилось всего три года. Это случилось в 1871 году. Еще через пять лет Хьюго Белл женился вторично на Флоренс Олайф, женщине образованной и добросердечной, которая с первых дней своей жизни в Вашингтон-холле относилась к падчерице как к родной дочери. Гертруда тоже очень привязалась к мачехе, в которой души не чаяла. Да и дед свою внучку очень любил и баловал.

Некоторые биографы полагают, что смерть матери стала для Гертруды тяжелой детской травмой, которая проявлялась в периодах депрессии и рискованного поведения. Однако в это трудно поверить. Ведь в момент смерти матери девочке было всего три года, и она не могла помнить ее.

Стоит отметить, что Флоренс родила Хьюго еще трех детей: Хьюго Лотиана – в 1878 году, Флоренс Эльзу в – 1880-м и Мэри Кэтрин – в 1882 году. Хьюго Лотиан умер 2 февраля 1926 года, и не исключено, что потрясение, связанное с его смертью, стало одной из причин, побудивших Гертруду покончить с собой. Флоренс Эльза вышла замуж за адмирала Геберта Уильяма Ричмонда, которого характеризовали как, возможно, самого выдающегося морского офицера его поколения. Адмирал Ричмонд был одним из творцом революции в британской морской стратегии и военно-морском образовании, произведенной в конце и после Первой мировой войны, и также являлся выдающимся военно-морским историком. В частности, Ричмонд первым высказался за систему конвоев как средство противодействия германской подводной войне. Он скончался в возрасте 75 лет 15 декабря 1946 года. Адмирал Ричмонд был старше жены на девять лет. Мэри Кэтрин вышла замуж за землевладельца и политика, принадлежавшего сначала к либеральной, а потом

к лейбористской партии, сэра Чарльза Филлипса Тревельяна. Он умер 24 января 1958 года в возрасте 87 лет. Надо сказать, что почти все родственники, за исключением сводного брата Хьюго Лотиана, значительно пережили Гертруду.

Отец Гертруды был достаточно необычным капиталистом для того времени. Он хорошо платил своим рабочим и заботился об их социальном обеспечении. Возможно, здесь сказывались либеральные политические традиции семьи Беллов. Флоренс Белл писала пьесы и рассказы для детей. Она также опубликовала исследование, посвященное рабочим на заводах мужа. Приемной дочери она внушала понятия долга и приличия. А ее деятельность по образованию жен рабочих, возможно, повлияла на Гертруду, в конце жизни занявшуюся образованием женщин в Ираке.

Естественно, родившись в семье миллионера, Гертруда ни в чем не нуждалась и практически ни в чем не знала отказа. Флоренс не только окружила падчерицу своей любовью, но и постаралась дать ей отличное домашнее образование, пригласив в дом лучших учителей, которые восхищались способностями своей воспитанницы, хотя она не слишком утруждала себя в процессе учения. Все Гертруде давалось легко.

Вот одно из первых писем Гертруды, датированное 23 ноября 1874 года:

> «Мой дорогой папочка, в субботу мы ходили в цирк; сначала там была молодая женщина, танцующая на канате, мы думали, что это очень красиво, но Горацию больше понравились клоуны. Там был клоун, который сказал хозяину цирка «давайте играть в прятки». У клоуна было яблоко, и сначала клоун спрятал его, а потом его нашел хозяин цирка, а затем хозяин цирка спрятал его; затем клоун спрятал его в основательном месте – он его съел. Хозяин цирка не мог его нигде найти, пока клоун не указал на свое горло. В цирке маленький мальчик поднялся по лестнице, встал на качели и качался сам через цирк в объятия отца, перевернувшись в воздухе. Там был парень, который сделал сальто и отстреливался из двух пистолетов…
>
> Мы пели в детской комнате, пока мы раздевались, затем Морис после пения сказал, что «сейчас все полетят на небо, Нана и Нини, и Гертруда, и Гораций». Мы пили чай с маленькими печеньями прошлым вечером, и Морис притворился, что он деревенский джентльмен, и сказал нам, что он убил лисиц и тигров. Морис сказал, что он однажды убил лису в ловушке. Тогда дядя Том

сказал: «это было так же плохо, как убийство ребенка», потом Морис сказал: «Я убил ребенка однажды». Тогда дядя Том сказал, что его следует повесить, но Морис сказал, что «это был ребенок лисы». Морис шлет привет и целует, и я тоже, двенадцать раз каждый.

Ваша ласковая малышка Гертруда».

Между прочим, имя Гертруда имеет германские корни и образовано от слов «ger» («копье») и «þruþ» («сила»). Считается, что женщины с таким именем, как правило, обладают жестким, волевым и непримиримым характером. Нашей героине все эти качества действительно были присущи.

Привольная жизнь среди живописных лесов, холмов и вересковых пустошей закончилась, как это всегда бывает, довольно внезапно. В 15 лет домашнее образование Гертруды было завершено, и ее отправили в Лондон, в Квинс Колледж на Харли-стрит, что полностью соответствовало викторианской традиции тогдашних богачей. Угловатый подросток, беспечно резвившийся на природе со своими сверстниками и сверстницами, вдруг превратился в миловидную юную леди. Современники так описывали ее портрет: «рыжеватые волосы и пронзительные зелено-голубые глаза, от матери – губы бантиком и округленный подбородок, от отца – овальное лицо и острый нос». В общем, симпатичная, но отнюдь не супер-красавица. Необходимо подчеркнуть, что с ранних лет Гертруда выказывала незаурядные способности. В школе учитель истории поразился ее успехам в своей области и настоятельно посоветовал продолжить образование, хотя особого усердия в учебе Гертруда не проявляла. Родители дали добро, и Гертруда в 1885 году стала студенткой оксфордского Колледжа леди Маргарет. Эта дерзкая рыжеволосая девчонка была одной из немногих представительниц прекрасного пола, которых приняли в Оксфордский университет. Сказались как ее способности, так и связи отца. Женщинам в Оксфорде дозволяли специализироваться только по ограниченному числу предметов, включая историю. Гертруда изучала историю в Оксфорде и специализировалась по современной истории и картографии. В стенах древнего университета богатая наследница семейства Белл должна была остепениться и принять манеру поведения, положенную девушке из хорошей семьи. Но ничуть не бывало. Гертруда с головой окунулась в бесшабашную студенческую жизнь. Библиотекам она предпочитала занятие спортом и ночные оксфордские увеселения. К концу первого курса подруги по Оксфорду стали подражать ей в одежде. Все поголовно обзавелись изящными

коричневыми туфлями на низком каблуке, как у нее. Гертруда слыла изрядной модницей, без устали меняла наряды, много танцевала, плавала, играла в теннис, каталась на каноэ, участвовала в любительских спектаклях. Все это она впоследствии называла «легкомысленными глупостями». В то же время, между развлечениями наша героиня успевала учиться, причем отзывы об ее успехах были самых превосходных степеней. Протанцевав ночь напролет, она пришла на первый устный экзамен бодрая и одетая по последней моде, и с порога дерзко заявила прославленному историку, специалисту по Англии XVII века, не дожидаясь его вопросов: «Боюсь, профессор Гардинер, что мое мнение о Карле I не совпадает с вашим». И в результате получила от крупнейшего ученого высший балл. Как писал позднее историк Кристофер Хитченс, «Гертруда Белл чаще других ездила на экскурсии в Альпы и работала во время летних каникул в археологических экспедициях в пустынях». На всех выпускных испытаниях она также получила высшие баллы, и в 1888 году Гертруде Белл вручили диплом первой степени с отличием по специальности «Современная история».

21 мая 1886 года Гертруда писала домой из Оксфорда: «Дорогая Мама. Я уже написала тебе одно письмо сегодня, но оно было очень неинтересным. И у меня есть десять минут, чтобы написать тебе еще одно письмо, до того как переодеться к ужину. Наконец, я думаю, у нас будет хорошая погода. До сих пор дождь шел, почти не переставая. А вот сегодня было прелестно. Сегодня днем я каталась на лодке, и грести было очень трудно. Однако я была горда своей сообразительностью, учитывая, что гребла я в первый раз! Я действительно очень горда тем, что не поймала ни одного краба! Ты представить себе не можешь, как здесь здорово. Мы играем в теннис около двух часов каждый день. Даже после дождя мы всегда можем играть, потому что у нас есть гаревый корт. Два раза в неделю мы купаемся, так что видишь, мы очень энергичные. Там есть действительно приятная девушка по имени Хильда Вудхед, с которой я всегда играю в теннис. Мы играем на равных, и получается замечательный одиночный поединок. Она единственная девушка здесь, которая по-настоящему может играть. Все остальные только начинают учиться. Есть несколько девочек, которые мне очень нравятся, но, к сожалению, они все уедут после этого семестра. Я не знаю, как мы бедные останемся без всех них на следующий семестр. Завтра днем я иду с Сомервилл играть на частном корте. Я не знаю этих людей и чувствую себя довольно стеснительно. Хозяин, как мне сказали, заинтересовался нашим теннисом, и в Кембридже будет матч. Г. Б.»

Когда Гертруда вернулась из Оксфорда домой, сэр Хьюго с ужасом обнаружил, что дочь курит. Подобная эмансипация была ему не по душе. Гертруда курить не бросила, но успокоила отца, что никогда и не думала бороться за равные с мужчинами права женщин. Она была убеждена, что женщина всегда должна оставаться женщиной. В дальнейшем, однако, это убеждение не помешало ей стать первой в британской истории женщиной – кадровой сотрудницей военной разведки и решать судьбы целых государств и народов.

Когда нашей героине исполнилось 20 лет, она вернулась в родные пенаты, завершив свое образование. Страдая от безделья, она уже подумывала поскорее выйти замуж (благо, претендентов на ее руку и наследство хватало) и мечтала о тихой семейной жизни в Вашингтон-холле, где она занималась бы воспитанием детей, иногда выбираясь на светские рауты. Однако такая жизнь оказалась не для нее. И когда ее дядя, сэр Фрэнк Лasселз, посол Англии в Румынии, пригласил племянницу провести зиму 1888 года в Бухаресте, она это предложение охотно приняла. «Они здесь развлекаются так, точно этот день их жизни – последний», – писала Гертруда мачехе о бухарестской ночной жизни, активной участницей которой она была. Девушке хватало всего пять-шесть часов сна в сутки. Гертруда даже открыла при английском посольстве что-то вроде школы, где учила всех желающих дипломатов вальсу бостон и теннису. Время, проведенное в румынской столице на светских раутах, театральных премьерах и различных биеналле, пролетело быстро и, по видимости, бесполезно.

На Восток!

Зато перед возвращением в Лондон она с дядей и тетей на короткое время посетила Стамбул, и город ее по-настоящему очаровал. А после недолгого пребывания в Англии в мае 1892 года Лассельз был назначен послом в Тегеран и снова предложил Гертруде составить ему кампанию. Предложение было охотно принято. «Если я отправлюсь туда этой зимой, моя жизнь изменится к лучшему» – убежденно записала Гертруда в своем дневнике. И сразу же начала учить фарси, сделав в нем немалые успехи. Вообще, надо сказать, что у мисс Белл были прекрасные способности к языкам. Кроме фарси, она бегло говорила, читала и писала на арабском, французском и немецком, а также владела итальянским и турецким. Это немало помогло ей в странствиях и дипломатической деятельности.

Гертруде особенно понравилась пустыня на подъезде к Тегерану, но девушка еще не знала, что пустыни скоро станут ее судьбой. «Человек, хоть раз побывавший здесь, – писала Гертруда родным, – обречен на возвращение…»

В европейском квартале Тегерана тоже кипела светская жизнь, хотя и не столь бурная, как в Бухаресте. Но еще больше ее очаровало гостеприимство персидских вельмож. Белл описала его следующим образом, не без иронии, но не скрывая восхищения: «Посреди дивного сада – фонтаны, деревья, пруды – стоит дом «из сказки». С голубой черепицей, украшенный крохотными кусочками стекла. Здесь пребывает величественный принц, одетый в длинные одежды. Он выходит встретить вас. Его дом – ваш, его сад – ваш, не говоря уже о его чае и фруктах. «Ваш преданный раб надеется, что милостью Божьей госпожа в добром здравии», «Госпожа здорова, хвала милосердию Создателя», «Не угодно ли госпоже присесть на эти подушки?» Госпожа садится на подушки и, пока под навесом в саду подают мороженое и кофе, проводит время, обмениваясь через переводчика цветистыми комплиментами с хозяином дома. После чего, освеженная и очарованная, вы едете домой, а вслед вам несутся благословения хозяина… Я поняла, что у нас на Западе нет гостеприимства и хороших манер. Я чувствовала себя пристыженной, точно была нищенкой с улицы».

В письме домой Гертруда также мельком упомянула и о первом секретаре посольства – статном молодом джентльмене 33 лет, замечательном наезднике и спортсмене, который, как кокетливо писала Гертруда родным, «опекает ее сверх меры». Это был Генри Кадоген, младший сын известного аристократа

графа Кадогена. Он стал постоянным спутником Гертруды в ее вылазках. Пикники, балы, теннисные турниры, посещение базаров, соколиная охота, прогулки в горах – их везде видели вместе. Никто не сомневался, что они влюблены друг в друга.

Генри давно знал и любил Иран, помогал Гертруде совершенствоваться в фарси. Предложение руки и сердца он сделал ей в саду, среди фонтанов, кипарисов и роз. Гертруда, в полном соответствии с чопорными викторианскими традициями, запросила согласие родителей на помолвку. Она написала в Йоркшир длинное письмо. Почта между Персией и Англией тогда доставлялась долго. Неутешительный ответ пришел только 14 сентября 1892 года. Родители требовали ее немедленного возвращения. Кадоген не казался им перспективной кандидатурой в зятья. Чета Беллов сомневалась в возможностях его карьерного роста. Для миллионеров Белл Генри Кадоген был «всего лишь бедный чиновник, не способный прокормить будущую семью». Сомневались они и в глубине ее чувств к Генри, полагая, что здесь – лишь романтическая влюбленность, усиленная восточной экзотикой. В общем, «он был титулярный советник, она – генеральская дочь». Правда, не совсем генеральская: Хьюго Белл был не военным, а «капитаном промышленности», как тогда говорили.

Гертруда послушно собралась в дорогу. Последние дни они были неразлучны с Кадогеном и расстались в отчаянии. Уже в Англии родители поняли, как Гертруда любит Генри. Она была мрачной и оживлялась только, когда говорила о своем возлюбленном. Родители не устояли и дали согласие на помолвку и брак. Но вскоре оказалось, что уже поздно. Летом 1893 года Генри Кадоген умер от холеры, сгорев всего за несколько дней. Получив это трагическое известие, Гертруда впала в депрессию. Окружающий мир утратил для нее свою привлекательность. «Теперь, – с отчаянием писала она в дневнике, – наши совместные мечты о путешествиях по арабским землям никогда не осуществятся…» Чтобы утешиться и выйти из депрессии, Гертруда предприняла ряд путешествий по Европе. За пять лет она объездила почти весь континент. А еще в 1897–1898 годах совершила кругосветное путешествие. Ведь они с Генри так мечтали о совместных путешествиях, особенно по странам Востока. Но туда она попала лишь через шесть лет после смерти своего несчастного жениха.

Сначала, к 1896 году, Гертруда выучила арабский и внимательно проштудировала Коран. Ее первая командировка в Персию была запечатлена в «Персидских записках», опубликованных в 1894 году. Эта книга имела определенный

успех и помогла ее автору выйти из депрессии, связанной со смертью возлюбленного. А заодно Гертруда перевела на английский «Диван» Хафиза. На Восток же она отправилась только зимой 1899 года, когда предприняла путешествие в Иерусалим. Там Гертруда в 1899–1900 годах изучала арабский язык, а также исследовала арабские археологические раскопки. А в марте 1900 года ее небольшой караван уже двинулся вглубь Аравии. Мисс Белл отважно восседала на горячем арабском скакуне, а за ней следовал караван верблюдов. Теперь Гертруде пришлось пересесть с привычного дамского седла в мужское седло, для чего она сама изобрела оригинальную широкую юбку-брюки. Она говорила со всеми, кого встречала: с торговцами, паломниками, бедуинами. Женщина, свободно владеющая арабским и на память цитирующая суры Корана и бейты Хафиза, вызывала уважение у встречных бедуинов. Ей помогали и торговцы, и паломники, направляющиеся в Мекку. Их тоже покорили ее свободное владение арабским и знание местных обычаев. Перед Гертрудой открылись пологи в шатров бедуинских шейхов. Гертруду прозвали «покорительницей песков». Ей удалось завязать дружеские отношения со многими шейхами арабских племен.

Как писал русский историк А. Адамов в 1912 году в книге «Ирак Арабский», «арабы сами себя делят на «ахль-эль-бейт» и «ахль-эль-хэйт», то есть на обитателей палатки или кочевников и на застенных жителей или оседлых. Кочевой араб пустыни или бедауи (производное от «бадийэ», что значит «пустыня», и превратившееся у европейцев под влиянием испорченного произношения в «бедуина») сохранил в первоначальной чистоте и неприкосновенности старозаветные арабские нравы и обычаи, так что быт его в современную нам эпоху мало чем отличается от жизни его предков во времена библейские. Между тем оседлый араб под влиянием лучших условий жизни и цивилизации отказался уже от многих привычек прежней кочевой жизни и в известной степени утратил характерные особенности своей расы, посему он мало похож на своего прототипа – бедуина. Бедуины являются доныне преобладающим элементом среди арабского населения Ирака, ввиду чего в этнографическом описании Бассорского вилайета этим «сынам пустыни» надлежит отвести первое место, и их бытом заняться более обстоятельно. Бедуины при высоком росте и стройном телосложении отличаются обыкновенно сильной сухощавостью, несмотря на широкие кости и развитую мускулатуру. Дородность среди них – явление настолько редкое, что считается уродством и преследуется насмешками. Густые, длинные волосы,

обыкновенно черные и изредка русые или рыжие, заплетены в несколько кос, свисающих по обеим сторонам лица, что вместе с длинной, хотя и редкой бородой, широким покроем ниспадающей до ног одежды и спокойной величавостью придают бедуину вид библейского патриарха. Глаза у них большей частью темно-карие, почти черные, редко голубые, взгляд проницательный и испытующий, выражение лица строгое, решительное, с сильной примесью лукавства. В общем, бедуины отличаются безусловно красивою наружностью, но быстро стареют, и уже к 30 годам всякий из них может считать свою молодость давно прошедшей. К этому времени глаза у них окружены глубокими морщинами вследствие необходимости постоянно щуриться, защищая зрение от ярких лучей солнца; щеки впали, а цвет лица под влиянием того же беспощадного солнца принял темно-коричневый оттенок. Годам к 40–45 борода у них окончательно седеет, и в 55 лет бедуин выглядит настоящим стариком, хотя и сохраняет, обыкновенно до конца жизни, подвижность и стройный, прямой стан. Одежда бедуина проста до крайности и состоит из длинной, доходящей до пят рубахи по преимуществу белого цвета, поверх которой зажиточные люди, как исключение, надевают полосатый халат туркменского покроя; для защиты от холода и непогоды сыны пустыни набрасывают на плечи «абу» или шерстяной плащ, который во время сна служит им вместо одеяла. О шароварах, как стесняющих свободу движений, нет и помину; ноги босы или иногда в сандалиях; голова прикрыта бумажным или шелковым платком, сложенным треугольником, основание которого обрамляет лицо, две стороны падают на плечи, а вершина – на спину. Такой платок или «кеффиэ» придерживается на голове «ага-лем», то есть длинным жгутом из верблюжьей шерсти, дважды обмотанным вокруг макушки. Кожаный самодельный пояс часто перехватывает поверх рубахи стан бедуина и дополняет его одеяние. У городских арабов халат и шаровары составляют необходимую принадлежность костюма, причем даже пиджаки европейского покроя в большом употреблении у них в качестве верхнего зимнего платья. Оружие, с которым чистый бедуин почти никогда не расстается, составляет столь необходимое дополнение к внешнему облику, что без него представление о наружности сына пустыни было бы далеко неполным. Страсть к современному европейскому оружию так велика у бедуина, что он охотно будет терпеть лишения и откажет себе во многом, лишь бы обзавестись хорошей винтовкой или карабином Мартини, которые через Маскат и Ковайт в большом количестве ввозятся в Аравию. Если еще

в начале половины XIX столетия редкие европейские путешественники, проникавшие вглубь Аравийского полуострова, отмечали, как необычное явление, присутствие кремневых ружей у бедуинов, то ныне подобное оружие даже в пустыне считается устаревшим и утратившим половину прежней стоимости.

Гертруде в ее странствиях по пустыне приходилось встречаться преимущественно с бедуинами.

В Мадебе Гертруда встретила одного американского фотографа, который предупредил, что дальше двигаться небезопасно, и посоветовал попросить у турок вооруженную охрану. Неопытная путешественница, не знакомая с османскими нравами, обратилась к властям, которые заподозрили в ней шпионку и запретили покидать Мадебу. Но Гертруда нашла замечательный выход из затруднительного положения. На другой же день она явилась с фотокамерой и заявила, что хотела бы сфотографировать всех местных турецких чиновников. Это турком польстило. Они выделили охрану путешественнице и позволили продолжать путь. Но при виде турецких солдат гостеприимство арабов моментально испарялось.

Она совершила многочисленные путешествия по Сирии, Ливану и другим арабским владениям Османской империи, а также по Малой Азии. Все эти путешествия были связаны с большими сложностями. Так, Гертруда, отдохнув в Иерусалиме после первой экспедиции лишь три недели, отправилась в столицу страны друзов (Джабалдь-аль-Друзе) Салхад по ливанским и сирийским землям. Но через несколько дней пути ее караван был остановлен турецкими жандармами, любезно поинтересовавшимися: «Куда направляется госпожа?» – «К друзам», лаконично ответила Белл. В ответ – вежливые улыбки и молчание. Наконец турецкий офицер произнес: «Госпоже нечего там делать». Госпожа возмутилась: «Это уж мне виднее!» Тогда турки вынуждены были признаться, что получено специальное указание из Дамаска, где находился турецкий губернатор провинции: ни в коем случае не допускать иностранцев к друзам. Эти воинственные племена, считавшиеся «еретиками ислама» из-за своей очень своеобразной религии, весьма далекой от традиционного суннитского ислама, всегда находились в оппозиции к центральным османским властям. И турки не без оснований опасались, что проникновение в земли друзов агентов иностранных государств может привести к тому, что та или иная европейская держава возьмет друзов под свое покровительство. А это осложнит и без того непростое внутреннее положение блестящей Порты.

Гертруда выразила разочарование и сказала, что раз так,

то она подумает, что делать дальше. Утомленные многочасовыми препирательствами на жаре жандармы покинули лагерь путешественников и отправились в тенек отдохнуть, запретив Гертруде двигаться дальше.

Когда на другой день жандармы опять пришли в лагерь, их не пустили в палатку Гертруды, заявив: «Госпожа больна, очень больна. Она не встает с постели». Сержант спросил у одного из слуг, сможет ли караван уйти утром следующего дня? «Что вы, госпожа вряд ли дотянет до утра», – заверил его слуга. Успокоенные турки снова уехали. А Гертруда в два часа ночи покинула палатку. Под покровом темноты лагерь свернули в рекордно короткий срок. На рассвете путешественники вошли в страну друзов и добрались до Салхада. Погони можно было не опасаться, поскольку турки боялись входить на территорию воинственного народа. У турецкой армии и полиции явно не хватало сил, чтобы поддерживать все запреты, спускаемые из Дамаска и Стамбула. А шейх друзов, когда узнал, как «хитроумный Одиссей в юбке» провела турок, очень обрадовался и приказал своему придворному поэту сочинить в ее честь оду. Друзы толпами шли с дальних кочевий, чтобы впервые в жизни увидеть живую англичанку.

А вот с одним из бедуинских шейхов во время дальнейшего похода в Ливан Гертруда чуть было не разругалась насмерть. Караван остановился в лагере шейха на ночлег. Англичанку пригласили выпить кофе и отведать баранины. Беседа затянулась. У валившейся с ног после долгого перехода Гертруды слипались глаза, и она почла за благо тихо покинуть палатку, тем более, что ей показалось, будто никто уже не обращает на нее внимания. Но утром один из слуг вбежал в ее палатку и передал гневный вопрос шейха: почему она сочла возможным оскорбить его своим внезапным уходом. Бедная Гертруда тогда еще не знала местных обычаев достаточно хорошо и неожиданно прокололась. Чтобы помириться, она послала шейху в подарок револьвер, обернутый в шелковый платок. Тот остался очень доволен, и дружба восстановилась.

Надо сказать, что шейхи (предводители племен) играли главную роль в жизни бедуинов. А. Адамов отмечал: «Личность шейха имеет, конечно, решающее значение в отношении роста и упрочения его авторитета. Человек умный, ловкий, удачный в нападениях, обладающий сильной волей и твердым, решительным характером, может своими качествами приобрести почти безграничную власть, основанную на доверии к нему и обаянии его личности, но это уже является достоянием немногих лиц, действующих на всех своей притягательной силой.

Обязанности, лежащие на шейхе, как на представителе племени, весьма разнообразны. Он ведет племя на войну, хотя это и не обязательно, как увидите ниже; договаривается о мире; разбирает тяжбы и распри всех обращающихся к его суду; наконец у него в руках сосредоточиваются все нити политики данного племени, благодаря чему его палатка, открытая для всех, играет роль политического клуба. Главное же требование, предъявляемое к каждому шейху, состоит в возможно более широком хлебосольстве, которое является мерилом его популярности: чем шейх могущественнее, тем больше тратит он на кормление своих соплеменников и тем открытее живет… Помимо обычного хлебосольства, шейху приходится постоянно проявлять свою щедрость, помогая бедным или одаривая своих друзей и сторонников то лошадью, то верблюдом, то съестными припасами. Для такой широкой жизни требуются, само собой разумеется, немалые средства, в которых не имеют недостатка шейхи больших и могущественных племен вроде Анэзэ, Шаммар; из мелких же шейхов подобную роскошь могут позволить себе лишь те, которые состоят на жалованьи у турецких властей или получают субсидии от Великобританского правительства. Помимо этого, доходы шейха состоят из дани, собираемой с покоренных племен, из откупа, выплачиваемого караванами, паломниками и путешественниками за безопасный проезд по его владениям, и, наконец, из военной добычи, из которой у некоторых племен выделяется на долю шейха до одной пятой части всего захваченного у неприятеля скота и имущества. К преимуществам шейха относится также внешний почет: он председательствует на всех собраниях и совещаниях, при его появлении все присутствующие встают и садятся лишь по занятии им своего места. Особую стражу или телохранителей заводят себе только самые богатые шейхи, другие обыкновенно же довольствуются небольшой свитой из родственников или невольников; у большинства шейхов бедуинских племен Ирака Арабского существуют весьма многочисленные отряды телохранителей, которых насчитывается тем больше, чем выше положение шейха.

Шейх избирается всем племенем, и для этого не требуется никакого ценза ни от избирателей, ни от избираемых; каждый волен подавать свой голос за кого ему заблагорассудится. Здесь следует заметить, что, несмотря на демократизм бедуинов, шейхство остается преимущественно в одном роду, переходя от отца к сыну, брату или дяде; лишь особенная непригодность заместителей того или другого шейха может заставить племя отнять у его рода главенство и избрать на его место человека,

успевшего отличиться выдающимися способностями, удачей и дарованиями. Родословная кандидата играет при этом далеко не последнюю роль, так как древность рода имеет в глазах арабов большое значение, и многие семьи, гордящиеся длинным рядом предков, неохотно подчинятся первому выскочке, не испробовав предварительно всех возможных средств, чтобы самим занять его место. Эта аристократическая замашка так сильно сказывается в бедуинах, что древний род ни за что не породнится с семьей простого происхождения; мало того, считается позорным родство даже между племенами, причисляемыми к благородным и неблагородным, к которым истиные бедуины относят, между прочим, всех феллахов или земледельцев. Как главою семьи является старший член ее, а во главе рода (таифэ) или совокупности всех принадлежащих к нему семей стоит родоначальник, так отдельные мелкие племена (аширэ) управляются своими собственными шейхами, во главе же племени (бени или кабилэ), обнимающего собою все аширэ, стоит главный шейх, носящий в отличие от подчиненных ему шейхов звание «шейх-эль-кебир» или «шейх-эш-шуюх».

В понятие шейхства вовсе не входит идея о предводительстве на войне, посему шейхи иногда ведут самолично свое племя против неприятеля, большею же частью во главе его на время военных действий становится особый вождь или «акид». Последний избирается, подобно шейху, но облекается на время военных действий властью гораздо большей, чем обыкновенный глава племени, так как ему представлено право на жизнь или смерть своих подчиненных. Акиду должны беспрекословно повиноваться не только бедуины, но и сам шейх, устраненный от командования вследствие болезни, старости или просто по неспособности. Доходит до того, что акид избирается даже из чужого племени, если среди своих не могли найти достаточно талантливого вождя. Как в военном деле шейху приходится делить свою власть с акидами, так в судебных постановлениях он не может обойтись без сотрудничества так называемых «кади-эль-фераа» или «арифа», то есть знатоков обычного права пустыни. Последние, в качестве третейских судей, стараются в мелких делах добиться примирения сторон; в более серьезных процессах и тяжбах их совести и здравому смыслу представляется найти справедливое удовлетворение потерпевших ввиду того, что, по обычному праву пустыни, за всякий проступок и преступление, начиная с оскорбления словами и кончая убийством, установлена особая строго определенная пеня; в случае взаимной вины тяжущихся роль названных судей сводится к тому, чтобы определить, которая из сторон совершила более тяжкий поступок,

дабы наложить на нее в пользу менее виноватой стороны пеню в размере разности между штрафами, установленными за совершенные тем и другим проступки. Судьи эти приобретают иногда такую популярность, что к их правосудию прибегают даже из чужих племен, так как за тяжущимися, в случае недовольства решением судьи своего племени, признается право перенести дело на рассмотрение другого «знатока обычного права»; в таких случаях требуется, однако, чтобы прежнее решение было объявлено постановившим его судьей несостоявшимся».

Караван отправился в Бейрут, а потом в Яффу, где мисс Белл села на корабль и отплыла на родину. Но, как она признавалась, чувствовала, что «я вернусь сюда очень скоро. Человек, хоть раз побывавший здесь, обречен на возвращение. Особенно если этот человек уже забрался так далеко, как я». Гертруда навеки стала пленницей ближневосточных гор и пустынь.

В мае 1902 года Гертруда вернулась в Европу и вскоре совершила 53-часовое восхождение на Финстерархорн – самую высокую вершину Бернских Альп (4274 м), да еще во время снежной бури. А потом, в 1902–1903 годах, она совершила второе кругосветное путешествие, в ходе которого посетила Индию и Китай. В Порт-Артуре она увидела русскую эскадру. Побывала и в японской Иокогаме. Гертруда была истовой носительницей провозглашенного Редьярдом Киплингом «бремени белых», надеясь цивилизовать туземные народы к их же благу. Всего в 1899–1904 годах Гертруда совершила не менее десяти восхождений в Бернских Альпах, а также на Монблан и Мейе во Французских Альпах. 18 июля 1902 года она писала домой: «Всякий раз, когда нам попадался снег, мы увязали в нем по пояс… Я чуть было не получила увечье на леднике, поскольку поскользнулась на обледеневшей скале и чуть не упала в заполненную снегом пропасть, но, к счастью, меня удержал страховочный канат. Все мы порезали руки во время этого путешествия, а это была еще наиболее легкая часть спуска».

В 1905 году она познакомилась с сэром Уильямом Рамси, известным археологом, признанным специалистом по древностям Малой Азии. Гертруда обмолвилась, что тоже «немного увлекается археологией», ученый муж посмотрел на нее недоверчиво, сочтя это очередной прихотью дочери сталелитейного магната, взявшей моду странствовать по пустыням. Но к концу беседы он убедился в серьезности намерений мисс Белл и пригласил ее стать своей спутницей в новой экспедиции, куда Рамси как раз собирался. Идея Гертруде очень понравилась. Но дела в Англии ее задержали на два года. Весь 1906 год она писала лирическую книгу «Пустыня

и плодоносная земля». В археологическую экспедицию в Малую Азию с Рамси она отправилась только в 1907 году. С Рамси они раскопали древние поселения Трансиордании, Джебеля, Вавилонии; открыли древнюю крепость сасанидов Укхаидир и руины раннехристианских храмов. Увлеченная Гертруда целыми днями рисовала планы, копировала надписи. В 1907 году они обнаружили поле руин в Северной Сирии, на восточном берегу верхнего течения Евфрата, на крутом склоне, который когда-то был речной долиной. Реконструировав по руинам план древнего города, Гертруда пришла к заключению, что это могла быть Берсиба из Птолемеева списка городов. Согласно описанию античного географа, она тоже располагалась на берегу реки и была окружена двойным валом. Гертруда по-настоящему увлеклась археологией. Весь 1908 год они в соавторстве с Рамси писали книгу «1001 храм», не потерявшую своего научного значения и в наши дни.

Тут Гертруда неожиданно для всех вступила в «Женскую антисуфражистскую лигу» и даже сделалась ее почетным секретарем. Причина ее антифеминизма лежала в ее семейных обстоятельствах. Когда знаменитая миссис Эммелин Панкхееерст, основательница Женского социально-политического союза – движения за эмансипацию женщин, задалась целью популяризировать идеи женского равноправия в Англии, любимая мачеха Гертруды Флоренс Белл примкнула к ярым противницам суфражизма. Заметим, что суфражистки были отнюдь не ангелами. Они сознательно провоцировали полицию, разбивая окна и нападая на полицейских, а в дальнейшем перешли к поджогам и взрывам. Панкхееерст вместе со своими тремя дочерями неоднократно арестовывались и получали тюремные сроки. В тюрьмах они объявляли голодовки, требуя улучшения условий содержания осужденных. Гертруда же была привержена викторианской традиции, согласно которой женщины должны были во всем слушаться мужей и родителей.

Но, оставив на время и археологию, и борьбу с феминизмом, в конце 1911 года Гертруда снова собрала караван в Дамаске, чтобы пересечь Сирийскую пустыню. Зима в тот год была очень суровой. По утрам ее слуги из-за холода отказывались покидать палатки. Приходилось выбивать колышки, чтобы обрушить палатки из тяжелой верблюжьей шерсти, и тогда их обитатели волей-неволей вынуждены были выбираться на холод.

Вообще, необходимо помнить, что жизнь бедуинов в пустыне была скудна и полна опасностей. А. Адамов так описывает их быт, мало изменившийся на протяжении веков: «бедуинки увядают едва ли не быстрее мужчин, что обусловливается тяжелыми

условиями их жизни. Действительно, если представители сильного пола обречены в пустыне, с момента рождения и до самой смерти, на постоянные невзгоды и лишения, то слабому полу приходится еще тяжелее ввиду того, что, как увидим ниже, все домашние работы и хозяйственные хлопоты взвалены на бедуинских женщин. Питание кочевого араба составляют финики, рис, просо, ячмень или пшеница, которыми он раз или два в год запасается в городах, выменивая на продукты скотоводства; из зерна, смолотого на ручных жерновах, изготовляется тесто, которое запекают или на раскаленных камнях или прикрепляя к стенкам вырытых в земле ям, где предварительно сжигается сухая колючка или высушенный верблюжий помет; приготовленный таким образом хлеб представляет собою полусырые с трудом разжевываемые лепешки. У племен, которые владеют рогатым скотом, молоко верблюжье, а также овечье и козье, вместе с маслом, сбиваемым из двух последних сортов, обильно дополняют стол бедуина. На зиму, считающуюся у бедуинов «голодным сезоном», заготовляют из створожившегося верблюжьего молока небольшие шарики, хорошо выжатые, спрессованные и затем высушенные на солнце, которые сохраняются месяцами и будучи размочены в воде дают род кислого молока. Если в южном Ираке Арабском финики составляют главную и иногда единственную пищу арабов, то уже в Багдадском вилайете, то есть к северу, чрезмерное потребление плодов финиковой пальмы считается нездоровым, так что для прекращения вызываемой ими дизентерии прибегают к крепкому черному кофе без сахара. Этот напиток в большом употреблении как среди городских арабов, так и у бедуинов, которые первым делом угощают своего гостя чашечкой кофе, причем отказ от него считается равносильным намеренному оскорблению хозяина палатки. Помимо вышеуказанного благотворного действия кофе, бедуины признают за ним и другие целебные свойства, как то: улучшение зрения, укрепление памяти и т. д., ввиду чего кофе пользуется почетом даже среди кочевников. Само приготовление его обставлено известным церемониалом: его варит обыкновенно прислужник – специалист по этой части, или сам хозяин, который, заварив воду в кофейник, приступает к жарению кофе, что производится всегда перед самым угощением; кофейные зерна поджариваются в большой железной ложке, на медленном огне, пока не покраснеют, после чего их остужают, измельчают в порошок в ступке и ссыпают в кипящий кофейник; к кофе прибавляют обыкновенно немного шафрана или мускатного ореха и пьют этот ароматный напиток

без сахара, который, по мнению бедуинов, лишь портит вкус.

Время от времени бедуины питаются бараниной и верблюжатиной, но такая пища считается роскошью, и к ней прибегают лишь в особо торжественных случаях, а именно при семейных празднествах вроде свадьбы, обрезания или при приеме почетных гостей. Мясо верблюдов, особенно молодых, считается весьма лакомым блюдом, так что, случись животному сломать в дороге ногу, его немедленно закалывают и тут же устраивают пир. Едят бедуины два раза в день: утром более легкую пищу, а вечером, после заката солнца, более основательную, в состав которой входит почти неизменно так называемый «айэш» или тесто, изготовленное из муки и кислого верблюжьего молока и сваренное затем без каких-либо приправ. Подобное питание вредно отзывается на взрослых, так что к 40–50 годам редкий бедуин не страдает несварением желудка, а на детей оно имеет прямо пагубное влияние и всякого, кому приходилось посещать бедуинские кочевья, невольно поражали большие и болезненно вздутые животы ребятишек. Смертность среди них достигает таких размеров, что, без преувеличения можно сказать, выживают из них лишь наиболее сильные и успевшие приспособиться к суровым условиями жизни в пустыне. При полном отсутствии какого-либо воспитания все индивидуальные качества и наклонности каждого ребенка, будь то хорошие или дурные, развиваются и крепнут на свободе, образуя в конце концов ту цельную натуру, в которую выливается бедуин».

Можно не сомневаться, что Гертруда Белл во время своих странствий по пустыне вела столь же спартанский образ жизни, как и рядовые бедуины, и однообразная и непривычная для европейского желудка диета не могла самым пагубным образом не сказаться на ее здоровье. К моменту своей смерти в 58 лет Гертруда была уже очень больным человеком.

Благодаря успеху книги «1001 храм» в кругах британских историков и археологов, мисс Белл получила приглашение от самого Дэвида Джорджа Хогарта, видного британского археолога, присоединиться к его раскопкам в древнем Кархемише.

В середине марта 1912 года Гертруда впервые добралась до Багдада, города, где ей суждено будет умереть. Но на этот раз ее целью был Кархемиш на побережье Красного моря, где в это время вел раскопки доктор Хогарт. В Кархемише произошла ее встреча с Томасом Эдвардом Лоуренсом, ставшим вскоре известным миру как Лоуренс Аравийский. Из палатки Хогарта к Гертруде вышел невысокий юноша. Пока они пили кофе,

он рассказывал ей, что учится в Оксфорде и хочет стать археологом. Гертруда отметила в своем дневнике, что молодой человек, похоже, скоро станет выдающимся ученым. Лоуренс же, которого девушки вообще-то не интересовали, в своем дневнике указал, что восхищен «женщиной, избравшей весьма своеобразный образ жизни». Несомненно, он почувствовал в Гертруде Белл родственную душу. Она же тогда и представить себе не могла, что всего через несколько лет станет «некоронованной королевой Ирака» и возведет на иракский трон верного друга Лоуренса шейха Фейсала.

Томас Эдвард Лоуренс был младше Гертруды на 20 лет. Его родословная была не столь знатной, как у нее, а детство не столь идиллическим, хотя нужды он никогда не знал. Он родился 16 августа 1888 года в Уэльсе. Он был незаконным сыном англо-ирландского землевладельца сэра Томаса Роберта Чэпмена, будущего седьмого баронета Вестмита. Его мать, Сара Юннер, была гувернанткой его дочери. Сэр Томас ушел от жены и стал жить с Сарой, хотя и не женился на ней. А фамилию сыну Томасу дали в честь Джона Лоуренса, судового плотника, в доме которого она ранее работала служанкой. Хотя Сара и Томас никогда не вступали в брак, они представлялись окружающим как мистер и миссис Лоуренс. У них было пятеро сыновей, и Томас был вторым из них. Мать, по воспоминаниям, иной раз крепко поколачивала будущего освободителя Аравии, и некоторые биографы полагают, что из-за этого у Томаса развился мазохизм. По мнению британского военного историка Бэзила Лиддел Гарта, отец Лоуренса «располагал средствами, не превышающими по размеру доходов ремесленника, увеличить же их трудом ему мешала кастовая гордость землевладельца». Тем не менее, отец позаботился об образовании сына. Томас, как и Гертруда, с отличием окончил Колледж Иисус Христа Оксфордского университета в 1910 году. Там Хогарт на всю жизнь заразил его арабским Востоком.

В конце 1913 года Белл прошла с караваном до Дамаска, дойдя до Хиджазской железной дороги, соединявшей Дамаск и Медину. В Дамаске Гертруда начала готовить экспедицию в древний город Хаиль, в тысяче километров от столицы арабских владений Турции. Теперь там находилась резиденция принца ибн-Рашида, правителя центральной части Аравийского полуострова. А вот уже из Хаиля предстояло отправиться к его смертельному врагу ибн-Сауду, повелителю южной части Аравии.

Перед экспедицией Гертруда выступила с докладом в Королевском Географическом обществе. Ученые мужи с интересом выслушали ее сообщение об археологических

изысканиях в Малой Азии и Месопотамии. Их поразили точные и достоверные факты и обоснованные научные гипотезы о быте и образе жизни древних обитателей арабской пустыни, прозвучавшие в весьма эмоциональном докладе 35-летней исследовательницы. Гертруде порекомендовали прослушать курс астрономии, основ топографии, а также научиться ориентированию на местности. Она охотно согласилась сделать это, так как знания такого рода были незаменимы в путешествиях. Тем более, что эта учеба была непременным условием выполнения весьма ответственной миссии. Представители Министерства иностранных дел предложили Гертруде свое содействие в организации новой экспедиции, а заодно и возможность возглавить официальную миссию Географического общества, в задачу которой входило провести картографирование и фотосъемку стран Ближнего Востока и Аравии. Турки не без оснований полагали, что эти карты отправятся в британское Министерство иностранных дел и в Генштаб. Мисс Белл получила и чисто политическое поручение: содействовать сплочению разрозненных арабских племен под британским покровительством для борьбы против турецкого владычества и проверить, не подкупили ли турки Ибн-Рашида. Фактически Гертруда Белл направлялась в арабские земли как британская разведчица, но в то же время никаких османских законов она не нарушала и никаких противоправных действий не совершала, так что арест и казнь ей не грозили. Турки вряд ли бы рискнули арестовать главу официальной британской миссии без крайне весомых на то оснований.

Свое путешествие в Сирию перед Первой мировой войной, Гертруда описала в книге, изданной из-за военных событий только в 1919 году. Она называлась «Сирия. Пустыня. Всходы». Там она, в частности, приводит отзыв о черкесах, живущих в Сирии выходцах с Северного Кавказа, бедуинского шейха Намруда, который хорошо характеризует отношения черкесов с местным арабским населением: «Черкесы – народ мрачный и вздорный, но трудолюбивый и предприимчивый сверх всякой меры, и в своем ежедневном состязании с арабами они неизменно выходят победителями. Недавно они представили повод для войны, отведя воду из ручья Зарка, от которого в летнее время зависимы бедуины; также становится все более и более невозможно спускаться в Амман – штаб-квартиру черкесов – за теми небольшими нуждами арабского быта, в которых так нуждаются бедуины – кофе, сахаром и табаком». Гертруда прекрасно понимала, что различные народы, населяющие Ближний Восток, относятся друг к другу весьма враждебно,

и резня между ними – дело обычное. Но ее симпатии в большей мере лежали на стороне арабов, и особенно – на стороне кочевников-бедуинов. Это позднее проявилось и в том, как Белл провела границы между послевоенными государствами. Но в целом у Гертруды не было предубеждений против каких-либо народов. За каждым народом она оставляла право на место под солнцем. О тех же черкесах она отзывалась вполне благоприятно. Так, в Бейруте ее встретил черкес, местный генерал-губернатор. Он дал ей охрану во главе с черкесским офицером жандармерии. По дороге произошла характерная сцена, запечатленная Гертрудой: «Я ехала из Мадебы в Мшитту в сопровождении черкесского заптия. В пути нам встретились бедуины из племени Бану Сухур, которые мигрировали с восточных пастбищ к Иордану. Равнина была усеяна их черными палатками. Группа одетых в черное всадников, вооруженных до зубов, направлялась к нам с явно недружелюбными намерениями. Они издалека встретили нас салютом (выстрелами в воздух), но когда они увидели черкесского всадника они повернули и медленно поехали обратно». Здесь также отмечена враждебность бедуинов к тем мусульманским группам, которые выступали на стороне турок. Неслучайно в то время черкесы занимали губернаторские посты в Бейруте, Дамаске, Алеппо, Аммане, Мекке, то есть по всей Аравии. Османские власти явно играли на противопоставлении черкесов арабам. 36-летний черкес Казим-паша произвел на Гертруду впечатление англофила и беседовал с ней по-французски. До того он занимал пост наместника Иерусалима, где сумел на период своего правления примирить интересы разных церквей – католической, греко-православной, армянской, а также мусульман и иудеев. Его единственное кредо – верность султану, в чем Белл убедилась, затронув тему британского присутствия в Адене и Кувейте. На тот момент черкесский паша уже показался ей англофобом.

Для того, чтобы понять истоки враждебности арабов и турок в то время, когда Гертруда путешествовала по Османской империи, необходимо вспомнить, что в 1908–1909 годах там произошла революция, в результате которой был низложен султан Абдул-Хамида II, а его преемник султан Мехмед V превратился в конституционного монарха. К власти пришло правительство младотурок, опиравшееся на армию. Младотурки основали партию «Единение и прогресс» (Иттихад ве теракки). Арабские патриоты первоначально были активными участниками младотурецкой революции 1908 года. Однако они быстро разочаровались в революции, когда стало ясно, что ее лидеры

привержены идеям пантюркизма. Если ранее Османская империя существовала под лозунгами панисламизма, то с началом XX века в Стамбуле все сильнее укреплялись позиции пантюркизма, а на арабских землях – панарабизма. В рамках панисламизма все подданные султана, исповедующие ислам, были равны между собой, независимо от национальности (турки, курды, арабы, черкесы и др.). Правда, и здесь не было полного равенства. Шииты, а также приверженцы других направлений ислама, отличных от господствующего суннитского, считались как бы мусульманами второго сорта. В рамках же пантюркизма на первый план выходило единство турок и других тюркоязычных народов, в том числе и за пределами империи. В рамках туранской доктрины тюрками объявлялись также соседние с турками народы, имевшие, по мысли авторов теории, общее расовое происхождение с турками, в том числе курды и черкесы, говорившие не на тюркских языках. Как реакцию на пантюркизм, предполагавший ассимиляцию нетюркских народов Османской империи, среди арабского населения укреплялись идеи панарабизма – единства арабских народов и племен как в Азии, так и в Африке. В рамках пантюркизма также ослабло противостояние суннитов и шиитов. Турки, в частности, опирались на шиитов и другие немуннитские секты, вроде тех же зейдитов – умеренной шиитской секты, для которых главным авторитетом в противостоянии с большинством арабских шейхов был шариф Мекки – главного священного города мусульман. С приходом к власти младотурок пантюркизм фактически превратился в государственную доктрину Османской империи, что еще больше обострило взаимоотношения арабов и турок.

Еще до революции, в 1905–1907 годах, арабы неоднократно поднимали локальные антитурецкие восстания. Йеменцы, друзы и сирийские арабы неоднократно восставали. В 1905 году сирийский эмигрант Наджиб Азури опубликовал в Париже манифест «Лиги арабского отечества», где утверждалось: «Арабы осознали свою национальную, историческую и этнографическую однородность и хотят отделиться от гнилого османского древа с целью образовать независимое государство». По сути «Лига» требовала независимости для всех арабских территорий Османской империи. Ее руководители выступали с позиций панарабизма, настаивая на образовании независимого государства на базе арабских провинций Османской империи в рамках Арабской Азии, опираясь на помощь «гуманных просвещенных наций Запада». Существовали и более радикальные эмигрантские арабские организации. Так, арабские студенты во Франции образовали тайное общество «Молодая Аравия»,

которое выступало против «угрозы оккупации, от какой бы державы она ни исходила», и рассчитывало достичь независимости арабов вооруженным путем, но без непосредственной помощи западных держав. Как грибы, возникали и другие арабские организации – «Партия децентрализации», «Лига реформ», организации арабов-офицеров турецкой армии и др. Их деятельность стимулировал Первый арабский конгресс, состоявшийся в июле 1913 года в Париже.

В конце 1909 года Абд аль-Керим Халиль из арабских офицеров турецкой армии, создал тайное антитурецкое политическое общество «Кахтания», названное в честь легендарного предка арабов Кахтана. Однако его деятельность вскоре была парализована проникшими в него турецкими агентами.

В конце 1913 года майором Азизом Али аль-Мысри в Стамбуле по типу «Кахтании» было создано тайное общество «Аль-Ахд» («Завет»), членами которого были только арабы, в основном офицеры турецкой армии – выходцы из Месопотамии. Вскоре организация насчитывала более 4 тысяч членов и имела отделения в Багдаде, Мосуле и Дамаске. Через год аль-Мысри был арестован и выслан в Египет, но на турецких землях стали возникать новые тайные арабские общества для вооруженной борьбы против турок.

Для подавления восстаний направлялись подразделения турецкой армии, а также курдские иррегулярные формирования. В турецкой регулярной армии служили тогда главным образом турки и черкесы (последние имели также нерегулярные формирования). Немусульманское население Османской империи – преимущественно греки, армяне, славяне и евреи – в армии не служило. Арабские же солдаты массово дезертировали или вообще не являлись на службу.

Формально вся территория Аравийского полуострова входила в состав Османской империи, но у турецких властей не было ни финансовых средств, ни обученных чиновников, ни достаточного количества войск, чтобы контролировать обширные пустыни Аравийского полуострова. Поэтому турецкие гарнизоны стояли лишь в самых крупных городах Аравии. Они больше наблюдали за ситуацией, лишь изредка совершая карательные экспедиции и стараясь натравливать одних арабских шейхов на других. Нищие турецкие солдаты занимались грабежом арабского населения, поскольку им давно не платили жалованья. Это только усиливало ненависть арабов к туркам. А дисциплина среди турецких солдат была такова, что их боялись собственные офицеры.

Турецкому паше в Джидде подчинялись в первую очередь жившие в Хиджазе турки, тогда как арабы фактически находились под юрисдикцией шерифа Мекки. Но с 1908 года турецкие позиции в регионе усилились в связи с открытием Хиджазской железной дороги, связавшей второй по значимости после Мекки священный город мусульман Медину с Мааном в современной Иордании. Укреплялось и британское влияние в Аравии. Еще в 1899 году англичане установили свое господство над Кувейтом, заключив тайное соглашение с местным шейхом Мубараком. Ранее они поставили в зависимое от себя положение Бахрейн, Катар, Оман и Абу-Даби, взятые под британский протекторат. Англия внимательно следила за борьбой кланов Саудидов и Рашидидов в Аравии, поддерживая первых. Саудиды, изгнанные из Неджда, стремились вернуть себе власть в этом эмирате, и пользовались при этом поддержкой Кувейта, а через него – Англии. Рашидиды, владевшие североаравийским эмиратом Джебель-Шаммар, стремились удержать власть над Неджд с помощью турок. Будущий основатель и первый король Саудовской Аравии Абдель Азиз ибн Сауд сумел в 1902–1914 годах восстановить власть над Неджд, нанеся ряд тяжелых поражений Рашидидам. К 1912 году он изгнал турок из своей столицы Эр-Рияд. Саудиды исповедовали салафизм – направление в суннитском исламе, проповедовавшее возврат к образу жизни и вере ранней мусульманской общины. Салафиты призывали мусульман брать пример с праведных предков. Салафия (по-арабски «предки», «предшественники») означает возвращение к религии в первозданном виде, в каком ее проповедовали Пророк и его сподвижники, возвращение к истинному Корану и сунне. К 1913 году Ибн Сауд занял богатую прибрежную область Эль-Хаса и захватил ряд важных крепостей. Ему постоянно приходилось вести постоянное противостояние с Хиджазом, который с 1911 года не пускал салафитов в Мекку и Медину, считая их раскольниками, отошедшими от классического ислама.

Правивший в Йемене имам секты зейдитов Яхья Хамид ад-Дин на основании соглашения 1911 года легально пользовался широкой автономией и являлся турецким союзником в арабском мире. Он был заинтересован в османской помощи, так как на южных границах постоянно конфликтовал с англичанами, захватившими еще в 1839 году юг Йемена с крупным портом Аден, а на севере – с правителем эмирата Асир Мухаммедом Али аль-Идриси, пытавшемуся отнять у зейдитов прибрежную область Тихаму. Турки не раз пытались сместить эмира Асира, но не имели для этого достаточных военных сил.

Ранее, в июле 1913 года, в Вашингтон-холле Гертруда познакомилась с майором Чарльзом Хотэмом Монтэгю Даутти-Уайли. Между ними сразу же возникла взаимная симпатия. Для обоих это была любовь с первого взгляда. Между мисс Белл и майором завязался роман, хотя Даути-Уайли был женат на ее подруге. Они обменивались страстными письмами. Но Даути так и не решился на развод, который мог поставить крест на его карьере. Гертруда уезжала на Восток в расстроенных чувствах. Она писала возлюбленному: «Я буду рада уехать, я хочу уехать! Я хочу обрубить все связи с миром, это самое лучшее и разумное».

Наконец, 16 декабря 1913 года Белл снарядила экспедицию, нагрузив 17 верблюдов и восемь мулов провизией на четыре месяца, походным снаряжением и подарками для вождей арабских племен. Перед этим она встречается с представителем принца ибн-Рашида и передает ему 200 фунтов, которые должны ждать ее в Хаиле, резиденции Ибн-Рашида. Так было безопаснее, так как в дороге путешественников могли ограбить.

Тут произошло несчастье: накануне отъезда заболел тифом горячо преданный Гертруде ее личный слуга Фатух, и его пришлось оставить в Дамаске. По мере того, как караван удалялся от цивилизации, она, по ее собственному признанию, «чувствовала, как спадают оковы, кольцом сжимавшие сердце». Но путешествие было тяжелым. Трудная дорога шла через бесконечные волны барханов. Однообразие путешествия, песчаные бури и нещадно палящее солнце стали вызывать пессимистические настроения. «Я уже готова была повернуть назад, – вспоминала Гертруда, – ужасный холод, отсутствие Фатуха – все вместе создало целую гору трудностей. Я могла только думать и думать без конца, обратив взор назад». А вот в дневнике, который она вела по ночам, мысленно обращаясь к майору Даутти-Уайли, отважная женщина писала: «Я уже погрузилась в пустыню, будто это мой родной дом. Тишина и одиночество опускаются на меня плотной вуалью. Я хотела бы, чтобы ты увидел пустыню и вдохнул воздух, который идет из самого источника жизни. Несмотря на пустоту и безмолвие, это прекрасно».

Близ города Зиза караван догнал Фатух. Он привез ответные письма от любовника. Чарлз писал: «Ты сейчас в пустыне, а я в горах, в местах, где под облаками хочется сказать так много. Я люблю тебя. Станет ли тебе от этого легче там, где ты сейчас? Станет ли от моих слов пустыня менее огромной и бесприютной? Возможно, когда-нибудь я расскажу тебе обо всем в поцелуе».

Только через три долгих месяца, 24 февраля 1914 года,

миссия Гертруды Белл достигла Хаиля. Разбив лагерь за его стенами, Белл послала Фатуха к эмиру Ибн-Рашиду. Но оказалось, что эмир в отъезде. Зато его дядя Ибрагим, оставленный наместником, готов принять ее. Фарух вернулся в сопровождении трех арабов, вооруженных пиками. Гертруде показалось, что он незаметно делает ей какие-то знаки, но им не дали перекинуться даже словом. Во дворце ее провели в какую-то комнату, где через некоторое время появился наместник в одеждах из китайского шелка и в окружении толпы нубийских рабов. Гостья и хозяин обменялись приветствиями, и на этом встреча завершилась. Ибрагим сообщил, что поскольку эмир отсутствует, будет лучше, если госпожа подождет его в этих покоях. Сам он не был уполномочен решать какие-либо политические вопросы. Фактически это означал арест. Несколько дней к ней никто не приходил, кроме черкешенки Туркиеш. Иногда к Гертруде допускали Фатуха. Тогда Гертруда потребовала новой встречи с Ибрагимом. На сей раз ее привели в сад эмира, наместник с придворными пил кофе в голубом павильоне. Путешественница завела речь об отъезде, но ответом были лишь традиционные улыбки. Тогда она вскочила с подушек и демонстративно ушла. Гертруда понимала, что смертельно оскорбила Ибрагима. Она всерьез опасалась за свою жизнь, и, вернувшись во дворец, приготовила пистолет. Однако в покои вошел главный евнух и объявил, что мисс Белл свободна. Он передал ей кошель с 200 фунтами – своеобразный аккредитив, который она должна была получить в Хаиле.

Проведя почти месяц в «золотой клетке», караван Гертруды покинул Хаиль. И сделал это очень вовремя. Армия Ибн-Сауда подходила к городу, и Ибн-Рашид готовился отбываться. Гертруда едва успела сделать альбом фотографий города, ради которого пересекла 1000-километровую пустыню. Она стала второй женщиной, после леди Энн Блант, посетившей Хаиль.

В огне Первой мировой

В мае 1914 года Гертруда благополучно вернулась в Англию, так и не выполнив политической части своей миссии. Зато карты и фотографии пригодились в начавшейся вскоре Первой мировой войне, где Турция выступила противником Британской империи. Лондон, в свою очередь, обещал независимость арабам, если они восстанут против турок. Гертруда Белл картографировала огромную территорию, от дальних уголков Сирии до берегов Персидского Залива.

После вступления Османской империи в Первую мировую войну на ее арабских землях проходило своеобразное размежевание. Ибн Сауд еще в мае 1914 года заключил договор о дружбе и союзе с Османской империей, что не помешало ему в 1915 году подписать такой же договор с англичанами. На самом деле, он не помогал ни тем, ни другим, оставаясь в положении «третьего радующегося», предоставив сопернику Хиджазу и туркам взаимно истощать друг друга, и в результате выиграл, сумев уже после Первой мировой войны, в 1932 году, объединить Аравийский полуостров под своей властью.

Имам Яхья открыто в ход военных действий не вмешивался, но на деле помогал туркам, осадившим с началом войны британский гарнизон Адена с помощью племен с севера.

Англичане договорились с асирским правителем Мухаммедом Али аль-Идриси о совместных действиях против турок. Но, получив оружие, он предпочел воевать не с турецкой армией, а с враждебными ему горцами Асира. Вот с шарифом Мекки Хусейном бен Али англичанам повезло больше. С ним вел интенсивные переговоры посредством переписки британский верховный комиссар в Египте сэр Артур Генри Мак-Магон. В октябре 1915 года он обещал Хусейну в случае победы над Турцией признать его королем будущего единого арабского государства, которое должно было охватывать все арабские страны Азии, за исключением Ливана, запада Сирии, юга и востока Аравии. Ливан и запад Сирии должны были отойти французам, а юг и восток Аравии – англичанам.

В Ираке в ноябре 1914 года английские войска ударом с моря и суши заняли порт Басру. Но первое наступление на Багдад полностью провалилось. В декабре 1915 года английский отряд генерал-майора Чарльза Таунсенда был окружен турками при Кут-эль-Амаре и после 147-дневной осады 29 апреля 1916 года капитулировал. В турецкий плен попало более 13 тысяч британских военнослужащих, включая Таунсенда.

В связи с этой неудачей, ставшей, в том числе, следствием сравнительно низкой боеспособности англо-индийских войск, с 1916 года власти Британской Индии было отстранены от непосредственного руководства военными операциями в Месопотамии. Однако они и позднее сохранили существенное влияние на ситуацию в Ираке и в зоне Персидского залива. Большая часть британских чиновников и экспертов, составивших костяк оккупационной администрации в Ираке, являлись ранее сотрудниками различных англо-индийских структур и была привержена методам косвенного управления.

В последний момент была предпринята попытка спасти отряд Тансенда дипломатическим путем. К переговорам с турками по этому поводу был привлечен и Лоуренс в качестве переводчика. Лиддел Гарт так описал ход переговоров, закончившихся неудачей: «Лоуренс был отправлен с секретным заданием в Месопотамию. Официально он поехал туда от разведывательного отдела в Каире для улучшения подготовки к печати карт для экспедиционного корпуса в Месопотамии и, в частности, для консультирования изготовления карт воздушной съемки – новой области знания, в которой он сделался экспертом в то время, когда для командования в Индии воздушная съемка была еще загадкой. Хотя большая часть его друзей и считала, что ему поручено только это задание, в действительности Лоуренс получил непосредственно от военного министерства секретное предписание сопровождать члена парламента капитана Обри Херберта в его миссии к Халилпаше, командовавшему турецкой армией, осаждавшей в то время отряд Тауншенда в Куте.

Цель миссии заключалась в том, чтобы начать переговоры с Халил-пашей в надежде, что он может согласиться отпустить гарнизон взамен щедрого выкупа. Лоуренс имел в виду также и третью цель, а именно – установить возможность поднять восстание среди арабских племен вдоль турецкой линии железнодорожного сообщения, чтобы осаждающие Кут оказались отрезанными от подвоза продовольствия и подкреплений.

Однако по прибытии в Басру он нашел обстановку неблагоприятной как для выполнения официального задания, так и для достижения своей частной цели. Идея подкупа турок была в последнюю минуту предложена Таунсендом и принята главнокомандующим английскими силами в Месопотамии Лейком. Однако посылка этой миссии была не по нутру многим английским генералам. Хотя они и потерпели неудачу в своих усилиях выручить страдавший от голода отряд Таунсенда, все же поражения в открытом бою не могли заставить их пойти на то,

что казалось им достижением цели обманным путем. Вследствие этого они весьма неблагожелательно смотрели на миссию, которая оскорбляла их понятие о воинской чести. Исходя из практических соображений, а именно, что подобная попытка более пагубным образом отразится на их престиже, чем военное поражение, главный руководитель политического отдела Перси Кокс отказался связать себя в какой бы то ни было степени с этими переговорами. Следует добавить, что и сам Лоуренс был противником их, считая что Халил-паша был слишком уверен в получении денег от Турции, а также и в определенном военном успехе, чтобы согласиться пойти на подкуп.

Результат оправдал эти ожидания. Гарнизон Кута находился при последнем издыхании, когда была произведена попытка вступить в переговоры, к тому же турки «заломили» миллион фунтов стерлингов, чтобы отпустить гарнизон под честное слово не участвовать в войне с Турцией. Напрасно кабинет в Англии удвоил назначенную им первоначальную цену выкупа и тем самым дал повод всему внешнему миру еще раз назвать себя «нацией лавочников». Цензура помогла скрыть это от нашего собственного народа, но турки позаботились о том, чтобы передать об этом по радио другим странам. Сами переговоры являлись унизительным делом для посланных. Под белым флагом Херберт в сопровождении полковника Бича и Лоуренса перешел нейтральную полосу. Прежде чем доставить их в штаб-квартиру Халила, им завязали глаза. Все, чего им удалось от него добиться – это освобождения небольшого числа больных и раненых в обмен на здоровых пленных турок.

Халил не хотел принимать пленных арабов, заявив, что большинство из них не лучше, чем дезертиры; если бы они вернулись к нему, то он предал бы их военному суду и расстрелял бы. Когда английские офицеры попросили его не наказывать проживавших в Куте арабов, которым невольно пришлось принять участие в военных действиях, Халилу показалось забавным, что они заботятся о такой «падали», однако он заверил их, что не собирается быть мстительным. Для начала он повесил только девять арабов, что, учитывая его прошлые подвиги, пожалуй, следовало рассматривать как доказательство «милосердия».

План самого Лоуренса также оказался непригодным. Время для спасения Кута проходило, а большинство английских офицеров слишком презрительно относилось к месопотамским арабам, чтобы видеть в них возможных союзников, а тем более ценой поощрения их претензий.

Перед британским десантом в Галлиполи Гертруда успела

провести тайную ночь с Чарльзом, который как раз получил назначение в состав десанта и должен был через несколько дней выехать на фронт. Ранее он был консулом в турецком Мерсине, и его знания решили использовать во время Дарданельской операции. Во время высадки на Галлиполийском полуострове 26 апреля 1915 года подполковник Чарлз Даутти-Уайли погиб и там же был похоронен. Он возглавил успешную атаку на турецкие позиции, но был сражен пулей снайпера. Посмертно он был награжден Крестом Виктории. Получив известие о гибели возлюбленного, Гертруда впала в депрессию и собиралась покончить с собой. В дневнике она написала: «Подожди меня! Я не боюсь перехода, я пойду с тобой». Но тогда у нее не хватило решимости.

Как писал британский историк Кристофер Хитченс о Гертруде Белл, «необычность ее судьбы определилась не столько юношескими интересами, сколько гибелью возлюбленного… В 1915 году Гертруда поступила в военную разведку. Она стала там первой женщиной-офицером. Коллеги-разведчики называли ее «майор мисс Белл»». После начала Первой мировой войны Гертруда сразу же попросилась на Ближний Восток, чтобы участвовать в войне против Турции, но ее просьбу отклонили. Поэтому она поступила волонтером в Красный Крест и в первый год войны, сначала во Франции, а затем в Лондоне, трудилась в ведомстве, занимавшимся учетом убитых, пропавших без вести и раненых. Работа была чисто канцелярская и скучная. Привыкшую к приключениям Гертруду она ничуть не удовлетворяла. Поэтому она очень обрадовалась, когда последовал вызов в Каир. Ее попросили помочь провести британских солдат через пустыню. Гертруда порекомендовала арабов, участвовавших в ее экспедициях. Теперь Гертруда служила в Арабском бюро под началом бригадного генерала Герберта Клэйтона, ее знания и опыт в общении с арабами здесь очень пригодились. Она, будучи женщиной, была едва ли не единственной из представителей британских спецслужб, кто общался не только с шейхами, но и с их женами, от которых порой удавалось получать уникальную информацию. Это бюро являлось отделом разведки и пропаганды в арабских странах, находящихся под властью Османской империи. Формально оно было независимо от бюро английской разведслужбы в Каире, но фактически все сотрудники Арабского бюро были кадровыми разведчиками. Клейтон подчинялся сэру МакМагону, Верховному британскому комиссару в Египте и сам, в свою очередь, одновременно возглавлял три разведывательных службы: разведку британской армии, гражданскую спецслужбу в Египте

и разведку египетской армии.

В бюро работали 15 специалистов по проблемам исламских стран. Арабское бюро осуществляло связь с агентурой и выпускало «Арабский бюллетень», где печатались призывы к восстанию местного населения против турок. В Арабском бюро трудился и Томас Лоуренс. Он считался непревзойденным мастером по допросу пенны. Сам Лоуренс свой успех объяснял так: ««Я всегда знал их районы и расспрашивал о проживавших там моих приятелях. После этого они мне говорили все». Поглядев на пленного и услышав первые произнесенные им несколько слов, Лоуренс мог определить местность, откуда он происходит, с точностью до 30 километров, а затем восклицал: «А, так ты из Алеппо! Как поживает…?»

В начале 1914 года он присоединился к археологу Леонарду Вулли и капитану британской армии Стюарту Ньюкомбу для изучения Синайского полуострова. В августе началась Первая мировая война, а после вступления в войну Турции Лоуренс пошел добровольцем воевать в Египте. Он был зачислен в чине лейтенанта в нестроевые части в связи со слабым телосложением и маленьким ростом (165 см). Уже в декабре 1914 года в Каире он занялся организацией сети информаторов в Арабском регионе Османской империи, где у него осталось много знакомых по экспедициям.

Так Гертруда Белл стала первой женщиной – кадровым сотрудником «Сикрет Интеллидженс Сервис» (Секретной разведывательной службы) Великобритании. В Египет Белл приехала в ноябре 1915 года. Здесь она опять встретилась с Лоуренсом. Вместе они в течение шести недель разрабатывали план арабского восстания. Предстояло объединить против турок 20 миллионов арабов. Впоследствии, описывая стратегию ведения войны на Востоке в книге «Семь столпов мудрости», Лоуренс Аравийский писал, что война арабов против турок основывалась на знании психологии народа, вдохновляемого простыми идеями. Речь шла о партизанской войне, которая должна была сковать как можно больше турецких сил.

Вскоре, после непродолжительной командировки в Индию, Гертруда, как и Лоуренс, благодаря рекомендации знаменитого археолога и историка Дэвида Хогарта, ставшего лейтенант-коммандером (соответствует армейскому майору) и сотрудником Географического отделения военно-морской разведки, была направлена в бюро Армейской разведки в Каире. Хотя и Белл, и Лоуренс оба были невысокого роста, не более 165 сантиметров, оба они были неутомимы в своих походах по пустыне.

Тем временем 8 июня 1916 года шариф Хусейн, поверив

обещаниям англичан, поднял восстание против турок. На 50 тысяч бойцов у него было лишь 10 тысяч ружей. Но повстанцам помогал британский флот, завоевавший господство в Красном море. При его поддержке 10 июня арабы осадили порт Джидда, и 16 июня турецкий гарнизон капитулировал. А еще 10 июня повстанцы овладели Меккой. Уже 27 июня британцы в Порт-Саиде снарядили три парохода. Туда были погружены под командой египетского офицера две горные батареи с офицерами-мусульманами и одна рота с четырьмя пулеметами, три тысячи винтовок и большой запас продовольствия и боеприпасов. Уже 28 июня пароходы прибыли в Джидду. Но 27 июня турецкий гарнизон Медины совершил успешную вылазку и окружил часть повстанцев в занятом ими предместье города. Всех попавших в плен турков уничтожили, вырезав также женщин и детей.

Восстание продолжалось благодаря британской помощи. Только она позволяла Хуссейну снабжать десятки тысяч повстанцев продовольствием, а также вознаграждать их за ту добычу, которую им не удалось получить от турок. Транспорты с продовольствием, постоянно прибывавшие в Джидду и Рабуг, помогали кормить как воинов, так и их семьи. Получая деньги от англичан, Хуссейн платил жалованье по два фунта стерлингов на человека в месяц и по четыре фунта за верблюда.

К концу сентября арабы взяли ряд прибрежных городов. Дольше других держался гарнизон Тайфа, который капитулировал только 22 сентября, после обстрела из присланных англичанами горных орудий. Всего в плен было захвачено более пяти тысяч турецких солдат. Многие арабы из их числа присоединились к повстанцам. Однако штурм Медины в октябре 1916 года был отбит 10-тысячным турецким гарнизоном со значительными потерями для атакующих.

16 октября, за три дня до отступления арабов от Медины, капитан Лоуренс высадился в Джидде. Он должен был помочь арабам организовать боевые действия. По словам Лиддел Гарта, «Лоуренс, который стремился найти вдохновенного пророка-вождя, нового Мухаммеда, вскоре убедился, что Абдулла для этой роли не пригоден. Его характер отражался в его наружности. Это был толстый человек невысокого роста, с круглым гладким лицом, толстыми губами и моргающими глазками. Арабы считали его хитрым политиком и прозорливым государственным человеком. По мнению Лоуренса, он был скорее первым, чем последним. И хотя Абдулла говорил, что для них остался лишь один выход, а именно – погибнуть в бою перед святым городом, чувствовалось, что для этой героической цели он

предназначал своего отца. Шериф при переговорах с Лоуренсом по телефону из Мекки подтвердил это решение, после чего Абдулла, слегка улыбаясь, попросил о том, чтобы бригада английских войск, по возможности из мусульман, стояла наготове в Суэце для предотвращения несчастья в том случае, если бы турки повели наступление из Медины».

Лоуренс помогал арабам координировать свои действия с британским флотом при обороне Янбу на Красном море в декабре 1916 года. Лоуренс также сумел убедить арабских предводителей больше не атаковать Медину, а вместо этого постоянно совершать диверсии на Хиджазской железной дороге. Это затруднило снабжение мединского гарнизона и вынудило турецкое командование использовать для охраны дороги значительные силы.

Фейсал, командовавший арабскими силами под Мединой, произвел на Лоуренса самое благоприятное впечатление. Он вспоминал: «С первого же взгляда я почувствовал, что он является именно тем человеком, которого я приехал искать в Аравии, – вождем, который покроет восстание арабов неувядаемой славой. В своем белом шелковом одеянии и коричневом головном уборе, повязанном блестящим золотисто-красным шнуром, Фейсал казался очень высоким и стройным. Его веки были опущены, а его черная борода и бесцветное лицо были похожи на маску по сравнению со стройной спокойной настороженностью его тела».

Как писал Лиддел Гарт, «три турецких батальона с 600 всадниками на верблюдах и тремя орудиями атаковали отряд Фейсала и отогнали его к Янбо. Его части обращались в бегство при малейшей потере. Случаи дезертирства участились. В результате туркам удалось овладеть дорогой между Янбо и Рабугом и отрезать Фейсала от Али с суши. Во время этого кризиса Лоуренс высадился в Янбо.

10 декабря в Джидду из Мекки прибыл шериф, чтобы встретиться с Вильсоном (губернатором Судана, посланном в Джидду в качестве британского представителя. – Б. С.). Он вручил Вильсону письмо с просьбой об отправке в Рабуг шести батальонов и добавил, что хотя он предпочел бы мусульман, но, учитывая создавшуюся обстановку, согласен принять и христиан.

В результате Вильсон послал соответствующую телеграмму. Однако на следующее утро шериф переменил свое решение и взял свою просьбу обратно. Таким образом, разговоры шли без конца. Некоторые из вождей арабов настаивали на присылке войск, другие намекали на желательность заключения мира с турками. Ввозившиеся в страну в огромном количестве

винтовки исчезали; многие из них продавались – и даже туркам. Имелись подозрения, что то же самое происходило и с продовольствием. Накануне рождества Вильсон провел совещание с несколькими офицерами для рассмотрения вопроса об эвакуации Рабуга. Сообщали, что приближавшиеся турецкие части насчитывали около пяти тысяч человек».

Тут необходимо оговориться, что довольно распространенное мнение, будто восстание арабов против Османской империи в годы Первой мировой войны организовал и возглавил Лоуренс, весьма далеко от истины и нуждается в корректировке. Восстание, безусловно, организовал великий шариф Мекки Хуссейн ибн Али аль-Хашими, во многом благодаря поддержке и обещанию признать его в случае победы королем всех арабов, данным ему британским верховным комиссаром Египта. Он действительно мог поднять арабские племена Аравии на восстание и повести их за собой. А вот Томас Эдвард Лоуренс в то время был лишь советником арабских предводителей и участвовал в планировании операций. Его советы оказались весьма результативными, что повысило его авторитет. Однако предводителем восстания он так и не стал и не мог стать. Арабские воины просто не стали бы подчиняться чужестранцу, пусть и весьма дружески к ним настроенному. Столь же легендарны утверждения, будто Лоуренс был удостоен титула шарифа. В действительности титул шарифа приобретается только по праву рождения как потомка пророка, так что удостоить этим титулом кого-либо в качестве почетного звания в принципе невозможно.

Когда Клейтон направил Лоуренса в Янбо в качестве офицера связи и советника Фейсала, Томас сначала был не в восторге от этого назначения. Он вспоминал: «Поскольку это поручение меня совершенно не устраивало, я доказывал свою полнейшую непригодность для этого дела, заявив, что я ненавижу ответственность и что на протяжении всей моей жизни неодушевленные вещи были для меня более приятны, чем люди, а идеи – чем одушевленные вещи. Таким образом обязанность, требовавшая иметь дело с людьми и использовать их для каких бы то ни было целей, была для меня вдвойне нежелательна. Я не был похож на военного человека и ненавидел военное дело, между тем как Сирдар запросил Лондон о присылке кадровых офицеров, достаточно компетентных для руководства войной в Аравии.

Клейтон ответил, что могут пройти месяцы, прежде чем они прибудут. Фейсал же должен быть связан с нами и теперь… Поэтому я обязан был ехать. Оставив на попечение других

созданный мною «Арабский бюллетень», карты, которые я хотел составить, и перечень изменений, происшедших в турецкой армии, – все интересные работы, успешному выполнению которых помогала моя подготовка, я был вынужден взяться за то дело, к которому не имел ни малейшего призвания. Поскольку наше восстание преуспевало, заинтересованные в нем лица хвалили его руководство, однако за кулисами восстания имелись все недостатки, свойственные любительскому руководству, экспериментам и капризам».

В Янбо начало формироваться регулярное ядро повстанческой армии. Этим занимался английский капитан Гарланд из египетской армии. Он также преподал азы военной науки и Лоуренсу. Последний все больше восхищался Фейсалом: «Сражаясь для того, чтобы поднять упавший дух, Фейсал достигал этого, заражая своей бодростью каждого, кто был возле него. Он был доступен для всех, кто находился за пределами его шатра… И он никогда не отклонял просьб, даже когда арабы толпой приходили к нему излагать свое горе, изливая его в длинных песнях, которые они пели вокруг нас в темноте… Исключительное терпение Фейсала было для меня еще одним уроком того, что значит в Аравии быть вождем. Столь же удивительным казалось и его самообладание».

3 января 1917 года сын шарифа Мекки Фейсал ибн Хусейн, которого Гертруда Белл и Лоуренс Аравийский сделали королем Ирака, вместе с Лоуренсом с 5100 всадниками на верблюдах, 5300 пехотинцами, четырьмя горными пушками, десятью пулеметами и 380 вьючными верблюдами выступил в поход на север вдоль Красного моря к городу аль-Вадж. Турецкий гарнизон здесь ожидал атаки с юга, десант из 400 арабов и 200 английских моряков 23 января 1917 года атаковал аль-Вадж с севера. После 36-часового боя турецкий гарнизон капитулировал. Турки сочли за благо отойти подальше от Мекки на более выгодные для обороны позиции у Медины, разместив гарнизоны вдоль Хиджазской железной дороги. Британское командование было заинтересовано в том, чтобы в Аравии было бы собрано как можно больше турецких сил, которые в противном случае могли бы укрепить Палестинский или Месопотамский фронты. Теперь силы арабских повстанцев насчитывали до 70 тысяч человек с 28 тысяч ружей.

В 1917 году на сторону восставших перешел Ауда ибу Тайи, шейх бедуинского племени Ховейтат (Ховайтат), живущего на территории современной Иордании. Бойцы этого племени имели репутацию лучших воинов пустыни. Сам Ауда даже выбил себе молотком искусственный турецкий зуб для демонстрации

своего арабского патриотизма. Получив пополнение из столь закаленных воинов, хорошо знавших местность, 9 мая Лоуренс повел их на штурм Акабы, последнего османского порта на Красном море. 6 июля, после ожесточенного сражения, город был взят. Тем самым была устранена угроза правому флангу британских войск, наступавших из Египта в Палестину. В дальнейшем арабы совершали рейды на турецкие позиции и коммуникации Лоуренс утверждал, что он сам придумал атаку Акабы с суши чтобы застать гарнизон врасплох, но арабские источники свидетельствуют, что данная идея принадлежала Ауде. Лоуренс писал в «Семи столпах мудрости», что «только с помощью Ауды нам удалось обратить энтузиазм племен от Маана до Акабы в свою пользу настолько, что они впоследствии помогли нам отобрать у турецких гарнизонов Акабу и окружавшие ее холмы. Только при его активной поддержке мы могли решиться двинуться из Веджа в долгий путь на Маан».

После захвата Акабы улучшилось снабжение повстанцев с британских складов. У арабов появились английские технические специалисты. С повстанцами взаимодействовала даже британская авиация. Арабы, ведя партизанскую войну, сковывали значительные силы турок и снабжали англичан информацией о противнике.

Опыт общения с арабами Лоуренс изложил в краткой инструкции для вновь прибывающих британских офицеров, названной им «Двадцать семь статей». Вот ее краткое содержание: «Умение обходиться с геджасскими арабами представляет собой искусство, а не науку; оно имеет исключения, но не имеет каких-либо определенных правил…

1. Загладить плохое начало трудно, а между тем арабы составляют мнение по наружному виду, на который мы не обращаем внимания. Когда вы достигли внутреннего круга племени, вы можете делать с собой и с ними все, что угодно.

2. Узнавайте все, что только можете, о ваших шерифах. Старайтесь узнать их семьи, кланы и племена, друзей и врагов, колодцы, холмы и дороги. Достигайте всего этого слушанием и косвенным наведением справок. Не задавайте вопросов. Заставляйте говорить на арабском языке их, а не себя. Пока вы не сможете понимать их намеков, избегайте пускаться в продолжительные разговоры, так как иначе это может кончиться плохо…

3. В деловых вопросах ведите переговоры только с командующим армией или той частью, в которой вы служите. Никогда никому не отдавайте приказаний; сохраняйте вашу прямоту и советы для командующего офицера, как бы ни был

велик соблазн (хотя бы и для пользы дела) связаться непосредственно с его подчиненными.

4. Добейтесь доверия вашего вождя и удерживайте это доверие. Укрепляйте, если можете, престиж вождя перед другими за свой счет. Никогда не отказывайтесь и не разбивайте тех планов, которые он может предложить; старайтесь достигнуть того, чтобы он ставил вас в известность о них частным порядком и в первую очередь. Всегда одобряйте их, а похвалив, изменяйте их мало-помалу, заставляя самого вождя вносить предложения до тех пор, пока они не будут совпадать с вашим собственным мнением. Когда вам удастся этого достигнуть, заставьте его держаться этого взгляда, овладейте полностью его мыслями и толкайте его вперед как можно сильнее, но скрытно, так, чтобы никто, кроме него самого (и то лишь очень смутно), не чувствовал вашего воздействия.

5. Постоянно поддерживайте близость с вашим вождем, стараясь в то же время не быть навязчивым. Живите с ним, чтобы во время еды и приемов вы, естественно, могли быть возле него в его палатке. Формальные визиты, для того чтобы дать совет, не столь хороши, как непрерывное внушение тех или иных идей при случайном разговоре. Когда впервые в палатку приходят незнакомые шейхи, чтобы поклясться в своей верности и предложить свои услуги, покиньте палатку. Если у них создастся первое впечатление, что иностранцы пользуются доверием шерифа, это сильно повредит делу арабов.

6. Избегайте слишком близких отношений с подчиненными. Постоянные разговоры с ними сделают невозможным для вас скрыть тот факт, что офицер-араб, давший те или иные инструкции, сделал это по вашему совету; выдав тем самым слабость его положения, вы совсем испортите себе все дело.

7. Держите себя с помощниками вождя вашего отряда естественно и непринужденно. Этим вы поставите себя над ними. Оказывайте их вождю, если он шериф, уважение. Он будет возвращать его вам, и таким образом он и вы окажетесь равными и будете возвышаться над остальными. Арабы очень считаются с превосходством, и вы должны его достигнуть.

8. Для вас будет наиболее выгодным то положение, когда вы, присутствуя, остаетесь незамеченным. Не будьте слишком искренни и слишком настойчивы; старайтесь не бросаться в глаза. Желательно, чтобы вас не встречали очень часто с каким-либо одним шейхом. Для того чтобы иметь возможность выполнять свою работу, вы должны быть выше всяких подозрений, так как вы потеряете свой престиж, если будут думать, что у вас имеется какая-то связь с племенем или кланом

и его неизбежными врагами…

9. Восхваляйте и всячески поддерживайте создавшееся среди арабов представление о том, что шерифы являются природной аристократией. Существующая между племенами зависть делает невозможным для любого шейха достичь господствующего положения, а потому единственная надежда на образование союза в Аравии состоит в том, чтобы шерифы были повсеместно признаны в качестве правящего класса. Уважение арабов к родословной и их благоговение перед пророком позволяют надеяться на конечный успех шерифов.

10. Называйте вашего шерифа «сиди» при всех и наедине. Называйте других их обычными именами без титула.

11. Иностранец и христианин не пользуются популярностью в Аравии… Действуйте повсюду именем шерифа, всячески скрывая свое собственное участие. Если вы добьетесь успеха, вы получите власть над территорией в несколько сот километров с тысячами людей, а ради этого стоит поступиться самолюбием.

12. Никогда не теряйте чувства юмора: оно может пригодиться вам ежедневно. Больше всего подойдет непосредственная ирония, умение же дать остроумный ответ без излишней веселости удвоит ваше влияние среди вождей… Не допускайте шутки над шерифом, если остальные присутствующие не являются шерифами.

13. Никогда не бейте араба: этим вы унизите себя. Вы можете подумать, что явившееся результатом этого явное усиление внешнего проявления к вам признаков уважения улучшит ваше положение, на самом деле вы лишь воздвигнете стену между вами и их внутренними кругами. Конечно, трудно оставаться спокойным, когда все делается не так, как следует, но чем больше вы сохраните хладнокровия, тем больше вы выиграете, а кроме того, сбережете себя от возможности сойти с ума.

14. Хотя бедуина трудно заставить что-либо делать, им легко руководить, если только у вас хватит терпения. Чем будет менее заметно ваше вмешательство, тем больше будет ваше влияние. Бедуины с охотой будут следовать вашему совету… но они не предполагают, что вы или кто-либо другой об этом знает. Лишь после того как окончатся все неприятности, вы откроете в них наличие доброй воли.

15. Не пытайтесь делать слишком много лично. Пусть лучше арабы сделают что-либо сносно, но зато сами. Это их война, и вы должны им лишь помогать, а не выигрывать для них войну. Кроме того, в действительности, принимая во внимание совершенно особые условия Аравии, ваша практическая работа не будет столь хороша, как вы, пожалуй, воображаете.

16. Если можете, то, не впадая в расточительность, делайте подарки. Хорошо сделанный подарок весьма часто является наиболее верным средством для того, чтобы привлечь на свою сторону самого подозрительного шейха. Никогда не принимайте подарка без того, чтобы щедро не вознаградить за это… Не допускайте, чтобы они стали у вас выпрашивать, так как иначе их жадность заставит их смотреть на вас только как на дойную корову.

17. Если вы находитесь вместе с племенем, носите головное покрывало. Бедуины относятся с предубеждением к фуражке и считают, что наша настойчивость в ношении ее вызывается… каким-то безнравственным и противорелигиозным принципом. Если вы будете носить фуражку, ваши новые друзья-арабы будут стыдиться вас при других.

18. Маскировка не рекомендуется… В то же время, если вы, находясь среди племен, сумеете носить арабское одеяние, вы приобретете у них такое доверие и дружбу, какие в военной форме вам никогда не удастся приобрести. Однако это и трудно, и опасно. Поскольку вы одеваетесь, как они, арабы не будут делать для вас никаких исключений. Вы будете себя чувствовать, как актер в чужом театре, играя свою роль днем и ночью в течение ряда месяцев, не зная отдыха и с большим риском. Полный успех, которого можно достигнуть лишь тогда, когда арабы забудут что вы иностранец, и будут в вашем присутствии говорить откровенно, считая вас за одного из своих, может быть достигнут лишь особенной личностью. Частичного же успеха (того, к которому большинство из нас стремится, так как полный успех достается слишком дорогой ценой) добиться легче и в английской форме. К тому же, поскольку вы не лишаетесь связанного с ней комфорта, вас хватит на более долгое время. Далее, если вы будете пойманы, но турки вас не повесят.

19. Если вы будете носить арабское одеяние, носите его получше. Одежда имеет большое значение у племен; вы должны носить соответствующее одеяние и чувствовать себя в нем совершенно свободно. Если они не возражают, одевайтесь, как шериф.

20. Если вы решитесь на маскировку, то вы должны выполнять ее полностью. Забудьте ваших английских друзей и английские обычаи и усвойте целиком все привычки арабов. Не исключено, что европеец, начав игру, сможет ее выиграть, так как мы имеем более сильные побуждения для наших действий и более отдаемся им, чем арабы. Если вы превзойдете их, это значит, что вам удалось сделать большой шаг на пути к полному успеху. Однако напряженная жизнь в чужой среде

и необходимость думать на чужом, наполовину понятном языке, дикая пища, странные одеяния, при полной потере частной жизни и покоя, наряду с невозможностью ослабления внимания к окружающим, требуют такого добавочного напряжения в дополнение к обычным трудностям – обхождению с бедуинами, климату и туркам, что решение выбрать этот путь может быть сделано лишь после серьезного обсуждения.

21. Нередко вам придется участвовать в дискуссиях по вопросам религии. Говорите о ваших убеждениях что угодно, но избегайте критиковать их взгляды, пока вы не убедитесь, что вопрос касается обрядности. Среди бедуинов ислам является настолько распространенным учением, что у них религиозности так же мало, как мало религиозного пыла, и нет никакого уважения к обрядам. Однако, основываясь на их поведении, не думайте, что они небрежно относятся к религии. Убеждение в праведности их веры и ее роль в каждом их действии и поступках повседневной жизни настолько сокровенны и глубоки, что являются почти бессознательными, обнаруживая себя в случаях несогласия. Для них религия так же естественна, как сон или пища.

22. Не пытайтесь снискать себе уважение своими знаниями военного дела. Геджас спутал все понятия об обычной тактике. Постарайтесь изучить принципы ведения войны бедуинами как можно лучше и как можно скорее: пока вы с ними не ознакомитесь, ваши советы шерифу не принесут никакой пользы. Бесчисленное множество набегов племен научили их тому, что в некоторых вопросах тактики они знают больше нас. В знакомых для них условиях бедуины сражаются хорошо, но незнакомые явления могут вызвать панику. Сохраняйте ваш отряд небольшим… Чем менее обычны ваши действия, тем больше вероятность, что они поразят турок, так как инициатива у них отсутствует и они считают, что и у вас ее нет. Не основывайте ваших действий только на обеспечении безопасности.

23. Те явные причины, которые бедуины приведут в оправдание своего действия или, наоборот, бездействия, возможно и окажутся соответствующими истине, но для вас всегда останутся другие, тайные причины для разгадки; поэтому, прежде чем принять то или иное решение, вам придется вскрыть эти внутренние мотивы. Намек производит больший эффект, чем логическое разъяснение. Арабам не нравится краткое изложение мысли. Их ум работает так же, как и у нас, но с другими предпосылками. У арабов нет ничего безрассудного, непонятного, таинственного. Опыт, приобретенный пребыванием

среди них, и знание их предрассудков позволят вам почти в каждом случае угадать их отношение и возможный метод действия.

24. Не смешивайте бедуинов с сирийцами или обученных людей с представителями племени… Арабы города и арабы пустыни смотрят одни на других, как на бедных родственников, а последние еще более нежелательны, чем бедные иностранцы.

25. Не следуйте примеру арабов и избегайте слишком свободных разговоров о женщинах. Это столь же трудный вопрос, как и религия. В этом отношении взгляды арабов настолько не похожи на наши, что безобидное с английский точки зрения замечание может показаться для них несдержанным, так же как и некоторые из их заявлений, переведенные буквально, смогут показаться несдержанными.

26. Будьте так же внимательны к вашим слугам, как и к самим себе.

27. Весь секрет обхождения с арабами заключается в непрерывном их изучении. Будьте всегда настороже; никогда не говорите ненужных вещей, следите все время за собой и за вашими товарищами. Слушайте то, что происходит, доискивайтесь действительных причин. Изучайте характеры арабов, их вкусы и слабости и держите все, что вы обнаружите при себе… Ваш успех будет пропорционален количеству затраченной вами на это умственной энергии».

У Гертруды был свой, еще больший, чем у Лоуренса, опыт общения с арабами самых разных провинций Османской империи. Составляя «Двадцать семь статей», Лоуренс опирался не только на свой опыт, но и на ее исследования. Ведь они вместе работали в Каире, а потом в Басре. Гертруда в совершенстве овладела искусством общения с арабами. Она, как и Лоуренс, умела загладить неприятное начало, давно усвоила, что встречают арабы по одежке. И знала все и про шейхов, и про кланы, и про дороги, и про колодцы. Гертруда знала бесполезность прямых вопросов в беседах с арабами. И усвоила истину, что серьезные вопросы можно решать только с шейхами, шарифами и другими большими людьми, авторитетными для своих соплеменников. И тех же шейхов надо было убедить, что предлагаемые им решения – это их собственные решения. Особенно ярко Гертруда проявила это искусство, когда строила подмандатный Ирак и делала Фейсала его королем. И действовала она, конечно же, не от своего имени, а от имени арабской знати, поскольку к чужеземцам арабы относились с большим подозрением. А еще она понимала, что арабы должны верить, что это они хотят короля Фейсала, а не англичане,

которые решили так компенсировать одному из вождей антитурецкого восстания его неудачу в Сирии. Находясь среди арабов, Гертруда носила традиционное арабское одеяние, но, разумеется, никогда не пыталась выдать себя за арабку, хотя в совершенстве владела арабским. Ее бы тут же разоблачили, хотя бы потому, что невозможно было бы придумать убедительную легенду с ее родословной, и это породило бы к ней глубокое недоверие. Искусством носить традиционное арабское одеяние она овладела в совершенстве. Но потом, в Ираке, когда она стала высокопоставленным британским чиновником, появляться публично в арабском платье она уже больше не могла. Она никогда не забывала своих британских друзей и никогда не чувствовала себя арабкой, хотя любовь к арабской культуре пронесла через всю жизнь. А противостояние арабов города и арабов пустыни Гертруда очень хорошо почувствовала в Ираке, где к тому же арабы города в значительной мере были шиитами.

Лоуренс на основе опыта арабского восстания создал свою собственную теорию партизанской войны, которую с успехом применил на практике, а потом изложил в «Семи столпах мудрости». Он писал: «Моя обязанность заключалась в осуществлении командования. Я попытался вскрыть значение этого слова и проанализировать его как с точки зрения стратегии – цели войны, так к с точки зрения тактики. В каждой из них я нашел те же элементы: один – алгебраический, другой – биологический и третий – психологический.

В применении к арабам алгебраический фактор играл роль прежде всего в отношении той территории, которую мы хотели завоевать. Я начал на досуге подсчитывать, сколько это составит квадратных километров и размышлять, каким образом турки смогут защищать такое пространство… Если бы мы были армией, наступающей с развернутыми знаменами, то, несомненно, им пришлось бы построить линии окопов…

Затем я прикинул, сколько потребуется туркам постов, чтобы сдержать наше наступление вглубь, учитывая возможность возникновения восстания в каждой из не занятых еще турками областей на этом громадном пространстве в сотни тысяч квадратных километров. Я знал турецкую армию вдоль и поперек; даже с учетом усиления ее боеспособности новой артиллерией, авиацией и бронепоездами становилось ясным, что ей потребуется создать укрепленный пост на каждые шесть квадратных километров, в котором должно находиться не менее 20 солдат. Другими словами, для того, чтобы противостоять объединенной ненависти всех местных арабских племен, туркам потребуется 600 тысяч человек, они же имели в своем

распоряжении всего лишь 100 тысяч солдат. Казалось, таким образом, что перевес в этом отношении был на нашей стороне; климат же, железные дороги, пустыни и техническое вооружение также могли быть использованы в наших интересах, если бы только мы сумели как следует использовать наши сырые материалы. Турки поверили бы, что восстание является «абсолютным», как война, и стали бы с ним бороться по аналогии с «абсолютной» войной. Аналогия, конечно, выдумка: вести войну с восстанием столь же хлопотливо и утомительно, как есть суп ножом.

Вторым фактором был фактор биологический – фактор критического момента, фактор жизни и смерти, или, правильней, фактор износа. Военные философы превратили этот фактор в искусство, а один из его вопросов – «кровопускание» – подняли до уровня принципа. При всевозможных оценках его основой являлся изменчивый фактор – человек.

Однако мне казалось, что ограничивать искусство только человеческими факторами значило бы суживать стоявшую передо мной проблему. Оно должно было быть применено не только к организмам, но и к материалам. Турецкая армия отличалась тем, что в ней не хватало военных материалов, и они были дороги, людей же было больше. Следовательно, нашей целью являлось не уничтожение турецкой армии, а уничтожение ее недостаточной материальной части. Гибель моста или железной дороги, пулемета или орудия для нас была выгоднее, чем смерть турок. Арабская армия должна была беречь и людей и материалы – людей потому, что они, будучи иррегулярными воинами, были не единицами, а индивидуумами, а потеря индивидуума подобна камню, брошенному в воду: он может сделать лишь на короткое время отверстие, но от него расходятся, постепенно замирая, круги. Мы не могли позволить себе иметь большие потери. Расправляться с материалом было легче. Наша совершенно очевидная обязанность заключалась в том, чтобы добиться превосходства в какой-либо одной области, скажем, в пироксилине или пулеметах или в чем-либо ином, что может оказать наиболее решающий эффект, – добиться превосходства в оборудовании в одном преобладающем моменте или в каком-нибудь отношении.

Большинство войн требует контакта с противником. Наша война должна быть войной отделения от противника: нам придется сдерживать его молчаливой угрозой громадной неизвестной пустыни, не обнаруживая себя до момента атаки. Последняя должна быть атакой лишь по названию, направленной не против людей, а против материальной части противника, –

атакой, устремленной против его слабого места. В отношении железнодорожной линии это обычно будет пустынный участок пути. Это было бы тактическим успехом. Подобный метод мы смогли бы взять за правило. Это вполне соответствовало нашему стремлению – никогда не представлять собою цель для неприятельского солдата. На нашем фронте имелось много турок, которые за всю войну не имели случая в нас выстрелить, и все же, за исключением редких стечений обстоятельств, мы никогда не оборонялись. Объяснялось это превосходно налаженной разведкой. Мы всегда могли рассчитывать на проведение наших операций наверняка. В этом отношении главной действующей силой являлась голова полководца, и его знание неприятеля должно было быть безошибочным. Для того чтобы хорошо наладить разведку, нам пришлось проявить усилий больше, чем какому бы то ни было штабу, который я знал.

Третьим фактором, который необходимо было учитывать, является фактор психологический – та наука, в отношении которой наше представление следует признать совершенно недостаточным. Часть этой науки касается толпы – поднятия настроения до того момента, когда оно становится пригодным для использования в целях определенного действия, приспособления различных мнений для определенной цели. Другая часть касается отдельных личностей, и тогда она превращается в редко встречающееся искусство обхождения с людьми. Она рассматривает возможность подъема настроения наших людей, их многосложность, изменчивость и возможность культивирования в них того, что способствует выполнению намерения. Мы должны подготовить сознание людей к условиям боя так же тщательно и точно, как другие офицеры подготавливали их физическую сторону, и не только сознание наших людей, но и сознание противника, поскольку это окажется возможным, а также сознание народа, поддерживающего нас за линией фронта, и неприятельской стороны, ожидающей приговора, и нейтральных государств, следящих за нашими действиями.

Вышеприведенные рассуждения привели меня к заключению, что взятие приступом Медины или же быстрое принуждение ее к сдаче голодом не соответствовали нашей стратегии. Мы хотели, чтобы противник оставался в Медине или в любом другом столь же безвредном месте – и чем в большем количестве, тем лучше. Вопрос обеспечения продовольствием окончательно прикрепил бы противника к железным дорогам. Присутствие же противника на Геджасской и Трансиорданской железных дорогах, а также на железных дорогах Палестины, Дамаска и Алеппо

в продолжение войны можно было только приветствовать. Если бы он проявил стремление эвакуироваться в малом районе, где его численность могла бы оказаться преобладающей, тогда нам пришлось бы попытаться восстановить доверие противника уменьшением наших набегов против него. Наш идеал заключался в том, чтобы железные дороги работали с максимальными потерями и неприятностями для противника.

Арабская война была географической войной, а турецкая армия для нас – случайным объектом, а не целью. Наша цель состояла в том, чтобы нажимать на самое слабое звено турецкой армии. Мы должны возложить на турок возможно более длительную пассивную оборону, максимально растянув наш собственный фронт. Тактически нам было необходимо создать в высшей степени подвижный, высоко оснащенный тип армии наименьших размеров и последовательно использовать эту армию в определенных пунктах турецкой линии обороны, чтобы заставить турок выделить на занимаемые ими посты дополнительное количество бойцов сверх экономического минимума в 20 человек. Мощь нашей ударной части должна расцениваться не только ее численностью. Соотношение между численностью и районом определялось характером войны, и благодаря тому, что наша подвижность в пять раз превышала турецкую, мы могли добиться равенства с ними при соотношении 1:5. Наша победа заключалась в занятии нами стольких-то километров территории.

У нас не было ничего материального, что мы могли бы потерять, а следовательно, нам нечего было защищать и не во что стрелять. Драгоценным элементом наших сил были нерегулярные части бедуинов, а не регулярные части, чья роль заключалась бы только в занятии тех мест, к которым иррегулярные части уже обеспечили доступ. Нашими главными выигрышными картами были скорость и время, а не сила, и это давало нам скорее стратегический, чем тактический, перевес. Успеху нашей стратегии больше способствовала досягаемость, чем сила».

Таким образом, арабские повстанцы при помощи британских советников и подкреплений смогли сковать максимум турецких сил в тылу, что облегчило проведение решающих наступлений британских войск на Палестинском и Месопотамском фронтах. Лоуренс использовал повстанцев в британских целях, сделав так, что они до самого конца войны осаждали Медину, заставляя турок тратить силы и средства на снабжение гарнизона, тогда как в случае оставления Медины турецкие войска, занятые для ее обороны, могли бы усилить Палестинский фронт. Лоуренс старался заставить арабов вести боевые действия так, чтобы на их

стороне было обширное пространство пустынь. Он старался вести преимущественно бесконтактные бои. Повстанцы не наносили туркам больших потерь, но они отвлекали значительные турецкие силы на охрану коммуникаций. В то же время, арабская конница превосходила турок в подвижности, особенно в условиях пустыни, и сравнительно легко могла уходить от неприятельских ударов, в том числе благодаря хорошо налаженной разведке. Подавить восстание арабов турецкая армия так и не смогла, а оставить Медину и ряд других пунктов на железных дорогах Аравии у турецкого командования не хватило решимости. Кроме того, турки, по всей видимости опасались, что в этом случае англичане смогут через красноморские порты перебросить значительные силы на контролируемую повстанцами территорию и организовать наступление в тыл Палестинскому фронту. Между тем, подобных планов у англичан не было, равно как и не было достаточных свободных сил для подобного наступления.

Лоуренсу нравилось общаться с Гертрудой, хотя, по мнению некоторых биографов Лоуренса, ей общаться с ним нравилось еще больше. За глаза Лоуренс отзывался о «бедной Герти» свысока, намекая на ее нежные чувства к нему, к которым он, по понятным причинам, оставался равнодушен. Подозрения, что чувства мисс Белл в данном случае были более нежными, чем дружеские, вряд ли основательны. Судя по всему, Гертруда Белл относилась к Лоуренсу иногда неодобрительно, иногда с нежностью и симпатией, но никогда не была в него влюблена. Очевидными причинами были как 20-летняя разница в возрасте, так и нетрадиционная сексуальная ориентация Лоуренса, которая мало для кого из знавших его была тайной.

Томас никогда не был замечен в какой-либо близости с особами противоположного пола. В письмах к друзьям он поддерживал гипотезу о своей асексуальности. Но, похоже, это была всего лишь маскировка из-за крайне негативного отношения британского высшего общества того времени к гомосексуалам и судебному преследованию их (вспомним процесс Оскара Уайльда). К тому же, судя по всему, Лоуренс предпочитал довольно юных мальчиков. В арабском обществе начала XX века, особенно в кочевом, как и во всей Османской империи, гомосексуализм, хотя формально и осуждался, в соответствии с Кораном, но на практике не преследовался и был достаточно распространен. Гомосексуалистов тогда не подвергали массовым публичным казням, как делают это теперь боевики «Исламского государства».

На самом деле, есть все основания полагать, что любовником Лоуренса был сирийский юноша Селим Ахмед, по прозвищу

«Дахум» («маленький черный»), который работал с ним на раскопках в Кархемише с 1909 года, когда они впервые встретились. В июне 1914 года они расстались, а когда после войны Лоуренс вернулся в те места, то узнал, что Дахум в 1916 году умер от тифа в возрасте 19 лет. Дахума Лоуренс обучил английскому и математике, а тот, в свою очередь, помогал ему совершенствоваться в арабском. В доме Лоуренсе в Кархемише стояла обнаженная статуя мальчика в достаточно специфической позе (демона Нотр-Дам), для которой позировал Дахум. В октябре 1913 Томас писал в одном из писем: «Я уговорил Янга (приехавшего из Англии скульптора. – Б. С.) на этой неделе провести свободное время за резьбой горгулий для украшения дома. Он создал из известняка идеальную голову женщины. Я сделал сидящего на корточках демона в стиле Нотр-Дам, и мы сейчас украшаем ими стены и крышу, и дом стал выдающимся во всей северной Сирии. Местные жители толпятся, чтобы посмотреть его». «Семь столпов мудрости» Лоуренс посвятил таинственному С. А. Вполне возможно, что это был безвременно ушедший из жизни Селим Ахмед. Стихотворное посвящение, предваряющее книгу, звучит так:

> Я любил тебя, поэтому я нарисовал эти приливы мужчин
> в мои руки
> и начертал мою волю по небу в звездах,
> Чтобы обрести свободу, семиколонный богатый дом,
> что твои глаза могут светиться для меня,
> Когда я приду.
> Смерть, казалось, была мне служанкой в пути,
> пока мы были рядом;
> и видели тебя, ожидающего,
> Когда ты улыбнулся,
> в скорбной зависти он удрал от меня,
> забрав тебя прочь, в тишину.
> Любовь, утомившись идти, нащупала твое тело на миг,
> Что стало нашей скромной наградой,
> пока мягкая рука земли твои черты не узнала;
> И слепые черви жирели на твоей плоти.
> Люди молили меня, чтобы я сделал нашу работу,
> нетронутые дома,
> Как памятник тебе,
> но его я разрушил, не закончив; и теперь
> из нор выползают мелкие твари, спеша укрыться
> в искаженной тени твоего дара.

Судя по тексту, речь идет об умершем возлюбленном, с которым автор предполагает встретиться на небесах.

По всей видимости, у Лоуренса были и другие любовники во время ближневосточных экспедиций. Характерно также, что когда он вместе с несколькими арабами, переодевшись в цыган, пришли на разведку в Амман, то подверглись сексуальным домогательствам со стороны турецких солдат и вынуждены были бежать из города, чтобы не подвергнуться насилию. Надо сказать, что несмотря на запрет, содержащийся в Коране, гомосексуализм был широко распространен в Османской империи, особенно среди кочевников и обычно не преследовался. В «Семи столпах», обсуждая отношения между юными бойцами на войне, Лоуренс говорил об «открытости и честности совершенной любви» и ссылался на «друзей, которые содрогаются вместе на плодородной почве в высших горячих интимных объятьях». А в письме Шарлотте Шоу он признавался: «Я видел много любовей мужчины к мужчине. Некоторые из них были симпатичны и удачны».

Как в книге, так и в письме в 1919 году в военный колледж, Лоуренс описал эпизод, как 20 ноября 1917 года, будучи на разведке в Дераа, он был захвачен турецкими военными, местным беем и его охранниками, которые подвергли его жестокому избиению и сексуальному насилию. В книге это было описано так: «Этот человек при помощи своих охранников жестоко выпорол меня, а затем, когда я был совершенно сломлен, они принялись омерзительно развлекаться со мною».

В итальянской «Истории шпионажа» Лоуренс характеризуется следующим образом: «Только в лоне Арабского бюро Лоуренс смог до конца раскрыть свой талант авантюриста. Он был по-лисьи хитер, дьявольски ловок, не считался ни с кем и плевал на начальство, чем восстановил против себя почти весь британский генеральский штаб. Только небольшая группа экспертов ценила его поистине энциклопедические знания и умение вести дела с арабами. Лоуренс знал, что у него имеются влиятельные друзья в Лондоне. Поэтому он, не стесняясь, гнал от себя тех, которые мешали ему или просто не нравились ему. Самоуверенный и дерзкий, мечтательный и надменный, Лоуренс в двадцать лет стал офицером отделения Интеллидженс сервис в Каире, лучше всех изучил арабов и имел наиболее широко разветвленную и хорошо организованную агентурную сеть на территориях, занятых турками. Замкнутый, тщеславный, обожающий преклонение перед собой, он был храбр перед лицом опасности и авантюристичен до предела. Лоуренс превратился в настоящего кочевника, носил одежду бедуинов, прекрасно

ездил на верблюдах, был неприхотлив в еде, легко переносил жару и жажду и превратился в конце концов в руководителя арабских повстанческих отрядов, которые весьма эффективно боролись против турок. Он был похоронен в лондонском соборе святого Павла среди британских военных героев и артистических знаменитостей.

Некоторые биографы Лоуренса полагают, что развившийся после детских переживаний мазохизм своей оборотной стороной имел садизм, что проявилось будто бы в его жестокости при руководстве арабским восстанием. Противники этой точки зрения в ответ цитируют воспоминания британского дипломата и офицера штаба Алленби Алека Киркбрайда, в котором тот, ссылаясь на поведение Лоуренса в его присутствии, утверждает, что «вкусы у него были какие угодно, только не кровожадные». В свою очередь, сторонники концепции Лоуренса – садо-мазохиста полагают, что Лоуренс отличался склонностью к жестокости и поощрял зверства, которые совершали арабы. В доказательство приводят пример, что Лоуренс, по его собственному признанию, отдал однажды приказ «пленных не брать», потому что он и бедуины его отряда пришли в ярость, увидев трупы женщин и детей, убитых турками в деревне Тафас. В «Семи столпах мудрости» он писал: «Я сказал: «Лучшие из вас принесут мне как можно больше турок мертвыми», – и мы обратились вслед за удаляющимся врагом, пристреливая по пути тех, кто отбился в дороге и умолял нас сжалиться. ‹…› По моему приказу мы не брали пленных, единственный раз за всю нашу войну. В безумии, порожденном ужасами Тафаса, мы убивали, убивали, стреляя даже в головы упавшим и в животных, как будто их смерть и потоки крови могли утолить наши муки.

Только один отряд арабов, не слышавший наших вестей, взял пленными последние две сотни людей из центрального отряда… Позади них человек на земле что-то истошно закричал арабам, и они, бледные, подвели меня к нему. Это был один из нас с раздробленным бедром. Кровь хлынула, залив вокруг него всю землю, и он остался умирать; но даже тогда его не пощадили. В духе сегодняшнего дня, его мучили и дальше – плечо и вторую ногу ему пригвоздили штыками к земле, как у насекомого на булавках.

Он был в полном сознании. Когда мы спросили: «Хассан, кто это сделал?» – он поднял глаза на пленных, которые жались друг к другу, совершенно сломленные. Они ничего не сказали, прежде чем мы открыли огонь». Между прочим, среди пленных, по словам Лоуренса, были не только турки, но и немецкие и австрийские пулеметчики».

Лиддел Гарт, явно очарованный личностью Лоуренса, дает описание резни в Тафасе в благоприятном для него свете: «Лоуренс сразу же поехал со своей охраной в Тафас, чтобы, если возможно, задержать турок до прибытия на подмогу регулярных частей арабов. Маневр оказался слишком поздним, чтобы спасти Тафас. Приближаясь к деревне, Лоуренс увидел поднимавшийся дым и встретил нескольких обезумевших от горя беженцев, которые рассказали об ужасных деяниях, происшедших час назад, когда турки заняли деревню. Резня была уже закончена, и турецкие колонны выходили из деревни, чтобы продолжать свое движение на север. С целью задержать их до прибытия, пехотных частей Нури Саида, охрана Лоуренса открыла огонь. Когда артиллерия подошла и заняла позицию, заставив противника повернуть на восток, Лоуренс в сопровождении Таллала и Ауда проскользнул в деревню за спиной турок. Они наткнулись на трупы мертвых детей и тела женщин, убитых непристойным образом.

При виде этого зрелища Таллал застонал, медленно натянул свою головную повязку на лицо и затем внезапно поскакал галопом прямо на противника, чтобы быть скошенным пулями. Ауда, взяв на себя руководство боем, атаковывал неприятеля до тех пор, пока не разбил его отряда на три части. Самая малая часть, состоявшая из германских и австрийских пулеметчиков, оказывала упорное сопротивление, другие же две постепенно ослабевали и уничтожались в бою. При мстительном бешенстве арабов приказ Лоуренса о том, чтобы не брать пленных, был излишним.

Даже после того, как бойня была закончена, и арабы вернулись со своей добычей обратно в лагерь, Лоуренс не мог успокоиться, вспоминая своего убитого товарища Таллала. Он потребовал себе верблюда и с одним человеком из своей охраны выехал ночью, чтобы присоединиться к племени руаля, которое задерживало большую колонну противника. Лоуренс обнаружил ее по отдаленному звуку выстрелов и вспышкам орудий. С заходом солнца турки пытались расположиться лагерем, но арабы непрерывно беспокоили их своими набегами, заставляя находиться в движении. В результате турки шли, спотыкаясь, беспорядочными толпами, от которых отставали отдельные солдаты, слишком переутомленные для того, чтобы воспользоваться своим единственным шансом самосохранения».

Обратим внимание, что само описание расправ над пленными, как турками, так и арабами, данное самим Лоуренсом, полно таких подробностей, которые действительно выдают определенные садистские наклонности автора. Которые,

впрочем, быть может, проявились только на бумаге, а не в жизни. Не забудем все-таки, что «Семь столпов мудрости» – это художественное произведение, сильно беллетризованные мемуары, а не документальный источник. Когда Герберт Уэллс наивно утверждал, что эта книга является великим человеческим документом без всякой претензии быть произведением искусства, Лоуренс возразил ему, что, наоборот, «Семь столпов мудрости» написаны с «громадными претензиями» на искусство и отнюдь не являются человеческим документом вроде «Анабазиса» Ксенофонта. Настоящих же документов об арабском восстании против турок сохранилось мало, и в своем большинстве они не опубликованы. У повстанцев не было канцелярии, да и у турок штабная служба была поставлена из рук вон плохо. К тому же турецкие документы в арабских землях стали трофеями войск Антанты и арабов и в значительной мере не сохранились, а сохранившееся в подавляющем большинстве не опубликовано до сих пор. Реалии же партизанской войны были таковы, что пленных частенько не брали и арабы, и турки. Повстанцам пленных просто негде было содержать. Не возить же их с собой по пустыне, тратя на них и без того ограниченные запасы воды и продовольствия, да еще рискуя, что они могут убежать и предупредить своих о приближении отряда. Турки же убивали повстанцев, не щадя ни женщин, ни детей, как в отместку за расправу над своими пленными, так и потому, что в истреблении арабского населения видели единственный путь подавления восстания с возможной последующей тюркизацией территории, разумеется, в случае удачного для Стамбула исхода войны. И можно не сомневаться, что Лоуренс не раз был свидетелем убийства пленных. Но он предпочел в своей книге описать лишь один такой случай, представив его в качестве исключительного и в целом не характерного для арабских повстанцев, сражавшихся под его началом. Брат Лоуренса Аравийского, Арнольд Лоуренс, тоже нисколько не сомневался, что Томас в сражении при Тафасе действительно отдал приказ не брать пленных. Но он оправдывал его тем, что брат тогда потерял контроль над собой, потому что разделил ярость арабов, а затем искренне страдал из-за этого. Однако в описании резни при Тафасе какие-либо страдания автора «Семи столпов мудрости» не просматриваются. Да и вряд ли Лоуренс вообще мог запретить арабам резать их врагов, не рискуя потерять свой авторитет у повстанцев.

А Киркбрайд считает, что бессмысленно обсуждать, «имел ли Лоуренс садистские наклонности или просто любил убивать, что далеко не всегда одно и то же… Т. Э. Л. испытывал ужас

перед кровопролитием, и именно поэтому он был склонен нагромождать страдания в эпизодах «Семи столпов мудрости», описывающих смерть и раны, а не потому, что любил смотреть на страдания других».

Поэтому можно доверять свидетельству генерал-майора Джорджа Джеймса Рэнкина, командовавшего 4-м полком австралийской легкой кавалерии, так описавшего свое столкновение с Лоуренсом в Дамаске: «Если Лоуренс и не был садистом, то по крайней мере не пытался контролировать первобытную жестокость того арабского отребья, которое пошло за ним, купленное золотом Министерства иностранных дел. Именно по этой причине я однажды угрожал пристрелить Лоуренса. Вскоре после того, как 4-й полк легкой кавалерии вошел в Дамаск (арабы впоследствии утверждали, что это были их войска), мой полк вызвали, чтобы помешать учиненным арабами Лоуренса грабежу и резне. Я послал сержанта-майора Робертсона установить пулемет Гочкиса на улице Джамала Паши, где происходили некоторые из самых худших инцидентов, отдав приказ застрелить каждого араба, который откажется уняться. Лоуренс, театрально разряженный в шелковые одеяния, в расшитом золотом головном уборе арабского шерифа, заносчиво выразил недовольство тем, что мои люди стреляют по его арабам. Я пригрозил застрелить его самого, если он не предпримет никаких попыток их контролировать. Когда я думаю о том, что войска шерифа Мекки натворили в Дамаске и других городах, я порой жалею, что не застрелил». Конечно, тут был и спор о приоритете, кто первым вошел в Дамаск. Лоуренс настаивал, что он с арабскими повстанцами, а Рэнкин, естественно, отдавал пальму первенства своим австралийцам. Но в чем можно не сомневаться, так это в том что арабы в Дамаске вели себя далеко не образцово, рассматривая город как свою военную добычу.

Также у генерала Джорджа Бэрроу, командира 4-й индийской кавалерийской дивизии, описавшего в мемуарах свою встречу с Лоуренсом в Дераа, незадолго до вступления союзников в Дамаск, от этой встречи остались не самые приятные впечатления: «Турки, одни мертвые, другие умирающие, лежали по всей станции или сидели, прислонившись к домам. Те, кто был еще жив, смотрели на нас глазами, молящими о милосердии, которого им было бесполезно просить у арабов. ‹…› Во всем этом не было ничего необычного. Но одна возмутительная сцена, которая разыгрывалась как раз в тот момент, когда мы вошли, своей дикостью превосходила все известные нам случаи во время международных конфликтов за последние 120 лет. И в более

ранние времена подобное, к счастью, случалось редко.

На станции стоял длинный санитарный поезд, полный больных и раненых турок. В кабине локомотива лежали мертвый машинист и смертельно раненый кочегар. Арабские солдаты ходили по поезду, срывая одежду со стонущих больных турок, не обращая внимания на зияющие раны и переломанные конечности и перерезая горло своим жертвам. Жестокости, которые, как говорили, турки совершили по отношению к арабскому народу, давали основания для мести. Но это было зрелище, которое не могло оставить безучастным ни одного обычного цивилизованного человека. Я попросил Лоуренса убрать арабов. Он сказал, что не может, «потому что такое у них представление о войне». Я ответил: «У нас не такое представление о войне, и если вы их не уберете, это сделаю я». Он ответил: «Если вы попытаетесь это сделать, я не отвечаю за то, что произойдет». Я ответил: «Вот и хорошо. Я беру на себя всю ответственность» и сразу же отдал приказ нашим солдатам очистить станцию. Так и было сделано, и ничего плохого не случилось. Все арабы были изгнаны из поезда, и его теперь охраняли наши часовые».

О том же Бэрроу писал и в одном из своих писем в 1918 году по горячим следам событий: «В поезде были раненые, с которых эти убийцы, занятые грабежом, сорвали всю, до нитки, одежду. Когда я вошел, они еще занимались своим омерзительным делом, сдирая одежду с раненых неописуемо жестоким образом. В течение всей войны я нигде, ни во Франции, ни в Палестине, не наблюдал зрелища таких страшных страданий и такой бесчувственной жестокости». Вряд ли стоит всерьез принимать версию о том, что в мемуарах Бэрроу нелестно отозвался о Лоуренсе потому, что тот в «Семи столпах мудрости» столь же нелестно отозвался о Бэрроу и его индийской кавалерии: «Я поспешил туда, где генерал Бэрроу инспектировал аванпосты на машине».

Он был резок со мной, но я не склонен был его щадить, потому что он целые сутки промешкал на водопое у скудных колодцев Ремте, хотя карта показывала ему впереди озеро и реку в Мезерибе, на дороге, по которой бежал враг. Однако ему приказали отправляться в Дераа, туда он и собирался.

Он сказал, чтобы я ехал рядом; но его лошадям не понравился мой верблюд, и генеральский штаб жался к канаве, в то время как я спокойно ехал посреди дороги. Он сказал, что должен поставить в деревне часовых, чтобы держать население в порядке. Я мягко объяснил, что арабы поставили своего военного губернатора. У колодцев он сообщил, что его

саперы должны осмотреть насосы. Я ответил, что с радостью приму их помощь. Мы разожгли топки и через час надеемся напоить его лошадей.

Он фыркнул, что мы здесь устроились как дома; на его попечении остается только станция. Я указал, что паровоз движется к Мезерибу (где наш маленький шейх не дал туркам взорвать мост Телль эль Шехаб, который был теперь во владении арабов), и попросил, чтобы его часовым дали инструкции не вмешиваться в работу нашей железной дороги.

У него не было приказов относительно статуса арабов. Эту службу сослужил нам Клейтон, считавший, что мы достойны того, чего сумеем добиться: и вот Бэрроу, который пришел, считая их завоеванным народом, хоть и был ошеломлен моим спокойным заверением, что он мой гость, не мог ничего поделать и должен был примириться с этим. Моя голова в эти минуты работала изо всех сил, чтобы ради нашей общей пользы предупредить те роковые первые шаги, которыми британцы, лишенные воображения, действуя из самых лучших побуждений, обычно лишали уступчивых местных жителей дисциплины, порождаемой ответственностью, и создавали ситуацию, исправление которой требовало нескольких лет волнений, попеременных реформ и бунтов.

Я изучил Бэрроу и был к нему готов. За несколько лет до того он опубликовал свой символ веры в страх как главное побуждение человека к действиям на войне и в мирное время. Я же теперь считал страх низким и переоцененным мотивом, это средство не могло удерживать свое действие, хоть и возбуждающее, но ядовитое, и каждая его инъекция поглощала все больше от той системы, к которой применялась. Я не собирался вступать в союз с его педантичным убеждением, что людей стоит только запугать, и они поднимутся до небес; лучше было бы нам с Бэрроу разойтись сразу же. Мой инстинкт сразу бы это спровоцировал. Поэтому я был колючим и высокомерным.

Бэрроу сдался, попросив меня найти ему фураж и провиант. И действительно, скоро дела пошли на лад. На площади я показал ему на шелковое знамя Насира, вывешенное на балконе обугленного здания правительства, охраняемое внизу зевающими часовыми. Бэрроу вытянулся и резко отдал честь; одобрительная дрожь прошла по рядам арабских офицеров и солдат.

Вернувшись, мы постарались держать наше самоутверждение в границах политической необходимости. Всем арабам мы внушили, что эти индийские войска – наши гости, и им следует позволять, если не помогать, делать все, что они пожелают.

Эта доктрина привела нас к неожиданным последствиям. Из деревни исчезли все цыплята, а три конных ординарца утащили знамя Насира, прельстившись серебряными гвоздями и острием на изящном древке. Вот так проявилось различие между английским генералом, который салютует знамени, и индийским солдатом, который его ворует: что лишний раз поощряло расовую неприязнь арабов к индийцам».

Куда правдоподобнее выглядит предположение, что Лоуренс, помня о стычке в Дераа (где, кстати сказать, если верить его рассказу, самого Лоуренса турки избили и изнасиловали), поспешил в мемуарах изложить этот инцидент в благоприятном для себя свете. А о резне в санитарном поезде предпочитает не упоминать. Бэрроу же так прокомментировал мемуары Лоуренса: «Я разговаривал с Алленби в кабинете его дома в Лондоне. Он постучал пальцем по корешку «Семи столпов мудрости» в книжном шкафу и сказал: «Лоуренс нападает на тебя в своей книге, Джордж». Я ответил в том смысле, что не обращаю на это внимания, а он сказал: «Да, это было бы бесполезно. Кроме того, мы же знаем Лоуренса. Воображает себя черт знает каким первоклассным военным и любит покрасоваться на глазах у толпы». По мнению Бэрроу, Лоуренс «был опьянен своим собственным воображением», а его обвинения в свой адрес, будто генерал считал арабов «завоеванным народом», счел даже не заслуживающими опровержения из-за их вздорности. А один из свидетелей стычки Бэрроу и Лоуренса утверждал, что Томас «мальчишеское нахальство, смешанное со стремлением показать, что он знает все на свете и пользуется доверием Алленби». Впрочем, он точно так же вел себя со всеми британскими генералами, исключая главнокомандующего Алленби.

Справедливости ради скажем, что существуют свидетельства со ссылкой на арабских повстанцев, что «Лоуренс безуспешно пытался спасти группу пленных от расправы бедуинов, чья затаившаяся жестокость проснулась при виде зарезанных женщин и детей». Также британский офицер Ф. Дж. Пик, прибывший в Тафас вскоре после Лоуренса, свидетельствовал: «Когда я прибыл в Тафас, я увидел бедуинов Т. Э. Л. полностью потерявших контроль над собой. Придя в ярость из-за мертвых мужчин, женщин и детей, лежащих в деревне и вокруг нее (что я видел сам), они метались, громко перекрикиваясь и разыскивая еще оставшихся в живых турок. Лоуренс прибежал ко мне и велел навести порядок так быстро, как только можно. Я смог этого добиться велев сотне моих солдат спешиться и идти маршем на деревню, примкнув штыки. Одного вида этого дисциплинированного отряда солдат оказалось достаточно. ‹…› Я

получил приказ от Лоуренса собрать и охранять всех турок… Поскольку их количество возросло, мне пришлось направить часть турецких военнопленных помогать моим солдатам-египтянам. Этого, думаю, достаточно, чтобы подтвердить, что никакого приказа «пленных не брать» не было». По мнению Пика, «когда у Лоуренса была сила, чтобы контролировать арабов, он ее успешно применял. До моего прибытия он мог только пытаться убедить шейхов остановить их людей, убивающих турок, но их ярость была так велика, что они не хотели его слушать». Единственной силой, которая могла остановить бесчинства арабов, были британские солдаты (порой это были индийцы или египтяне под британским командованием).

Биограф Лоуренса Майкл Ярдли утверждал: «Много книг (включая и написанную Лоуренсом) создают впечатление, что Лоуренс сам стал военачальником у бедуинов. Сулейман Муса обратил внимание на то, что кем-то, кроме британских солдат и собственных телохранителей, Лоуренс командовал редко, если вообще когда-нибудь командовал. Он был советником, и очень важным, но все те основные военные операции против турок, в которых он принимал участие и которые осуществлялись войсками шерифа Мекки и бедуинами, всегда возглавлялись определенными арабскими военачальниками, отвечающими за эти операции по меньшей мере номинально. Это в особенности относится к операции в Акабе. Лоуренс претендовал на то, что непосредственно ею руководил, но он этого не делал, какое бы впечатление ни оставляли «Семь столпов», вторящие им биографии и фильм «Лоуренс Аравийский». Действительно, Лоуренс играл решающую роль в планировании операций повстанцев, но при всем желании не мог командовать ими на поле боя. Это могли делать только арабские шейхи, поскольку чужестранцу, даже столь авторитетному, как Лоуренс, бедуины бы просто не стали подчиняться. Арабы так отзывались о Лоуренсе: «Лоуренс был вроде слуги нашего господина Фейсала. Он обычно учил нас всяким планам, но войну вели отважные бедуины»; «Он был не вождем, а проводником»; «Он был слугой ашрафа (шарифов)». Лоуренс мог только советовать и убеждать, но отнюдь не приказывать шейхам, шарифам и эмирам. По этому поводу Ярдли остроумно заметил: «Лоуренс должен был сделать все, что может (что на деле означало – он должен был уговорить Фейсала)». О «бремени белых» тук говорить не приходилось. Повелевать арабами Лоуренс не мог при всем желании. Точно так же как к Лоуренсу, думается, арабы относились и к Гертруде

Белл. Для них она была весьма авторитетная советчица, но отнюдь не тот человек, который мог приказывать поступать так, а не иначе. И Гертруда прекрасно сознавала свое положение среди арабов. Только, в отличие от Лоуренса, в годы Первой мировой войны ей не пришлось находиться среди бедуинов за линией фронта. Она занималась чисто организационной и канцелярской работой и консультированием британских военных и гражданских чиновников насчет арабских реалий.

Киркбрайд вспоминает, что Лоуренс попросил отправиться с ним в Дераа, из которого уже ушли турки, причем «с самого начала ускорил темп», заявив: «Мы должны успеть туда раньше конницы!» Киркбрайд же признался: «Я слишком устал, чтобы чувствовать желание спешить куда бы то ни было, особенно если единственной причиной спешки было желание опередить наши же войска». Формально Лоуренс подчинялся Бэрроу, но предпочитал игнорировать его распоряжения и действовать самостоятельно. Так, без разрешения генерала он выехал из Дераа в Дамаск и только затем, чтобы успеть войти туда со своими арабами раньше британских войск, поскольку турки ушли из Дамаска без боя. Но тут Лоуренс немного опоздал. Австралийцы прошли через Дамаск, преследуя турок, около шести часов утра, арабы вошли в город в 7.30, а Лоуренс приехал в Дамаск только в девять часов.

Трудно сказать, знала ли Гертруда о суровых реалиях арабского восстания или представляла себе картину гораздо более идиллически. Ведь она все же была женщиной и невоенным человеком. Но по прочтении первого, нумерованного, издания «Семи столпов мудрости», она даже из достаточно приукрашенных мемуаров Лоуренса должна была вынести представление, что жестокости совершали не одни только турки, резавшие армян и арабов.

В общем, можно сказать, что Томас Лоуренс был равнодушен к деньгам, женщинам и славе. Главными целями его жизни стали строительство Британской империи и освобождение арабов от османского владычества. Он прекрасно знал не только классический арабский язык, но и наречия многих бедуинских племен, изучил их быт, нравы и религию, нередко существенно отличающуюся от классического суннитского ислама. Он исколесил практически всю Аравию, установил тесные связи с вождями наиболее крупных арабских племен, знал их сильные и слабые стороны, завоевал доверие шейхов и эмиров. Справедливости ради надо сказать, что Лоуренс не видел в арабах объект для будущей британской колонизации. Он рассматривал их как союзников, а не как подданных империи. Но в Лондон

не думали иначе. И последний рыцарь империи стал империи не нужен. Лоуренс отказался принять орден Бани и рыцарское звание, заявив: «Я стыжусь той роли, за которую получил эти ордена. От имени Англии я давал известные обещания, и они не выполнены – быть может, мне еще придется сражаться с Вашим Величеством!» Но этот демарш не имел никакого эффекта. Британская политика на Ближнем Востоке не изменилась.

С 1922 года начинается мемориальная часть жизни Лоуренса. Он пишет «Семь столпов мудрости» и другие книги, переводит «Одиссею», увлекается авиацией. Но все это больше походит на попытку хоть чем-то занять себя, на дожитие. Ранняя гибель избавила его от терзаний старости. Не исключено, что, проживи он на пару десятилетий больше, он бы мог, как и Гертруда, покончить с собой. Правда, в этом случае Лоуренс дожил бы до Второй мировой войны, в которой наверняка нашел бы себе достойное применение. Правда, неизвестно, что бы он делал после 1945 года.

Гертруда прибыла в штаб-квартиру армейской разведки в феврале 1916 года, а уже 3 марта была направлена в Басру, занятую британскими войсками еще в ноябре 1914 года. Они вместе с Лоуренсом находились в распоряжении знаменитого разведчика сэра Перси Кокса, о котором мы расскажем далее. Все лето и зиму 1916-917 годов Лоуренс и Белл просидели в Басре. Кокс назначил мисс Белл сотрудником Индийского британского экспедиционного корпуса по политическим вопросам. 27 августа 1916 года она писала мачехе: «На прошлой неделе я проехала по узкоколейной железной дороге в пустыни 25 километров. Это было так забавно – путешествовать 50 минут по железной дороге и встретить… генерала Мода, нашего нового командующего армией, только что прибывшего. Я была ему представлена…»

В мае 1916 года Лоуренс присоединился к принцу Фейсалу из Мекки (будущему королю Ирака Фейсалу I), вставшему во главе Арабской освободительной армии. Чтобы завоевать доверие арабов, Томас стал одеваться в арабское платье и научился по много часов ездить на верблюде. Отец Фейсала, Хусейн ибн Али, великий шариф Мекки, поднял знамя восстания против турок. Он воспринимался как духовный вождь арабского мира. Лоуренс подсказал Фейсалу, как, перерезав в ряде мест Хиджазскую железную дорогу, снабжавшую турецкий гарнизон в Медине, сковать превосходящие турецкие силы. Как писал Лоуренс в «Семи столпах мудрости», «некоторые англичане, чьим лидером был Китченер, верили, что восстание арабов против турок позволит Англии, воевавшей с Германией, одновременно

разгромить ее союзницу Турцию. Имевшиеся сведения о характере, организации власти арабских племен, а также о природных условиях территорий, которые они населяли, позволили считать, что исход такого восстания будет для них счастливым, и определили стратегию и тактику. И они сделали все необходимое для того, чтобы такое восстание началось, заручившись формальными заверениями о помощи со стороны британского правительства. Тем не менее восстание шерифа Мекки оказалось для большинства полной неожиданностью и застало врасплох неподготовленных союзников. Оно породило смешанные чувства и вызвало четкое разделение на друзей и врагов, чьи взаимные подозрительность и ревность с самого начала стали угрожать провалом операции».

Майор Стэрлинг, один из офицеров связи со штабом британских войск, вспоминал: «Прибыв в Абу-Эль-Лиссал, я нашел Лоуренса, только что возвратившегося из успешного набега на железную дорогу, в его палатке сидящим на великолепном персидском ковре, добытом из какого-то турецкого поезда. Он был одет, как обычно, в белые одеяния с золотым кинжалом Мекки за поясом. Снаружи, развалившись на песке, находилось несколько арабов его охраны, занятых чисткой винтовок… Охрана была весьма необходимой предосторожностью, так как голова Лоуренса была оценена в 20 тысяч фунтов стерлингов, а арабы являлись вероломным народом, пока они вам не присягнули и пока они не получают денежного вознаграждения. Любой человек из охраны Лоуренса с восторгом отдал бы за него жизнь… Что же позволяло ему властвовать и держать в своем подчинении арабов? На этот вопрос ответить трудно. Арабы отличаются своим индивидуализмом и дисциплине не подчиняются, но, несмотря на это, любому из нас было достаточно сказать, что Лоуренс хочет, чтобы то или другое было сделано, и это делалось. Каким образом он приобрел себе такую власть над ними? Частично это может быть объяснено тем, что Лоуренс прикидывался сторонником освободительного движения арабов. Последние поняли, что он оживлял их дело, что он стоял наравне с шейхами или потомками пророка, что эмир Фейсал обходился с ним как со своим братом, как с равным, что он, по-видимому, обладал безграничным запасом золота, а средний араб является самым продажным человеком…»

В рамках этого проекта работала и мисс Белл, только, в отличие от Лоуренса, она не могла лично возглавлять повстанцам и давать им советы как действовать. В такой роли арабы женщину не воспринимали, да и чисто военных знаний

у Гертруды не было. Зато она была сильна в картографии и администрации, равно как и в искусстве примирять различные кланы и их вождей. И, наверное, она могла сказать о себе словами Томаса Лоуренса: «Мы годами жили как придется, один на один с голой пустыней, под глубоко равнодушным к людским судьбам небосводом. Днем нас прожигало до костей пылающее солнце, соревновавшееся с сухим, раскаленным, пронизывающим ветром. Ночами мы дрожали от холодной росы, остро переживая свою ничтожность, ибо на мысли о ней не мог не наводить бесконечно глубокий, почти черный купол неба с мириадами мерцающих, словно объятых каждая собственным безмолвием, звезд. Мы – это занятая самою собой, словно всеми позабытая армия, без парадов и муштры, жертвенно преданная идее свободы, этого второго символа веры человека, всепоглощающей цели, вобравшей в себя все наши силы. Свободы и надежды, в чьем божественном сиянии меркли, стирались прежние, казавшиеся такими высокими, а на деле порожденные одним лишь честолюбием стремления.

С течением времени настойчивая потребность бороться за этот идеал превращалась в бескомпромиссную одержимость, возобладавшую над всеми нашими сомнениями – подобно тому, как всадник-бедуин уздой и шпорами укрощает дикого коня. И независимо от нас самих он стал верой. Мы продались ему в рабство, сковали себя некоей общей цепью, обрекли на служение его святости всем, что было в нас хорошего и дурного. Дух рабства ужасен, он крадет у человека весь мир. И мы отдались не только телом, но и душой неутолимой жажде победы».

Из-за жары Гертруда почувствовала себя плохо, и ей пришлось лечь в больницу. А в марте 1917 года ее вызвали в недавно захваченный Багдад. Кстати сказать, карты, позволившие британским силам безопасно достичь Багдада, рисовала мисс Белл. Ведь она еще до войны составила карты Месопотамии, Сирии, Малой Азии и Аравии. Теперь она консультировала британское командование по арабским делам, в том числе в вопросе создания временного правительства. Она была единственной женщиной – политическим офицером в британских вооруженных силах. После ухода турок в Багдаде царил хаос, и надо было срочно создать хоть какое-то местное правительство. Гертруда здесь была незаменима. Многие местные шейхи, не доверявшие англичанам, вполне доверяли женщине, которую давно знали с самой лучшей стороны. Англичане верили, что арабы не способны самостоятельно управлять, но мисс Белл смогла убедить своих соотечественников в обратном, хотя с их

стороны порой встречала насмешливое отношение. Так, известный британский дипломат и политик сэр Марк Сайкс вместе с другим дипломатом, французом Франсуа Жоржем-Пико, являвшийся автором секретных соглашений между Англией, Россией и Францией относительно раздела зон влияния после победы над Османской империей, пренебрежительно отзывался о Гертруде в одном из писем к жене: «Пересекся с глупой, самонадеянной, плоскогрудой, болтливой не то женщиной, не то мужчиной, трясущей своей задницей по всему свету…»

Лоуренс тем временем добивался все новых и новых успехов. В январе 1917 года восставшими арабами был захвачен порт Ваджх на Красном море, а в июле они взяли Акабу, изгнав турок из Хиджаза. При взятии Акабы турки потеряли до 1200 человек убитыми и пленными, арабы же потеряли убитыми всего двух человек. Незадолго до взятия Акабы, 27 июня 1917 года, был назначен новый командующий британскими силами в Египте генерал сэр Эдмунд Алленби, с которым Лоуренс нашел общий язык. По предложению Лоуренса Алленби согласился взять в свое непосредственное подчинение отряд Фейсала, действовавший в районе Акабы. Теперь Фейсал командовал самостоятельной так называемой «Северной арабской армией», не подчиняясь непосредственно своему отцу. Он мечтал о том, чтобы завоевать богатую Сирию и стать ее королем. Но это входило в противоречие с англо-французскими договоренностями о разделе сфер влияния в Оттоманской империи. Фейсал воспринимался как ставленник англичан. К тому же он был предводителем кочевников, а французы опирались в первую очередь на оседлое христианское и алавитское население Сирии.

В сентябре 1917 года Лоуренс, осуществляя подрыв воинского эшелона вблизи станции Мудовара, в 80 милях к югу от Маана, едва не попал в плен из-за некоторых особенностей поведения арабских воинов, изменить которые было выше его сил. Вот как этот эпизод описывает Лиддел Гарт: «Вскоре Лоуренс нашел подходящий дренажный сток, разрушение которого наверняка заставило бы поезд сойти с рельсов даже в том случае, если бы паровоз не удалось взорвать. Здесь между концами двух стальных поперечин он выкопал яму, в которую заложил 50 фунтов динамита, установил запалы и уничтожил следы, своей работы. На это потребовалось около двух часов. Затем он раскатал провода, идущие к детонатору, закапывая их в песке по мере продвижения к отстоявшему примерно в 200 ярдах холму, откуда он намеревался взорвать мину. Прошло еще часа три прежде, чем все было окончательно готово. Тем временем на высоком выступе горы, над железнодорожной линией, было

выбрано подходящее место для установки мортир Стокса и пулеметов, гарантировавших безопасность отступления. Оставив одного человека в дозоре, они удалились в скрытый ими в прилегающей долине лагерь.

Теперь задача сводилась к тому, чтобы удержать бедуинов до появления поезда в укрытии. Но бедуинам надоело сидеть в напряжением ожидании, и они вопреки всем приказаниям двигались с места на место. На следующий день, часов в девять утра, со стороны находившейся южнее станции Халлат-Аммар появился турецкий патруль численностью около 40 человек. Для предотвращения возникшей угрозы навстречу туркам была послана группа арабов, которой было поручено, симулируя отступление в холмы, заставить патруль отойти в сторону. Маневр удался. Другой тревожный момент был около полудня, когда один из небольших регулярных патрулей совершал обход линии. К великому облегчению Лоуренса, турки прошли под заложенной миной и тем местом, где он укрылся, ничего не заметив. Однако немного позднее он увидел в свой сильный бинокль отряд пеших турок примерно в 100 человек, появившийся со стороны станции и двигавшийся к югу. Поскольку казалось, что единственным выходом из положения является бегство, отряд стал спешно собираться.

В это время часовой неожиданно сообщил, что виден дым. Лоуренс и Заал бросились на холм и увидели приближавшийся поезд. С дикой суматохой арабы заняли свои места, растянувшись вдоль насыпи, чтобы иметь возможность произвести обстрел вагонов с близкого расстояния. По мере приближения поезда, который тащили два паровоза, с него был открыт беспорядочный огонь. Оказалось, что за паровозами шло десять вагонов, переполненных войсковыми частями.

В тот момент, когда второй паровоз проходил над миной, Лоуренс подал сигнал. Мина взорвалась, подбросив столб пыли и дыма, в котором были видны летящие куски железа и даже целое колесо. Затем наступила мертвая тишина. Лоуренс бросился бежать к арабам в то время как град пуль осыпал поезд, из которого выскакивали оставшиеся в живых турки, искавшие укрытия на противоположной стороне. Однако здесь они попали под огонь мортир, а дальше во время бега их скашивали пулеметы. Арабы бросились грабить разрушенный поезд.

Жажда грабежа заставила отделившийся для отвлечения турок отряд поспешить обратно, забыв свою главную цель. Лоуренс понял, что скоро он может оказаться зажатым между поездом и подходившим с юга новым отрядом турок. Но отвлечь арабов от их добычи, прежде чем они насытятся грабежом, было

делом безнадежным. Арабы совершенно обезумели от своей страсти грабежа и, побуждаемые жадностью, дрались друг с другом из-за добычи. Они разбивали вагоны и вытаскивали из них содержимое на насыпь, где в диком беспорядке были разбросаны ковры, одеяла, одежда, часы, продовольственные припасы и оружие. Тем временем группа плачущих женщин бросилась к Лоуренсу, умоляя его защитить их, но они были сейчас же отстранены еще более напуганными мужьями. Лоуренс успокоил их, но когда он отвернулся, произошел спор, во время которого арабы в припадке бешенства большую часть из них убили.

Помимо 70 убитых, 90 человек было захвачено в плен. У арабов был убит только один человек, но вскоре они «пропали» все, разбежавшись со своей добычей. Таким образом, у разрушенного поезда остались покинутыми три англичанина. К счастью, когда они уже собирались оставить пулеметы, прибыл Заал с одним из арабов; приведя с собой верблюдов, они помогли погрузить на них мортиры и пулеметы. Поскольку боевые припасы пришлось оставить, их сложили в кучу и подожгли, и под прикрытием взрывов, задерживавших приближение турок, ускользнули.

До конца года арабы уничтожили еще 17 паровозов и большое количество товарных вагонов, фактически парализовав движение по Хиджазской железной дороге.

В 1917 году Лоуренс дважды совершил секретные рейды за вражеские позиции, чтобы поднять восстание в Сирии. В ноябре он был задержан турками, но они не установили его личность и отпустили – настолько натурально сыграл он роль коренного араба. А уже 9 декабря 1917 года Лоуренс отправился с Алленби в Иерусалим.

Вот какое описание Лоуренса оставил майор Стерлинг, офицер для связи со штабом британских войск: «Прибыв в Абу-Эль-Лиссал, расположенный примерно в пяти тысячах футов над уровнем моря, я нашел Лоуренса, только что возвратившегося из успешного набега на железную дорогу, в его палатке сидящим на великолепном персидском ковре, добытом из какого-либо турецкого поезда. Он был одет, как обычно, в белоснежные одеяния с золотым кинжалом Мекки за поясом. Снаружи, развалившись на песке, находилось несколько арабов из его охраны, занятых чисткой винтовок. Арабы, напевая про себя, несомненно, наслаждались воспоминаниями о каких-либо особенно интересных подробностях той дьявольской проделки, которую они только что закончили. Они представляли собой чрезвычайно интересную компанию численностью около

100 человек. Большинство из них являлось по профессии наемными солдатами. Каждый прославился каким-либо отважным подвигом, а с точки зрения умения ездить верхом и ругаться они были самыми искусными в Аравии. Охрана была весьма необходимой предосторожностью, так как голова Лоуренса была оценена в 20 тысяч фунтов стерлингов, а арабы являлись вероломным народом, пока они вам не присягнули и пока они не получают от вас денежного вознаграждения. Любой человек из охраны Лоуренса с восторгом отдал бы за него жизнь. Имелась и другая причина, почему были нужны отборные люди. Передвижения Лоуренса были внезапными, а его поездки – продолжительными и тяжелыми, и лишь немногие обыкновенные арабы были в состоянии покрывать такие расстояния. Как это ни удивительно, но англичанин смог побить все рекорды Аравии и по быстроте передвижения, и по выдержке.

Что же позволяло Лоуренсу овладеть и держать в своем подчинении арабов? На этот вопрос ответить трудно. Арабы отличаются своим индивидуализмом и дисциплине не поддаются, но, несмотря на это, любому из нас было достаточно сказать, что Лоуренс хочет, чтобы то или другое было сделано, и это делалось. Каким образом он приобрел себе такую власть над ними? Частично это может быть объяснено тем, что Лоуренс являлся как бы душой освободительного движения арабов. Последние поняли, что он оживлял их дело, что он может сделать все и выдержать все даже несколько лучше, чем сами арабы, и что, имея золотой кинжал Мекки, он стоял наравне с шейхами или потомками пророка, что эмир Фейсал обходился с ним, как со своим братом, как с равным, что он, по-видимому, обладал безграничным запасом золота, а средний араб является самым продажным человеком. Однако я думаю, что искать ответа мы должны главным образом в таинственной способности Лоуренса воздействовать на чувства любой группы людей, среди которых он находился, в его умении читать их задние мысли и обнаруживать силы, заставлявшие их предпринимать те или иные действия».

Гертруда читать мысли арабов так и не научилась, но в достаточной мере усвоила искусство дипломатии, чтобы убеждать шейхов и шарифов предпринять те действия, которые в данный момент отвечали интересам британской короны.

19 сентября 1918 года началась решающая в войне битва против Турции. Союзный египетский экспедиционный корпус, состоявший в основном из британских, индийских, австралийских и новозеландских войск с небольшими французскими и армянскими контингентами перешел в наступление против

османской группы армий «Йылдырым» («Молния»). После мощной артподготовки части турецких позиций были захвачены индийской и австралийской пехотой узлы связи в глубине османской обороны. Авиация парализовала работу турецких штабов, а кавалерия захватила узлы связи в турецком тылу. Преследуя неприятеля, 1 октября 1918 года британские войска взяли Дамаск. Арабские повстанцы вместе с Лоуренсом Аравийским оказали им существенное содействие, предприняв атаки на Хиджазскую железную дорогу. К концу октября практически все арабские территории были освобождены от турок союзными войсками и повстанцами.

Когда 3 октября 1918 года в Дамаск прибыл Алленби, Лоуренс был в состоянии, по словам Стерлинга, «передать ему город в относительном порядке, почти совершенно очищенным от следов войны, с правительственным аппаратом, функционировавшим легко и быстро». Алленби сообщил Фейсалу, который вошел в город на час позже, что он готов признать арабскую администрацию на территории к востоку от Иордана и Маана и до Дамаска включительно.

Лоуренс вспоминал, как в освобожденном Дамаске «Алленби вручил мне телеграмму из Форин-офис, подтверждавшую признание за арабами статуса воюющей стороны, и попросил перевести ее на арабский язык для эмира, но ни один из нас не знал, что это значило даже на английском, не говоря уже об арабском языке. А Фейсал, улыбаясь сквозь слезы, которых не смог сдержать, растроганный встречей со своим народом, просто отложил телеграмму в сторону, чтобы поблагодарить главнокомандующего за доверие, оказанное ему и его движению. Они являли собой странный контраст – большеглазый, бледный, усталый Фейсал, похожий на изящный кинжал, и громадный, рыжий, оживленный Алленби, представитель могущественной державы.

Когда Фейсал уехал, я обратился к Алленби с последней (впрочем, как я полагаю, и первой) личной просьбой – позволить мне уехать. Поначалу он не хотел и слушать об этом, но я напомнил ему о данном год назад обещании и подчеркнул, насколько легче будет принят новый порядок, если над арабами не будет тяготеть мое присутствие. В конце концов он согласился, и именно в этот момент мне стало понятно, насколько я несчастен».

Лоуренс также в качестве награды за подвиги, совершенные им во время Арабского восстания, получил чин полковника, который Алленби ему с готовностью присвоил.

Для Лоуренса все-таки смыслом жизни была война.

Он переживал свой звездный час, когда вместе с повстанцами громил турецкие тылы, разрабатывал планы боевых операций, с риском для жизни ходил на разведку в занятые турками города. Если душой арабского восстания был шариф Хуссейн, то его мозгом, безусловно, Томас Лоуренс, за свои заслуги произведенный в полковники и награжденный многими британскими орденами. И когда война кончилась, в мирной жизни полковник Лоуренс себя так и не нашел. На Парижской мирной конференции он безуспешно отстаивал идею создания действительно независимых арабских государств. Эта идея не нашла понимания у великих держав, несмотря на отказ арабов признать британский мандат над Ираком и Палестиной и французский мандат над Сирией. А когда Лоуренс понял, что британское правительство рассматривает арабские земли как колонии, свои и французские, резко отошел от арабских дел.

Лоуренс утверждал: «Я не был солдатом, действовавшим под влиянием инстинкта, автоматом с интуицией и удачными идеями. Когда я принимал решение или выбирал альтернативу, я это делал лишь после того, как изучал все относящиеся, а также и многие не относящиеся к делу факторы. В моем распоряжении была география, структура племен, общественные обычаи, язык, принятые стандарты – все. Противника я знал почти так же, как и свои собственные силы, и неоднократно сражался вместе с ним, подвергая себя риску, чтобы «научиться».

То же самое и в отношении тактики. Если я хорошо пользовался оружием, то это потому, что я умел с ним обращаться. В отношении винтовок дело обстояло просто. Я прошел курс обучения под руководством инструкторов по обращению с пулеметами Льюиса, Виккерса и Гочкиса. Я ознакомился со взрывчатыми веществами у моих учителей из инженерных войск.

Для того, чтобы уметь использовать бронемашины, я научился ими управлять и выводить их в бой. Я по необходимости сделался артиллеристом, а также мог лечить и разбираться в верблюдах.

Я не мог найти на войне учителей для той стратегии, которая мне была нужна, но у меня были знания, приобретенные чтением военных книг в течение нескольких лет, и даже в том небольшом труде, который я написал об этом, вы сможете проследить намеки и цитаты, представляющие собой сознательную аналогию.

Поймите, что военное искусство, по крайней мере, мною, было достигнуто не благодаря инстинкту, без всяких усилий, но пониманием, упорным изучением и напряжением ума. Если бы оно далось мне легко, я не достиг бы подобных результатов».

Гертруда, конечно же, не занималась непосредственно военным делом. Но географию, структуру и обычаи арабских племен Лоуренс во многом почерпнул из ее исследований. И Гертруда могла бы сказать о себе словами Лоуренса, что она узнала арабов, их общество, их быт, их язык она узнала не из учебников и книг, а из своего опыта, во время своих многолетних путешествий по региону и непосредственного общения с арабами, то есть благодаря практике. Она была исследователем-практиком, а вовсе не академическим кабинетным ученым.

В 1918 году, когда британские и индийские войска освободили Месопотамию от турок, именно Гертруда Белл предложила объединить три бывшие турецкие провинции (вилайета) Междуречья – Басру, Багдад и Мосул – в единое государство. Впоследствии это новое государство было названо Ирак, что означает по-арабски – «глубоко укорененный». Название, однако, не отражало будущее Ирака, которому пришлось перенести множество восстаний, переворотов и войн. А еще, проанализировав ход борьбы между ваххабитами ибн-Сауда и классическими суннитами Фейсала, наша героиня посоветовала Лондону поставить на Фейсала. По ее мнению, именно Фейсал, оказавший британским войскам значительную помощь в войне с Турцией, более других шейхов и эмиров подходил на роль лояльного Британской империи правителя, чем представители курдов или составлявших в Ираке большинство шиитов, известных своим необузданным нравом и склонностью к анархизму. На курдах к тому же лежало пятно активного участия в резне армян. Также и Лоуренс, сопровождавший Фейсала в качестве переводчика во время поездок последнего во Францию и Англию, рекомендовал правительству Фейсала в качестве главы Ирака. В Лондоне с Белл и Лоуренсом согласились. Так была заложена основа нынешнего противостояния в Ираке.

Во время своего пребывания на Ближнем Востоке Гертруда Белл стала свидетелем геноцида армян, осуществлявшегося турками. Она отметила, что резня армян, начавшаяся в 1915 году, превосходила все те случаи истребления армян, которые происходили ранее. Белл также сообщала, что в Дамаске «турки открыто продавали армянских женщин на рынке». В том же докладе руководству разведки она писала: «Батальон покинул Алеппо 3 февраля и достиг Рас-Аль-Айна в двенадцать часов. ‹…› Около 12 тысяч армян были сконцентрированы под охраной нескольких сотен курдов… Эти курды назывались жандармами, но в действительности были сущими мясниками; им было

приказано забирать партии армян, обоих полов, для различных целей, но они имели тайные инструкции уничтожить мужчин, детей и старушек. ‹…› Один из этих жандармов признался в том, что лично убил 100 армянских мужчин себя. Имеющиеся в пустыне пустоты, водоемы и пещеры, были также заполнены трупами… ни один мужчина не может после Рас-Аль-Айна думать о женском теле как об объекте желания, а только как о чем-то, что вызывает ужас».

Строительство Ирака

Теперь, после окончания войны, пора было оформлять плоды победы. Лоуренс утверждал: «Я мечтал в оксфордской городской школе о том, чтобы успеть при жизни придать нужную форму новой Азии, которую время неумолимо и все теснее связывало с нами. Мекка должна была привести в Дамаск, Дамаск в Анатолию и затем в Багдад, а там был рядом и Йемен. Казалось бы, фантазии, но именно они сподвигнули меня на вполне реальную, прочувствованную и телом, и духом борьбу». То же самое с полным правом могла сказать о себе и Гертруда.

Хусейн ибн Али еще 2 декабря 1916 года объявил себя королем всех арабов, претендуя на объединение под своей властью всех бывших арабских провинций Османской империи. Однако ему не удалось этого сделать даже в пределах Аравии. В итоге в 1919 году страны Антанты признали его лишь королем Хиджаза. Борьбу с Неждом Хуссейн проиграл. В 1924 году Ибн-Сауд захватил Хиджаз и в 1927 году провозгласил создание королевства Неджд и Хиджаз, в 1932 году преобразованного в Саудовскую Аравию. Хусейн еще 5 октября 1924 отрекся от престола в пользу своего старшего сына Али. С 1925 года он жил на Кипре и в Трансиордании. Хусейн ибн-Али-аль-Хашими скончался 4 июня 1931 года в Аммане. Ему было около 80 лет. Ни Англия, ни Франция не претендовали на внутренние районы Аравийского полуострова. Месторождения нефти там, в отличие от Ирана и Ирака, тогда там еще не были разведаны, а контролировать бедуинов в обширных пустынях было практически невозможно. А вот более густонаселенные, с преобладанием оседлого населения, Ирак, Сирия, Трансиордания и Палестина, представляли собой значительно более желанную добычу для колониальных держав. За их послевоенное устройство шла нешуточная борьба. Гертруда Белл имела самое непосредственное отношение к послевоенному обустройству Трансиордании и, особенно, Ирака. Если в случае с Трансиорданией она, в сущности, выполняла роль картографа, то в Ираке ее роль политического советника и администратора была гораздо более значительной. Гертруда с полным основанием могла считать себя основательницей современного Ирака. Она не только прочертила его границы, но и приложила немало усилий для создания его политической системы и обеспечила принятие нового короля иракской элитой.

После капитуляции Турции, как писал Лиддел Гарт, «в конце октября 1918 года Алленби установил военное руководство

на занятой территории и поделил ее на три области: «Южная» – под руководством британского администратора – включала Палестину и совпадала с «красной» зоной Сайкс – Пико; «Северная» – под руководством французского администратора – являлась «голубой» зоной Сайкс – Пико на побережье Сирии; «Восточная» являлась значительно более длинным и широким поясом от Алеппо за Дамаск и вниз к Акаба. Она охватывала старые зоны «А» и «Б», поскольку они были добыты силами Алленби. Выполняя свое обещание Фейсалу, Алленби передал этот громадный пояс военной администрации арабов. Более того, чтобы удовлетворить арабские притязания, в «Восточную» область была включена небольшая часть старой «голубой» зоны.

Тогда 7 ноября французское и английское правительства выпустили совместную декларацию о том, что: «…цель, к которой стремятся Франция и Великобритания, заключается в полной и несомненной свободе народов, так долго находившихся под гнетом турок, и в установлении национальных правительств и администраций, власть которых основывается на инициативе и свободном выборе туземного населения.

Для того, чтобы выполнить эти намерения, Франция и Великобритания согласились в своем желании побудить и помочь установлению туземных правительств и административных управлений в Сирии и Месопотамии… Совершенно не желая возлагать на население этих областей подобных учреждений сверху, Франция и Великобритания были озабочены лишь тем, чтобы заверить в своей поддержке, практической помощи и нормальной работе правительств и учреждений, которые эти народности могут установить по своему выбору».

Каковы бы ни были сомнения в отношении мудрости этого документа, одна лишь эта декларация является достаточной для того, чтобы оправдать часто подвергавшуюся критике линию поведения Лоуренса в отношении послевоенного упорядочения и осудить всех тех, кто во Франции и Англии стремился к другим целям. И все же какой иронией звучит эта декларация в свете последующей истории!»

В действительности данная декларация была лишь прикрытием французских и британских планов. Обе державы стремились установить свой контроль на арабских землях, но достаточно долго не могли разграничить свои интересы в Сирии и Ираке. В конечном счете Сирия стала французской подмандатной территорией, но зато нефтеносный район Мосула, первоначально предназначавшийся Франции, оказался под британским мандатом в составе Ирака.

В 1918–1920 годах британскую оккупационную администрацию в Ираке возглавлял подполковник сэр Арнольд Тальбот Вильсон. Он пытался создать в Месопотамии административную и финансовую систему по индийскому образцу, однако это не принесло успеха. Вильсон не учитывал в должной мере особенности этно-конфессиональной структуры Ирака, и прежде всего характер взаимоотношения кочевников и оседлого населения, шиитов и суннитов, арабов и курдов. Его политика вызвала значительный рост антибританских настроений и спровоцировала крупномасштабное восстание 1920 года, побудившее британское правительство к созданию Иракского королевства.

В 1919 году, уже после окончания войны, Гертруду отправили на Парижскую мирную конференцию. Там же присутствовал и Фейсал в качестве представителя своего отца, короля Хиджаза. Лоуренс состоял при Фейсале в качестве переводчика и советника. Гертруда записала в дневнике: «Меня уговаривали остаться на дипломатической работе в Европе, но я не могла себе представить, как можно в такой момент быть там. Я не могу думать ни о чем, кроме того, что будет с Ближним Востоком». Здесь она вновь встретилась с Лоуренсом, который к тому времени был произведен в полковники. Согласно замечанию американского делегата на Парижской мирной конференции, полковник Лоуренс был там «самой обаятельной личностью».

Интересно, что когда французский министр иностранных дел Стефан Пишон стал обосновывать французские притязания на Сирию эпохой крестовых походов, Фейсал остроумно ответил: «Простите, мосье Пишон, но кто из нас оказался победителем в крестовых походах?»

Клемансо, который вначале не желал считаться с Фейсалом, на конференции предложил признать независимость Сирии при условии, что Фейсал будет поддерживать интересы Франции. Фейсал согласился, чем вызвал гнев своего отца. Хуссейн провозгласил себя повелителем всех правоверных, чем вызвал резкое недовольство других арабских и мусульманских правителей. Во многом это предопределило его последующее поражение за господство на Аравийском полуострове с правителем Неджда Ибн-Саудом.

А 19 сентября 1919 года Гертруда так передала в дневнике свой разговор с генералом Клейтоном в Каире: «После составления генеральной схемы для моего путешествия (на бывший турецкий Ближний Восток – Б. С.) он рассказал мне, что сирийский вопрос все еще остается в «плавильном котле». В телеграмме, полученной вчера от Лорда Керзона, говорится,

что никакого решения не было достигнуто. Видимо, Фейсал в Лондоне вызвал у Правительства Его Величества сомнения относительно выводов, к которым пришли в Париже. Полковник М. частично приписал изменение телеграмме, которую он отправил 17-го. Там описывается разговор француза, Фейсала и его самого в Дамаске. Фейсал решительно отказался принять французский мандат, поскольку тогда арабы будут порабощены. На вопрос, согласится ли он, если Палестина будет добавлена к французскому мандату на Сирию, он вновь ответил отказом. Полковник М. и майор Клейтон в Дамаске оба уверены, что вывод наших войск из Арабской провинции, по поводу которого лорд Алленби сказал мне, что он не намеревается посылать французские войска, рано или поздно приведет к резне христиан. Полковник М. думает, что когда французы возьмут на себя власть в прибрежной зоне, акты насилия с их стороны в отношении арабов – а он уверен, что это произойдет, – приведут арабов в ярость и вызовут резню в Арабской провинции. Следует отметить, что он настроен гораздо более пессимистично, чем Лорд Алленби, и, кроме того, он по-прежнему убежден, что французы не смогут осуществить свои намерения и, я думаю, что в крайнем случае мы должны будем давить на французов. Далее мы обсудили обмен разведывательной информацией. Сейчас очевидно, почему арабское Бюро не смогло выполнять те функции, которые мы от нее требовали. Будучи под Верховным комиссаром, оно не имеет ничего общего с войсками Алленби, и Палестина и Сирия полностью выпадают из сферы его действий. Ни одно из тех сообщений, что мы посылали в бюро, не было передано Алленби. Полковник М. сказал, что более свободный обмен телеграммами между ним и полковником Уилсоном оставлял желать лучшего. Я предположила, чтобы мы оба хотели гораздо больше, чем это. Если даже наша информация не имела ценности для него и для четырех отделов, подчинявшихся ему – Палестинского, Дамаскского, Бейрутского и Киликийского – наши политические новости беспокоят его, и с нашей стороны административные и политические детали только приветствовались бы. На вопрос, почему бы ему не назначить офицера для сбора и продвижения этой информации, он ответил, что гораздо большее значение имело бы для него, если бы полковник Уилсон назначил офицера здесь для поездок в Палестину и Сирию и присылки оттуда именно того, что нам требовалось. Но он был явно поражен, когда я сказала, что из-за отсутствия подходящих людей этим офицером могу стать я. Он по-прежнему утверждал, что никакая другая схема не будет отвечать его взглядам и добавил, что он сам не может выделить

офицера для этого дела. Тогда я спросила, отправляет ли его бюро ему административные отчеты и если да, то может ли мы с ними познакомиться. Он сказал, что ничего не имеет против этого, но многое из них будет для нас китайской грамотой. Я сказал, что мы все же хотели бы иметь их и извлечь из них все, что возможно. Ничего не было напечатано, так что мы не могли иметь старые отчеты. Он добавил, что существует периодическое издание, политический доклад, который, он полагает, будет представлять ценность для нас, и он пошлет его нам. Он бы хотел в будущем иметь копии наших ключевых документов, но было бы лучше не посылать документы по чисто административным вопросам, такие как ежемесячный список назначений, которые ему неинтересны. Если мы будем посылать ему все, что мы выпускаем, он будет завален документами и, вероятно, не обратит внимание ни на один из них».

1 октября 1919 года Гертруда встретилась с капитаном Гарландом из Арабского бюро и договорилась, что он будет передавать ей разведывательную информацию от Клейтона. К тому времени Арабский бюллетень уже закрылся, но его планировали возобновить под другим названием. Гертруда записала в дневнике по этому поводу: «В таком виде он больше не будет направляться нашими французскими и итальянскими коллегами и, следовательно, будет гораздо более откровенным и будет содержать новости, которые прежде невозможно было публиковать в нем. Капитан Гарланд кажется способным и безусловно приятным человеком. У него в помощниках один офицер и имеется достаточный штат машинисток, солидное собрание из архивов и женщина-библиотекарь. Я вернулась в Каир во второй половине дня».

В начале октября 1919 года Гертруда отправилась в Иерусалим, а оттуда в Дамаск.

На Парижской конференции Англия получила мандат Лиги Наций на Палестину и на вновь созданное государство Ирак с включением в него Багдадского, Бассорского и Мосульского вилайетов. Из Палестины была выделена населенная арабами Трансиордания, занявшая три четверти подмандатной территории Палестина. В собственно же Палестине наряду с местным арабским населением создавался еврейский национальный очаг. Франция же получила мандат на Сирию и Ливан.

Как писал в 1928 году советский военный историк-востоковед Николай Георгиевич Корсун, «значение Ирака для Англии обусловливается его чрезвычайно важным географическим и стратегическим положением, близостью к Индии и, наконец,

открывающимися экономическими и политическими перспективами. Ирак – звено величайшей цепи, протягивающейся от Капштадта до Сингапура».

По мнению современного российского военного историка Александра Маначинского, «для арабов характерны честность, порядочность и преданность в отношении тех, кому они симпатизируют, а также в отношении тех, от кого они находятся в определенной зависимости. Важно лишь, чтобы эта зависимость не унижала. Арабы нетерпимы к любой форме принуждения, хотя стремятся скрыть внешние проявления этого чувства, нетерпимы к тем, кто нарушает справедливость. Нравственный кодекс арабов вырабатывался на протяжении тысячи лет. В его основе были личная свобода и племенной гуманизм. Испокон веков идеалами для арабов были благородство, бесстрашие в бою, непреклонность в выполнении долга кровной мести, верность слову, щедрость, великодушие и почтительность к старшим. Кочевая жизнь приучила этих людей невозмутимо сносить удары судьбы, не заискивать перед сильными и защищать слабых. Забота о своей чести и чести своего племени – важнейший долг. Ради чести своего племени араб должен идти на любой подвиг, любое самопожертвование. В соответствии с этим, и в исламе всегда ценились реальные добродетельные качества. Взаимопомощь, гостеприимство, благородство, верность обязательствам, данным членам мусульманского сообщества, сдержанность в желаниях, воздержанность – эти добродетели, являя собой образец для подражания верующему, доселе отличают мусульман».

Таким образом, арабы считают необходимым быть честными и порядочными лишь с теми людьми, от которых они находятся в определенной зависимости или которые вызывают у них симпатию. Гертруда, равно как и Лоуренс, пользовались у них уважением и симпатией, поэтому в подавляющем большинстве случаев арабы их не обманывали.

Тем временем в 1919 году с целью добиться независимости Ирака была создана офицерская организация «Аль-Ахд-аль-Ирак» («Иракский завет»), преемница организации «Аль-Ахд». Во главе ее стояли будущий король Ирака Фейсал аль-Хашими и Нури-аль-Саид, один из руководителей армии Фейсала и будущий премьер-министр Ирака, которого считали «серым королем» хашимитской династии. По мнению Лиддел Гарта, высказанному в 1936 году, Нури Саид «доказал, что его способности политика являлись столь же выдающимися, как и его военные таланты». Эта оценка, зная последующую историю Ирака, выглядит сильно преувеличенной, по крайней мере, насчет политических талантов иракского премьера. Своей жестокостью и казнокрадством он

снискал ненависть среди самых разных слоев иракского населения, поэтому его убийство в ходе революции 1958 года было встречено народом с энтузиазмом.

В организацию вошли офицеры из наиболее знатных семей Ирака. Это была организация элиты, а не масс, собиравшаяся договариваться с Англией и другими державами-победительницами о том, чтобы сделать Фейсала королем Ирака. Тогда же было образовано общество «Харас аль-Истикляль» («Страж независимости»), более массовая организация, в которую вошли представители всех слоев населения Ирака. Главным лозунгом этого общества, возглавлявшегося багдадским купцом Джафаром Абу-т-Тиманом и шиитским богословом Мухаммедом ас-Садром, стал «Свобода не даруется, свобода завоевывается». Члены общества выступали против британского присутствия в стране. «Харас-аль-Истикляль» объединило шиитских богословов-муджтахидов, возмущенных уничтожением автономии священных городов Кербелы и Неджефа, шейхи племен, раздраженные вмешательством англичан в жизнь племен, иракская буржуазия, а также шедшие за ними крестьяне, ремесленники, кочевники.

В результате Первой мировой войны в Ираке начался голод, а также эпидемии холеры, чумы и тифа, от которых погибли десятки тысяч жителей страны.

В марте 1920 года арабский конгресс, собравшийся в Дамаске, объявил Фейсала королем Сирии, а его брата Абдуллу – королем Ирака. Фактически это означало господство в арабском мире вождей, тесно связанных с Англией, чего Франция не могла допустить. Лорд Керзон вынужден был принять призыв французов к совместному действиям и отправил в Дамаск телеграмму, резко порицая решение конгресса и приглашая Фейсала присутствовать на франко-британских переговорах. В ходе этих переговоров мандат на Сирию был передан Франции, а Палестина, Месопотамия и Мосул оказались под британским мандатом. Теперь французы не собирались соблюдать соглашение, достигнутое Фейсалом с Клемансо. 25 июля 1920 года французские войска заняли Дамаск. Фейсал вынужден был бежать в Палестину, откуда перебрался в Лондон. Французы же в результате получили в Сирии и Ливане (последний был создан французской администрацией 1 сентября) еще большую нестабильность, чем англичане в Ираке.

В 1920 году Гертруду Белл, удостоенную ордена Британской империи, назначили Восточным секретарем Высшей Британской комиссии в Междуречье при давнем знакомом Перси Коксе, а также агентом связи между Верховным комиссариатом

и королем. Настал ее звездный час. Ее деятельности была специально отмечена британским парламентом.

Прибыв туда, она 14 марта 1920 года писала в одном из писем: «Это проблема – войти в контакт с шиитами, не племенными жителями страны; мы находимся в близких отношениях со всеми ними, но мрачные набожные обитатели святых городов и особенно религиозные авторитеты, Муджтахиды, которые могут карать и миловать своей властью, которая зиждется на интимном знакомстве с накопленными знаниями, не имеющими никакого отношения к человеческим делам и бесполезным в любой сфере человеческой деятельности. Там они сидят в атмосфере, от которой разит древностью и настолько густой пылью веков, что вы не можете ничего видеть сквозь нее – они и не видят. И по большей части они очень враждебны по отношению к нам, и мы с этим чувством ничего не можем поделать… Есть группа эти достойных людей в Кадхимейне, святом городе в восьми километрах от Багдада, панисламистских, антибританских ‹…› Основной среди них являются семья по имени Садр, возможно, наиболее выдающаяся по части религиозного обучения по сравнению с любой другой семьей в целом шиитском мире. Я сходила вчера навестить их в сопровождении одного продвинутого шиита из Багдада, которого я хорошо знала».

Гертруда явно не любила шиитов, прежде всего за то, что в их жизни ислам играл значительно большую роль, чем в жизни суннитских кочевых арабских племен, с которыми она прежде всего и была знакома по опыту своих экспедиций. Шииты в Ираке были людьми оседлыми, в значительной мере – жителями городов, в том числе священных, где находились шиитские святыни. Среди бедуинов, с которыми прежде всего общалась Гертруда, исламская религия вообще играла подчиненную роль по сравнению с властью шейхов и племенными традициями. Гертруда была рациональным человеком Запада, не принимавшим религиозный фанатизм, особенно шиитский. С ее точки зрения, религия вообще была бесполезна в человеческих делах. Такое суждение заставляет подозревать в ней атеиста или агностика. И негативное мнение Гертруды о шиитах сказалось на конструировании ей современного Иракского государства. Туда были включены земли, населенные преимущественно шиитами, которые составили абсолютное большинство населения Ирака, около 60 процентов. Однако вся власть в стране была передана арабам-суннитам, составлявшим лишь 20 процентов населения. Это было связано с тем, что именно суннитские племена играли основную роль

в поддержанном англичанами антитурецком восстании, и именно с суннитской элитой поддерживали отношения британские агенты. Турки же в борьбе с арабским восстанием в значительной мере опирались на шиитские племена. По мнению Гертруды, сунниты Ирака были более цивилизованными и восприимчивыми к западному влиянию, чем шииты, которые, как она считала, все еще жили в условиях Средневековья.

Кроме того, иракское национальное движение антибританской направленности Гертруда Белл связывала прежде всего с шиитами. 14 июня 1920 года она с тревогой писала в Лондон: «Мы провели бурную неделю. Националистическая пропаганда растет. Идут постоянные встречи в мечетях, где градус жаркой дискуссии зашкаливает до 50 градусов. Я прилагаю набросок проекта создания умеренной партии. Экстремисты выступают за независимость, без мандата. По крайней мере, они так говорят, прекрасно зная в душе, что они не смогли бы достичь ее. Они играют для всех, они опираются на страсти толпы и рисуют прекрасную картинку единства ислама и прав арабской расы. Они создали царство террора; если кто-нибудь скажет слово против на базаре, ему тотчас заткнут рот, подобно тому, как закрывают створки устрицы. Никаких дел практически не было сделано за последние две недели. Они ежедневно рассылают подметные письма племенам, призывая их сбросить иго неверных. Племена не ответили, ограничившись пустыми разговорами. Я лично не думаю, что будет восстание здесь или в провинциях, но ситуация критическая, и я делаю все, чтобы избежать обострения».

Дипломатия Гертруды и присутствие английских войск не охладили страсти. Наша героиня оказалась плохим пророком. Восстание против англичан все-таки разразилось. Неделю спустя, 21 июня 1920 года, Гертруда сообщала: «Вторая история была ‹…› по поводу хваленого и полностью иллюзорного союза между суннитами шиитами, который является особенностью Рамадана. «Я заявил на собрании», – рассказал Мустафа Паша, – «что, если Пророк, которому Аллах дал спасение, и халифы Умар и Абу Бакр и остальные (имеются в виду первые праведные халифы, которых только и признают шииты. – Б. С.) были бы сейчас здесь, они могли бы быть на стороне англичан. «Как это?» – осведомились собравшиеся. «Потому что англичане объединили Ислам». «У тебя нет религии» – закричали они. Хотя это звучит комплиментом для нас и насмешкой для них, я не знаю, получим ли мы пользу для этого». И союз шиитов и суннитов, несмотря на скептическое отношение к нему Гертруды, во время восстания все же состоялся.

Еще в мае-июне 1919 года британским войскам пришлось подавлять курдское восстание во главе с шейхом Махмудом. В первой половине 1920 года племена бедуинов изгнали англичан с территории между Тигром и Евфратом севернее Багдада. Сунниты и шииты прекратили враждовать между собой и восстали против нового врага – Британской империи, которое не выполнило данное в период Первой мировой войны обещание о предоставлении арабам собственной государственности. Вожди «Иракского завета» на созванном в сирийском городе Халебе Иракском конгрессе провозгласили 8 марта 1920 года независимость Ирака.

В начале лета 1920 года в Багдаде и других городах Ирака прошли массовые демонстрации с требованиями независимости. Тогда же члены общества «Страж независимости», шиитские муджтахиды и шейхи племен Центрального Ирака начали подготовку к вооруженному восстанию против британского присутствия. Поводом к Иракскому восстанию послужил арест английским офицером шейха Шалана Абу аль-Джуна в июне 1920 года. Отряд его соплеменников 30 июня ворвался в Румайту и освободил арестованного, перебив охрану. В течение июля повстанцы нанесли ряд серьезных поражений англо-индийским войскам. К концу августа они освободили около половины территории Ирака, кроме английских опорных пунктов и долины Тигра между Басрой и Багдадом.

В прокламация к иракским повстанцам, написанной поэтом Мухаммадом Бакиром аш-Шабиби 30 июля 1920 года, говорилось: «Родина, которая призвала каждого из вас защищать ее, обязывает вас также соблюдать следующее: 1. Каждый вождь племени должен разъяснять всем его членам, что цель этого возрождения – завоевание полной независимости. 2. Каждый, кто выступил на поле битвы, должен бороться за независимость. 3. Должны охраняться в безопасности дороги и сообщение между повстанческими областями страны. 4. Необходимо поддерживать порядок, препятствовать набегам; никаких грабежей и краж, никаких раздоров и ненависти между собой. 5. Не щадить сил для сохранения боеприпасов, нельзя стрелять без пользы. 6. Сохранять от порчи средства телеграфной и телефонной связи и телеграфные столбы, так как они принесут огромную пользу нации. Необходимо также перерезать телеграфные провода, по которым ведут переговоры оккупационные власти. 7. Необходимо разрушать железные дороги и особенно мосты, по которым проходят поезда. 8. Необходимо сохранять те транспортные средства – вагоны, автомобили и суда, – которые попадут в ваши руки. 9. Необходимо сохранять пушки

и пулеметы, нельзя разбивать их или их части и разбирать их, так как они являются важнейшими средствами победы. 10. Необходимо сохранять использованные патроны, а также свинец, снаряды, гранаты и прочие виды боеприпасов. 11. Если вы заняли город или деревню, то не оставляйте их без власти, но организуйте временные органы управления. 12. Не разрушайте правительственных зданий, кроме тех случаев, когда они являются укреплениями, не ломайте их обстановку, так как все это потребуется вам в дальнейшем. 13. Проявляйте мягкость к вашим раненым врагам, пострадавшим в бою». Последний пункт, надо признать, соблюдался далеко не всегда.

Для подавления восстания в середине августа 1920 года англичане собрали 150 тысяч солдат и к середине ноября разгромили основные силы повстанцев. Во время боевых действий англичане потеряли 887 солдат и офицеров убитыми и 1128 ранеными, а арабы и курды только убитыми 8500.

Откладывать с государственным обустройством Ирака больше было нельзя. Хотя восстание удалось подавить, карательная экспедиция обошлась британским властям в 40 миллионов фунтов стерлингов, что вдвое превысило запланированный для Месопотамии годовой бюджет. В следующем году бюджет составил 20 миллионов фунтов стерлингов. По оценке Лоуренса, вся помощь арабскому восстанию против турок обошлась всего в 10 миллионов фунтов стерлингов, то есть в шесть раз меньше. Арабов дешевле было поднять на восстание, чем умиротворить. Таких трат разоренная только что окончившейся Первой мировой войной британская казна позволить себе больше не могла.

В 1921 году в Каире состоялась конференция по вопросам будущего Ирака. Министр по делам колоний Уинстон Черчилль пригласил на нее 40 самых крупных экспертов по Ближнему Востоку, военных и дипломатов, и среди них лишь одну женщину – Гертруду Белл. Проведение конференции было вызвано тем, что в Ираке были остры противоречия между арабами-шиитами и арабами-суннитами, а также между арабским и курдским населением. Поэтому было необходимо такое политическое обустройство территории, которое устроило бы все враждующие стороны.

Интересно, что своим назначением министром колоний Черчилль в какой-то мере был обязан полковнику Лоуренсу. В конце 1920 года тот встретился с премьером Дэвидом Ллойд Джорджем, и они обсудили напряженное положение, складывающееся на Ближнем Востоке и особенно в Ираке. Лоуренс обратил внимание премьера, что за создавшуюся

напряженность ответственность в значительной мере несет глава Форин-офиса лорд Джордж Керзон. Поэтому Лоуренс предложил изъять Ближний Восток из сферы компетенции Форин Офиса. По словам Лиддел Гарта, «эта возможность была учтена Ллойд-Джорджем и вскоре принесла свои плоды. Министерство по делам колоний оказалось подходящим учреждением, которое смогло принять на себя контроль за Средним Востоком при условии возглавления его соответствующим лицом – человеком, который расценивался больше, чем министерство.

Министерство по делам колоний с расширением его ответственности было предложено Уинстону Черчиллю. Лоуренс, который жаждал видеть его во главе министерства по делам колоний, откровенно предупредил его, что успех будет зависеть от готовности принять на себя известный риск, в частности, посадить арабского короля в Месопотамии и эвакуировать британские войска, передав оборону ее авиации как менее назойливому и более экономному типу иностранного гарнизона, чем армия. При подобных условиях Черчилль, по мнению Лоуренса, мог рассчитывать на успех, который не только облегчил бы положение Англии и обеспечил бы ей будущее, но и усилил бы перспективы Черчилля на получение им поста канцлера казначейства: цель его честолюбивых мечтаний – возможность носить одеяние его отца.

История показала, что Черчилль принял министерство и достиг обеих целей. Старое деление ответственности между министерством иностранных дел, министерством по делам Индии и военным министерством было заменено единым руководством делами Среднего Востока, которое сосредоточилась в новом управлении по делам Среднего Востока в министерстве по делам колоний. Здесь Лоуренс сплотил вокруг себя отборную группу помощников. К числу последних относились два выдающихся участника кампании Алленби-Майнертцхаген и Юнг. Лоуренс был назначен политическим советником.

На период Каирской конференции Гертруда также стала одним из экспертов, к чьему мнению прислушивался Черчилль. В начале 1921 года управление подмандатными территориями на Ближнем Востоке было передано в министерство по делам колоний, и его глава хотел глубже понять сложившуюся непростую ситуацию в регионе. Сначала он планировал лично посетить Месопотамию, чтобы встретиться с П. Коксом и обсудить идею создания иракской монархии, а также график вывода британских войск и порядка обеспечения контроля над ситуацией в стране посредством оставления в Ираке британских авиационных баз. Расчет был на то, что при очередном восстании

на эти базы удастся перебросить сухопутные войска, как это и произошло в 1941 году. Однако вскоре Черчилль осознал необходимость обсудить проблему со всеми высокопоставленными британскими чиновниками на Ближнем Востоке. И более подходящим местом для такой конференции был не только недавно умиротворенный Багдад, а куда более спокойный Каир. 1 февраля Персиваль Кокс обратился к министру по делам колоний с просьбой разрешить присутствовать при обсуждении проблем, связанных с Ираком, представителям иракского правительства. В результате после консультаций с руководством Форин Офиса Черчилль принял решение созвать в Каире специальную конференцию по проблемам Ближнего Востока. В феврале в министерстве было создано управление по делам Ближнего Востока, которое и подготовило Каирскую конференцию. В ее подготовке участвовал Политический комитет, возглавляемый Черчиллем, и Военный комитет во главе с командующим британскими войсками в Палестине и Египте генералом Уолтером Конгривом. В рамках этих комитетов и проходила работа Каирской конференции.

Она проходила с 12 по 24 марта 1921 года и стала одной из самых представительных в истории Британской империи. В ней приняли участие верховные комиссары Ирака и Палестины – П. Кокс и Х. Самуэль, резиденты Великобритании в Адене и Персидском заливе, губернатор Сомали, командующий британскими войсками в регионе и четыре десятка самых известных специалистов по Ближнему Востоку, среди которых была и Гертруда Белл.

12 марта, в день открытия конференции, Гертруда писала из Каира родителям:

«Мы прибыли вчера. Я получил телеграмму отца в Адене. Сообщение, что он едет, и это действительно здорово для него, и я не могу вам передать, насколько я этому рада. Я только надеюсь теперь, что конференция не затянется, чтобы мы могли больше времени провести вместе. Я сняла ему комнату в нашем отеле – Семирамис. Т. Е. Лоренс и другие встретили нас на станции – я была рада видеть его! Мы удалились сразу в мою спальню и имели часовой разговор, после которого у меня был длинный разговор с Клементиной, в то время как сэр П. беседовал в туалете с мистером Черчиллем (вероятно, собеседники опасались подслушивания. – *Б. С.)*. Последнего я еще не видела, так как он ужинал. Я же ужинала с генералом Клейтоном, и у нас был хороший разговор с забавным

последствиями вечером. Сэр Джон Максвелл здесь как турист и представился ко мне. И А. Т. (Вильсон) – здесь не на Конференции, но как управляющий директор Anglo Persian Oil Co. У нас была сердечная встреча, но не было разговора, и я не особо хотела с ним разговаривать (с Вильсоном Гертруда расходилась в определении принципов британской политики в Ираке, в отличие от него, выступая за непрямое правление и большую роль в управлении местных сил. – Б. С.). Все сирийцы, высланные французами – здесь, и их руководитель, мой старый друг доктор Абдул Рахман Шахбандар навестил меня перед обедом. Сэр Джеффри Арчер (Сомалилэнд) женился на дочери Чарльза Годмена и претендует на родство со мной. Хороший человек с двумя очаровательными львятами, которых он берет в зоопарке. Теперь я должна идти на наше первое общее собрание. До свидания, моя самая дорогая. Я думаю, что Конференция будет удачной – это очень интересно.

Твоя нежно любящая дочь Гертруда».

Однако встретиться с отцом до окончания конференции Гертруда так и не смогла.

Она писала отцу:

«Дорогой. Я хотела приехать в Порт-Саид, чтобы встретить тебя, но завтра будут довольно важные заседания Комитетов, и я думаю, что должна остаться. У нас с тобой еще будет достаточно времени, однако, поскольку мы, как я думаю, наверняка останемся здесь до 26-го. Как здорово, что ты приехал. Много твоих друзей здесь, сэр Джон Максвелл, некий Портер США и др.

Твоя самая преданная дочь Гертруда».

По окончании конференции 25 марта Гертруда писала матери из Каира:

«Дорогая мама!

Я должна послать тебе весточку перед отъездом, чтобы сказать тебе, как чудесно, восхитительно встретить отца здесь. Я ужасно тосковала, не имея возможности видеть кого-либо из членов моей семьи, и папа нашел замечательный способ объединить деловые и семейные интересы, чтобы они дополняли друг друга. Я так его люблю, что словами не выразить. Я чувствую такую гордость за него и так предана ему. Конечно, в мире нет никого, похожего на него.

Было очень грустно расстаться с ним, и я чувствую все еще ужасную пустоту. Но я действительно рада собираться

возвратиться к Багдаду к этой замечательной задаче, стоящей перед нами и как только я сделаю прогресс в ее решении, я буду чувствовать себя удовлетворенной.

Дорогая любимая мамочка, я напишу более обстоятельно на пароходе – это только набросок, чтобы послать тебе мою любовь и сказать тебе, насколько счастливой я была.

Твоя дочь Гертруда».

И в тот же вечер она отправила еще одно письмо, теперь – из Суэца. Оно было адресовано ее другу полковнику Фрэнку Бальфуру:

«Мой любимый Франк!

Я пишу в поезде – прости за нетвердую руку – на обратном пути в Багдад, и я отправлю мое письмо еще до отъезда. Именно ответом на твои письма я занималась в Каире, и это еще раз наполнило меня грустью, что ты не возвращаешься к нам. Я очень рада новостям, которые ты сообщаешь о Филлис – может, все хорошо будет у нее и у тебя. Но это – тревожное время ожидания тебя и трудное время для нее, когда тебя нет с нею.

Хорошо, теперь я расскажу тебе о нашей Конференции. Я приехала сюда очень неохотно, а теперь я так рада, что приехала. Это было замечательно. За две недели мы проделали больше работы, чем когда-либо прежде нам удавалось сделать за год. Мистер Черчилль был замечательным, сам готов помочь каждому на полпути и мастерски руководит как большим собранием, так и маленькими политическими комитетами, на которые мы разбились. Не менее благоприятным обстоятельством было то, что сэр Перси и я, выпуская определенную программу, выяснили, когда вскрыли свои пакеты, что это точно совпало с тем, что министр привез с собой. Принятая генеральная линия, я убеждена, является единственно правильной, это единственная линия, которая дает реальную надежду на успех. Мы теперь возвращаемся, чтобы найти Багдад, как я ожидаю, в крайней степени возбуждения, чтобы улаживать вопрос с Накибом и убеждать Саида Талиба, если его в чем-то можно убедить, что его надеждам не суждено сбыться, и это разочарование, которое будет замкнуто в себе. Но я определенно считаю, что нам удастся развернуть поток националистического общественного мнения в нашу пользу, и я не сомневаюсь в успехе.

Мой отец приехал, чтобы присоединиться ко мне – мы провели замечательную неделю вместе. Он был необычайно хорошо и выглядел на год моложе, а не на год старше. Я не увижу его снова в течение года, увы, поскольку я не могу покинуть Багдад этим летом, кроме, возможно, поездки в Керманшах

в течение шести недель жарчайшей погоды. Когда мы поставим нашего эмира, он будет нуждаться в большой помощи и руководстве, и это больше, чем я могла выдержать, чтобы не быть там, чтобы не оказать ту помощь, которую я могу. О, Фрэнк, это становится интересным! Если нам удастся сделать это, то мы сделаем доброе дело для всего мира, поскольку это будет началом весьма нового явления, которое будет служить в качестве примера – будем надеяться, что не в качестве предупреждения.

Я не могу написать больше – поезд трясет слишком сильно – это только послание любви к тебе и к твоим, чтобы сказать тебе, насколько я тоскую без тебя и как жаль, что ты не с нами.

Твоя всегда любящая Гертруда».

Чувствуется, что к Фрэнку Бальфуру она была всегда неравнодушна, несмотря на его женитьбу.

29 марта Гертруда писала отцу с борта парохода «Хардинг»:

«Дорогой папа!

Я каждый день думала о том, что ты должен делать, и сегодня я считаю, что ты взялся за Китай. Я давно слышала о твоих иерусалимских приключениях и, о дорогой, я так жалела, что не могла быть с тобой! Но это неважно, в следующем году, иншалла (как пожелает Аллах – араб.), когда я поеду домой в отпуск, мы встретимся в Палестине и отправимся до Дамаска вместе, если французы потерпят мое присутствие. Может быть, мы перейдем Иордан и остановимся у эмира Абдуллы, который стал еще прекраснее. Кроме того, мы бы убедились, что наш приезд приветствуется. Я хотела бы показать тебе прекрасную страну к востоку от Иордана. Не правда ли, очаровательный схема?

Мы достигнем Адена завтра на заре, и я телеграфировала Генералу Скотту – который ехал вместе с вице-королем – адресуя ему просьбу доставить меня к конечному пункту железной дороги. Я надеюсь, что он сможет сделать это. Это приблизительно 30 миль внутри страны. Я не предполагаю, что тебе вообще будет тепло на Средиземноморье – даже у нас не было жаркой погоды, хотя мы в хаки и хлопковом платье. Сегодня господствующий ветер принес немного моря, что было достаточно для того, чтобы сделать бедную леди Кокс достаточно несчастной, хотя наше судно замечательно устойчиво. Каждый находится в намного более веселом настроении, чем во время заграничной поездки – даже сэр Эйлмер весьма приветлив. Единственная вещь, которая тревожит меня, между нами, это то,

что мой шеф и генерал Айронсайд (Эдмунд Айронсайд, командующий Северо-персидскими войсками в составе британских Месопотамских экспедиционных сил, будущий фельдмаршал и начальник Имперского Генштаба. – Б. С.), не кажутся очень близкими друг другу. Теперь Генерал Айронсанд является существенным фактором для жизненно важной части нашей программы, а именно для выполнения нашего обещания захватить в течение двух месяцев заставы на холмах к северу и северо-востоку от Мосула – с курдскими новобранцами, которых пока нет и которых должен сформировать генерал Айронсайд. Если бы это был не он, то я бы должна была сказать, что задача невыполнима, но чтобы сделать это даже ему нужно дать свободу рук, а это то, что сэр Перси не собирается делать. Он – трудный человек для дискуссий, мой шеф. Он не терпит оппозицию, если только она не скрыта очень умело, и он любит направлять ход вещей, о которых он ничего не знает, точно также как ход вещей, которые он знает. Я ожидаю, что будут некоторые довольно жесткие стычки между этими двумя, но я надеюсь, что ради пользы дела генерал Айронсайд получит зеленый свет. Если он говорит со мной о вещах, которые он сделал вчера, я могу немного сгладить разногласия, но он тот человек, который будет говорить до тех пор, пока чувствует желание делать это, и я нисколько не была удивлена, когда он раскрылся. Хорошо, пусть так! Сэр Перси должен будет уступить, но я боюсь, что он будет юлить перед этим, а это не та позиция, в которой он или любой другой проявляет себя лучшим образом.

На борту мы встретили сестру Джафара, жену Нури Саида, очень восхитительную, очаровательную женщину. Она и ее свояченица, вдова, которая путешествует вместе с нею, сначала рассчитали стоимость путешествия, уединившись в их кают по просьбе Джафара. Но от рукоделия я подняла их на палубу, и они теперь сидят весьма счастливо в углу палубы, с открытыми лицами, и наслаждаются от всего сердца. У обоих по маленькому сыну, которые путешествуют вместе с ними, очень хорошие дети. Мадам Нури – много путешествующая леди. Она была в Лондоне и Париже с Нури-пашой. И очень способный маленький мальчик шести месяцев учился в школе в Париже и достаточно бегло говорит по-французски, а также немного говорит по-английски после трехмесячного обучения в Египте. Вместе с нами возвращаются домой несколько других багдадцев – Фахми Эффенди Мадаррис Задак, который был профессором арабской литературы в Париже, мне он особенно нравится, и знаменитый багдадский поэт Маруф Эффенди. Также очарователен сирийский христианин, доктор Малуф Эффенди, который девять лет

прослужил армейским врачом в Судане. Джафар попросил его стать своим личным врачом в Месопотамии. Я очень рада, что мы его заполучили, и чувствую, что от него многое можно будет ожидать. Он – чрезвычайно разумный человек. Я хочу оставаться в контакте с ним. Несомненно, у нас будет беспокойное, но мучительно интересное время. Сэр Эдгар телеграфирует, что когда Саид Талиб вернулся в Багдад из поездки в провинции, для который он выбрал момент, когда возвращение сэра Перси было отложено, один из бывших офицеров шарифа, в последнее время вернувшихся из Сирии, пришел, чтобы поздравить его с его достижениями, после чего все другие бывшие офицеры шарифа заперли их коллегу в Министерстве обороны и крепко поколотили его. Страсти, кажется, уже перехлестывают через край.

Пятно в верхней части первой страницы вызвано опрокинувшейся цветочной вазой, вода из которой залила бумагу. Осколки мне уже убрали.

Я ожидаю, что напишу тебе ужасно длинные письма из Багдада – я не уверена, что не буду продолжать вести ежедневный дневник как отчет о чрезвычайно интересных событий, которые нам предстоят, и посылать это тебе еженедельно. Ты не возражал бы против этого? Я пошлю тебе весточку из Маската, которая, вероятно, придет быстрее, чем почта из Басры. Мы надеемся подняться по железной дороге к Багдаду, но мы не вполне уверены, что линия готова.

Ох, папа, как я хотела бы, чтобы ты приехал, как в тот раз в прошлом году. Я ждала тебя в Басре. Какое замечательное время мы провели вместе! Однако нет никакой причины, почему мы не могли бы повторить это однажды, тем более, что ты каждый год молодеешь на год, насколько я могу судить. Тебе надо будет нанести государственный визит Фейсалу, когда мы законно возведем его на трон.

До свидания, мой самый дорогой, мне надо написать еще несколько писем. Я действительно очень люблю встречаться, и просто здорово, что ты интересуешься моей страной и ее судьбой.

Твоя всегда очень любящая дочь Гертруда.

Я послала тебе письмо с майором Янгом – получил ли ты его?»

На первом же заседании Политического комитета конференции Кокс предложил рассмотреть альтернативные кандидатуры на роль короля Ирака, в числе которых им были названы накиб (староста – Б. С.) Багдада Абд ар-Рахман аль-

Гайлани, министр внутренних дел в иракском правительстве Сейд Талиб, правитель Джебель – Шаммара Ибн Рашид, турецкий принц Бурхан ад-Дин, духовный лидер исмаилитов Ага-Хан, а также шейх Мухаммары и Абд аль-Азиз ибн Сауд. Все эти кандидатуры были сочтены не подходящими, да и Кокс предлагал их лишь для того, чтобы создать видимость дискуссии. На самом деле британский представитель в Ираке с самого начала имел только одну реальную кандидатуру на будущий иракский трон, подсказанную ему Лоуренсом и Гертрудой. Названные альтернативные кандидаты должны были лишь оттенить достоинства единственного реального. Кокс был глубоко убежден, что единственным приемлемым кандидатом с учетом настроений большей части населения Ирака было приглашение на трон представителя династии хашимитов. Среди сыновей Хусейна предпочтение вполне естественно было отдано Фейсалу, имевшему опыт совместного ведения военных действий и сотрудничества с англичанами, особенно с тем же Лоуренсом. Фейсал имел репутацию, вероятно, преувеличенную, энергичного правителя, который бы смог разрешить сложившуюся в Ираке ситуацию. По итогам заседания участники конференции утвердили предложение Кокса выдвинуть кандидатуру Фейсала в качестве будущего иракского монарха.

Кокс предложил план действий, призванный повысить авторитет будущего короля и подготовить легитимную базу для его избрания. Планировалось организовать визит Фейсала в Ирак в мае 1921 года, во время главного мусульманского праздника Рамадана. Он должен был встретиться с представителями наиболее влиятельных кланов Багдада и Басры. Администрация верховного комиссара, и, в первую очередь, Гертруда Белл, должны были организовать ряд мероприятий, которые обеспечили бы успех процедуры утверждения Фейсала в качестве иракского монарха, которая должна была выглядеть, как добровольный выбор всех иракцев, в одночасье полюбивших нового короля, который прежде никогда не был в Ираке. В этой связи Кокс предложил созвать специальную Ассамблею из представителей влиятельных кланов и племенной знати, от имени которых и должен был быть приглашен на иракский престол Фейсал. Это была идея Гертруды Белл. Черчилль, однако, отклонил данное предложение, сочтя созыв иракского представительного органа преждевременным и сильно сомневаясь в его благонадежности. Будущий британский премьер опасался, что при создании реального, а не фактически назначенного новым королем парламента, Фейсал легко может превратиться в номинального правителя, зависящего в большей

мере от местных кланов, а не от британской короны. Конституционная монархия виделась Черчиллю скорее как ширма для британского господства, чем реальный инструмент управления Ираком.

В Каирской конференции принял участие сам Уинстон Черчилль и его специальный советник Томас Эдвард Лоуренс. Между прочим, Черчилль назначил ему годовое содержание в сумме 1600 фунтов стерлингов, хотя тот просил лишь 1000 фунтов. Гертруда Белл прибыла в Каир, одетая по тогдашней моде: в меховой накидке и шляпе с широкими полями. Участники конференции посетили также долину Пирамид и сфотографировались у Сфинкса. Участникам конференции она запомнилась как миловидная женщина в клетчатом платье и широкополой шляпе. Гертруда Белл обладала бесценными знаниями арабского мира и стала одним из самых компетентных участников конференции. Отважная искательница приключений наряду с Лоуренсом Аравийским только и могла разобраться в сложнейших хитросплетениях арабской племенной политики, которую абсолютное большинство британских чиновников просто не понимало. Кроме того, именно она составила географические карты региона и имела реальное представление о его географии, населении и экономике. Лоуренс и Белл добивались создания государств Трансиордания и Ирак, во главе которых намеревались поставить соответственно короля Абдаллах и король Фейсал, сыновей предводителя антитурецкого восстания Хуссейна бин Али, великого шарифа Мекки, ставшего королем Хеджаза.

В ходе последнего заседания, состоявшегося 15 марта, большинство членов Политического комитета Каирской конференции поддержало предложение Х. Янга сохранить в течение периода формирования иракских органов власти прямое управление верховного комиссара в северных районах с преимущественно курдским населением.

Предложенный Каирской конференцией план создания политической системы Ирака во главе с королем Фейсалом был одобрен Ллойд-Джорджем. В результате серии переговоров с британскими чиновниками Фейсал согласился занять будущий иракский трон.

По требованию Черчилля, стремившегося к радикальному сокращению расходов по управлению подмандатными территориями, конференцией в Каире был утвержден план поэтапного свертывания британского военного присутствия в Ираке. На первом этапе, до вступления Фейсала на престол, было предусмотрено сокращение британского контингента

в стране на одну треть – с 33 до 23 батальонов, что позволило бы уменьшить затраты казны на их содержание, в 1921–1922 финансовом году с 31 до 27,250 миллионов фунтов стерлингов. На втором этапе, после утверждения Фейсала в качестве иракского монарха, когда предполагалась некоторая разрядка напряженности в стране, предлагалось оставить в Ираке 12 англо-индийских батальонов, что позволило бы сократить расходы военного ведомства до пяти миллионов фунтов стерлингов в год. Некоторые споры вызвала проблема размещения оставшихся войск. Командующий британским контингентом генерал Холдэн предложил создать в районе Мосула, Багдада и Басры три базовых лагеря, в которых должны были разместиться по четыре батальона. Но против него возражали Кокс и Конгрива, считавшие, что тогда отдаленные провинции Ирака останутся без эффективного британского контроля и придут в состояние анархии. В результате этих споров был принят поддержанный Черчиллем проект главнокомандующего ВВС генерала Тренчарда, предлагавшего передать функции по контролю над большей частью территории Ирака после вывода сухопутных войск британской военной авиации, как и предлагал изначально Лоуренс. В решениях Каирской конференции подчеркивалась необходимость жесткой увязки планов сокращения военного присутствия Великобритании с созданием эффективной государственной системы Ирака и мирного урегулирования с Турцией проблемы Мосула.

На Каирской конференции был также рассмотрен проект создания на территории бывшего Мосульского, вилайета независимого курдского государства, связанного с Великобританией договорными обязательствами. Автор данной идеи Хуберт Янг предполагал, что независимый Курдистан станет своего рода «буфером», ограничивающим амбиции как радикально настроенных кругов в Багдаде, так и турок. Подобную позицию во многом разделял и полковник Лоуренс. Черчилль выступал за сокращение затрат на управление подмандатными территориями и также был готов поддержать проект Янга, так как, согласно предварительным расчетам, сокращение британских войск на севере Ирака позволило бы уменьшить бюджетные расходы министерства по делам колоний в 1921–1922 финансовом году на 5,5 миллионов фунтов стерлингов.

Однако категорически против создания независимого Курдистана выступил Перси Кокс. Он однозначно высказался за сохранение единого иракского государства, правда, с предоставлением курдским районам широкой автономии.

Данную точку зрения в основном поддержала и Гертруда. В результате на конференции какого-либо окончательного решения по проблеме северного Ирака принято не было.

Главной целью Каирской конференции было определить политическое устройство и географическое положение дружественного Великобритании государства, впоследствии получившего официальное название «Ирак». По-арабски это название означает «утес» или «земли, находящиеся по берегам». Оно широко употреблялось для территорий Междуречья, заселенных арабами, еще до Первой мировой войны. Ответственность за определение территориальных границ возложили на Гертруду Белл, которая учла как потребности местных племен, так и интересы британского правительства – нефтяные месторождения. После того как она завершила работу над составлением карты, члены конференции выбрали первого короля нового народа. Им 23 августа 1921 года был коронован эмир Фейсал I ибн-Хусейн. А Гертруда после этого записала в дневнике, что, хотя неделя была трудной, но «мы получили нашего короля». В течение нескольких месяцев весны-лета 1921 года удалось убедить большинство влиятельных представителей арабских элит Ирака согласиться на коронацию Фейсала, ликвидировав таким образом, возможную оппозицию будущему монарху.

Теперь она также занималась чисто женскими делами – нашла королю подходящий дворец Багдаде и обустроила его к приезду Фейсала. Она также посоветовала, в какие одежды одеться ему и его сыну для церемонии коронации, и помогла разработать план церемонии. А еще Гертруда с гордостью писала отцу 4 декабря 1921 года: «Я хорошо провела время в офисе, определяя южную границу Ирака в пустыне».

А в более раннем письме отцу, 23 августа 1923 года, она подробно описала день своего высшего торжества – день коронации Фейсала. Это был настоящий триумф мисс Белл. Она писала из Багдада:

«Дорогой папа!

После двух недель без писем на этой неделе пришли два письма – 19 и 27 июля с очень интересными счетами “Сердца Йоркшира“ (там Гертруда останавливалась во время поездки в Англию. – Б. С.). Я пишу Матери. Мои письма, кажется, ведут себя столь же курьезным образом. Да, у нас была ужасная неделя, но мы короновали нашего короля, и сэр Перси, и я сошлись во мнении, что мы теперь прошли большую половину пути. Оставшаяся половина “ Конгресс и Органический Закон. Кстати

сказать, по секрету я скажу тебе невозможную проблему, которую правительство Его Величества подкинуло нам в последний момент и возражения Фейсала и сэра Перси. Правительство Его Величества вынуждено было осадить и, я могу сказать, оказалось униженным. Это все было ошибкой и было далеко от их намерений вмешаться, и Бог благословил всех нас. После этого мы весело двинулись вперед.

В понедельник вечером я ужинала в семейном кругу с Джафаром, Нури, их женами и молодым братом Джафара Тахсином, инспектором полиции в Самарре, очень хорошим и способным молодым человеком. Это был счастливый вечер. Джафар и Нури были просто переполнены радостью, и я не меньше их. Возведение на престол происходило в шесть утра во вторник и было превосходно организовано. Возвышение высотой приблизительно два фута шесть дюймов высотой было построено в середине большого внутреннего двора Сарая; позади этого помещалась квартира, занимаемая Фейсалом, большие правительственные комнаты для приемов; впереди на блоках сидели мы, английские и арабские официальные лица, члены городского совета, духовенство, местные депутации, общим числом полторы тысячи. Мы прошли по билетам через ворота Сарая, и после того, как церемония началась, арабские полицейские не впускали никого, вследствие чего очень много магнатов, которые прогуливались неторопливой походкой и опоздали, были, к их болезненному удивлению, не допущены на церемонию. Организация была целиком доверена арабам, и это было совершенно правильно. Непосредственно перед тем, как я вышла из дома, Хаджи Наджи собирался на церемонию, и я взяла его в свой автомобиль, и мы поехали вниз все вместе. Леди Кокс, Гарбетты, леди Слейтер, я и один или два офицера из штаба британских войск были в переднем ряду англичан. Точно в шесть мы увидели Фейсала в военной форме, сэра Перси в белой дипломатической форме со всеми его лентами и звездами, сэра Эйлмера, мистера Корнволлиса и сопровождающих их адъютантов, спускающихся в Сарай по ступеням от жилья Фэйзала и проходящими вниз по длинной дорожке ковров мимо почетного караула (дорсетские стрелки, они выглядели великолепно), вплоть до возвышения. С ними был Саид Махмуд, старший сын Накиба, и Саид Хусейн Афнан, секретарь Совета министров. Все мы встали, в то время как они вошли и сели, когда они заняли свои места на возвышении. Фейсал выглядел очень достойно, но был очень взволнован – из-за волнительности момента. Он смотрел на первый ряд и поймал мой взгляд, а я послала ему маленькое приветствие. Тогда Саид Хусейн встал

и зачитал прокламацию сэра Перси, в которой он объявил, что Фейсал был избран королем 96 процентами голосов жителей Месопотамии, и да здравствует король! Во время этих слов мы встали и приветствовали его, национальный флаг взвился на флагштоке с его стороны, и оркестр заиграл «Боже, храни Короля» – они еще не имеют своего государственного гимна. Затем последовал салют из 21 орудия, во время которого Саид Махмуд, весьма некстати, читал молитву благодарения Богу и закончил принесением присяги Фейсалу от имени Совета министров. Майор Дитчберн из дикой Эн-Насирии сказала мне, что, когда пушки начали палить, один из подобных ястребу вождей Садун, который сидел рядом с ним, сказал «Хадха аль хачи!» – «вот это разговор!» Ну я предполагаю, что это – окончательный разговор повсюду. Король Фейсал I затем обратился к его людям. Мы телеграфировали текст речи домой, так что ты прочтешь его. Это не была свободная импровизированная речь – это было столь важное заявление, что он предварительно написал ее, а потом прочел вслух, обращаясь к сэру Перси, когда он дошел до той части, где говорилось о Великобритании. Это было, однако, прекрасно, очень просто и сердечно. С этим они ушли туда, откуда прибыли, а мы оставались сидеть еще некоторое время, пока сэр Перси и генерал уехали в своих автомобилях. После этого все мы начали расходиться, оживленно разговаривая и обмениваясь приветствиями, комплиментами и поздравлениями. Это была удивительная вещь: видеть весь Ирак, от севера до юга, собравшийся вместе. Это случилось в первый раз в истории. Затем я возвратилась в офис, позавтракала с Коксами и приняла массу людей, которые пришли немного поболтать, хотя и были взволнованы. Один из них, был Али Сулейман Дулейм. «Клянусь Богом! – сказал он, – что сэр Перси Кокс был похож на луну среди них (луна по-арабски – мужского рода), и его лицо походило на небеса». Я слышала от других, что большое волнение среди шейхов из отдаленных мест, не видевших сэра Перси прежде, вызвал его внешний вид. Хорошо, что он – такая заметная фигура. Когда вы видите его, с его высоким ростом и орлиным носом, он бывает очень выразителен. Он выглядит настолько доброжелательным, насколько и сильным.

Я устроила званый ужин в восемь часов. Майор Дитчберн и его мутасарриф (начальник округа), Ибрагим Бег Садун – его положение как правителя немного затруднительно, поскольку он не умеет ни читать, ни писать; ни один из Садунов не может; Абдулла Бег Садун, которого я описал тебе на прошлой неделе, Абдул Маджид Шауи, Мастафа Чалаби Сабунджи, один

из магнатов Мосула – мне жаль, что я не помню, кем были две других важные шишки, у меня совсем вылетело из головы. Садуны были в бедуинской одежде, Чалаби в мантии и тюрбане, Абдул Маджид в европейском костюме и феске. Все прошло очень хорошо. Ахмад Паша Сана из Басры, который не ужинает, как ты помнишь, был со мной на чашке чая, и мы долго обсуждали ситуацию в Басре. Он объяснил, что, хотя Басра хотела бы быть частью Ирака, она желала бы сохранить более тесные отношения с нами, чем те, на которые, как кажется, готовы пойти другие части Ирака. Я сказала, что будет хорошо, пока они будут оставаться неотъемлемой частью Ирака, и если они пошлют своих депутатов в избирательную ассамблею.

Следующим утром сэр Перси и его штат были первыми, посетившими дворец Фейсала. Это началось в 7.30. Сэр Перси вошел первым, затем мистер Гарбетт, а затем я. Фейсал стоял перед троном, сэр Перси с правой стороны от него, мистер Гарбетт слева от него, и я, после моего реверанса Фейсалу, слева от сэра Перси, в то время как остальной британский штат офиса подходил по очереди, как на приеме. Я надела мою звезду Ордена Британской империи и мои три военные ленты – впервые на коронации. Мы трое с Фейсалом и мистером Корнволлисом сели в углу комнаты и пили кофе, пока командующий британскими войсками не вошел, чтобы сказать, что у него все готово для приема. Тогда мы уехали. Позднее днем Коксы дали маленький прием в их саду – Фейсал сказал, что он хотел бы приехать и поблагодарить сэра Перси. Главнокомандующий и его штат были там, мистер Корнволлис, полковник Джойс, люди из штата сэра Перси, Гарбетты и я. Это было чрезвычайно симпатично, на лужайке под пальмами. Фейсал привел полдюжины своих сотрудников, и все мы сидели и говорили в течение часа и ели фруктовое мороженое. Я затем устроила еще один званный ужин в восемь часов, Абдул Латиф Паша Мандил и Хаджи Махмуд Намах из Басры, капитан Кук, советник Аукафа, и четверо мосульцев, мулла Аукафа, мэр, накиб (старейшина) и кади. Это была очень интересная вечеринка. Кади (судья) Мосула – возможно, самый симпатичный старик во всем Ираке, весь белый, в белых одеждах, выглядит очень мудрым и очень благородным. Мулла Аукафа – бойкий мужчина в летах, полный живости и здравого смысла. Накиб – мужчина немногим за 30, увенчанный зеленым тюрбаном и темный. Он не занимает, так или иначе, высокой должности, но он – прямой потомок Пророка – так же как и двое других, и его семья имеет соответствующий фирман о накибстве, данный ей Тимурленгом (Тамерланом). Это написано на тюркском языке джагатай,

который они не могут прочитать – документ довольно почтенного возраста. Мосульские саиды – очень важная часть населения города. Они все происходят от общего предка, который приехал в Мосул приблизительно 800 лет назад. Среди этой компании святых ведущую роль играет Абдул Латиф Мандил. Он из Неджда, с резко выраженными прекрасными чертами араба внутренней Аравии – только его отец поселился в Басре, и он, возможно, самая сильная личность в стране теперь, когда Талиб ушел. Именно он был инициатором и организатором обращения Басры с просьбой остаться с нами – и почему? Он крупный торговец и хотел бы ловить рыбу в самых тихих водах, которые он сможет найти – более тихих, чем те, что омывают арабские королевства. Он очень сильно выразил свое мнение за ужином. Мы начали говорить о Киркуке, и мулла Аукафа именем Бога засвидетельствовал, что со своей стороны он был бы только рад, если бы Киркук отделился от Ирака, поскольку с вакфа (земля и другая недвижимость) они ничего не платят, а лишь ссорятся между собой по этому поводу, после чего компания дружно засмеялась. Но кади поднялся и довольно подробно говорил относительно курдского вопроса, очень мудро.

Я вспомнила двух других гостей на моей первой вечеринке: муттасарифа Амараха Салиха Башаяна, не более умного, чем масса обезьян, одной из которых он является, и я люблю его, и его племянника Абдул Кадира Башаяна, который устроил большую чайную вечеринку в честь Джафара в Каире.

Сэр Перси был очень нездоров, но в день Коронации он начал выздоравливать и теперь вполне в форме. Так что я, которая не пускала всех людей к нему в течение недели, быстро приняла меры, чтобы депутации имели возможность засвидетельствовать свое уважение к нему. Для этого было два дня, в пятницу и в субботу утром. Тебе было бы трудно, сколько тогда людей одновременно толпились в офисе! Было очень интересно наблюдать за ними, там были люди, которых я никогда не видела прежде, и великое множество тех, кого никогда прежде не видел Багдад. Басра и Амарах прибыли в пятницу, Хиллах (Ал) и Мосул в субботу; это были большие депутации. Мосульская была самой замечательной из них. Я разделила ее на три секции: сначала магнаты города Мосула, мои гости и их коллеги; затем христианские архиепископы и епископы – Мосул изобилует ими – и еврейский Великий Раввин. Один из христиан был малолетний Мар Шимун, архиепископ и правитель несториан. Пост передается в рамках семьи, от дяди к племяннику, поскольку они соблюдают целибат, и он был избран в прошлом году после смерти его дяди. Ему всего десять, бедное маленькое создание,

и он явился в полном каноническом облачении, с большим золотым крестом и цепью, обреченной быть архиепископом до конца своих дней. Третья группа была более возбужденной, чем две другие: это были вожди курдских приграничных племен, которые выбрали войти в государство Ирак, пока они не увидят, возникнет ли независимый Курдистан, которому они симпатизируют гораздо больше. Я знала только одного из них прежде, Саида Бега, религиозного главу Поклонников Дьявола (йезидов), которого я видела ребенком в семь или восемь лет, когда останавливалась у его отца в 1909 году. Мы упали на шею друг друга; он помнил все очень хорошо; как сидел в моей палатке, где оставался все время, пока я была там. Некоторые другие были огромными людьми. Шейх Нури из Брифки, светловолосый, в белом тюрбане и халате, держит в своих руках население большой части границы в земном и небесном мире, поскольку он духовный и земной диктатор. Кадир Ага из Шуша имеет дело только с этим миром и общается с ним исключительно на курдском языке, поскольку не знает никакого другого. Он высокий и очень толстый человек. Он носит акры мешковатых полосатых брюк, подвязанные шнурком вокруг его талии, самый причудливый жилет и самый большой курдский колоз на его голове с целым платком, обернутым вокруг его. Он достоин внимания, я могу сказать, что это привилегия – видеть его.

После того, как они имели пятнадцатиминутную беседу с сэром Перси, все по очереди зашли ко мне. Курды приехали последними и оставались дольше всех. Мэр Захо начал разговор. Он сказал, что они не имели возможности обсудить с сэром Перси будущее Курдистана. Я сказала, что, по моему мнению, районы, из которых они прибыли, экономически зависят всегда будут зависеть от Мосула, независимо от того, как много Курдистанов будет создано. Они согласились, но, сказал Шэйх Нери, они должны иметь курдских чиновников. Я сказала, что в этом нет никакой сложности, и детям нужно преподавать на курдском языке в школах. Я отметила, что будут некоторые трудности, поскольку не было ни одного школьного учебника, равно как и других книг, написанных на курдском языке. Это вызвало паузу, и после раздумий они сказали, что думают, что обучение могло бы также вестись по-арабски, но что относительно местной административной автономии? Я сказала: «Вы обсудили это с нашим повелителем Фейсалом?» «Нет», – ответили они. «Хорошо, вам лучше пойти и сделать это сейчас», предложила я. «Да», – ответили они. Я позвонила Рустаму Хайдару и записалась на прием на вчерашний полдень – я стремлюсь узнать у Фейсала,

что из этого вышло. Забавно, не правда ли.

Провела два часа с Фейсалом накануне. Он пригласил меня к чаю; я принесла ему фотографии наших пикников (один из которых посылаю тебе) и карту Сирии, взятую из «Таймс», чтобы показать, каким образом французы разделили Сирию на отдельные провинции. Он любил фотографии и поклялся на карте. «Видит Бог, это нельзя делать, он сказал, и мы продолжили говорить шокирующую ересь о Сирии. Вскоре после этого заглянули Джафар, Нури и Рустам (он сириец). Я сказала им, что за исключением Рустама, я думаю, что я знаю Сирию лучше, чем любой из них, и люблю ее больше – деревню за деревней, гору за горой, реку за рекой. И я считала, что есть только одна надежда для Сирии, что мы должны сидеть здесь тихо, не говорить ни слова и делать нашу собственную работу. Если бы мы сделали Месопотамию образцовым арабским государством, не будет арабов Сирии и Палестины, которые бы не захотели стать частью этого государства, и прежде, чем я умру, я надеялась бы увидеть правление Фейсала от персидской границы до Средиземноморья (скорее всего, здесь перед нами не только сокровенные мысли Гертруды, но и определенный дипломатический прием, с помощью которого она убеждала Фейсала и его окружение не вмешиваться в сирийские дела. Вряд ли Гертруда верила, что еще при ее жизни будет создано гигантское арабское государство «от моря до моря». Хотя бы потому, что этого не допустила бы Англия, да и другие великие державы. А вот создать из Ирака образцовое государство она действительно стремилась, но не преуспела в решении этой задачи, которая, очевидно, в тех условиях была невыполнима. – Б. С.) Но если бы мы вмешались в этот вопрос, шевельнули бы пальцем или подняли голос, это стало бы крушением Сирии, равно как и Ирака. Это было бы частично из-за того, что Манлуд-паша, который является тем, кого Джафар называет «первоклассным ослом», собирает силы в районе Мосула, говоря, что, независимо от приказов Фейсала, он намерен повторно завоевать Сирию. Именно он возглавлял нападение на нас на Евфрате в прошлом году, не подчиняясь неоднократным приказам Фейсала. Было бы довольно смешно, если бы после завоевания Дейр аль-Завра с севера и вытеснения британской администрации в 1920 году, он бы взял Дейр с юга и вытеснял бы французскую администрацию в 1921 году! Но, конечно, мы не позволим ему этого.

Мы тогда провели счастливый час, обсуждая (а) нашу границу в пустыне на юге и западе и (б) национальный флаг и личный флаг Фейсала. Для последнего мы сделали эскиз, то есть флаг

Хиджаза с золотой короной на красном треугольнике. Красный – это цвет его дома, таким образом, он переносит его собственное имя на флаг. Отец, действительно, ради Бога скажите мне, является ли флаг Хиджаза геральдически корректным. Вы могли бы телеграфировать. Это очень хороший флаг, и мы могли бы дифференцировать его для Ирака, помещая золотую звезду в черную полосу или на красном треугольнике. Конгресс уладит этот вопрос непосредственно, когда он соберется, только сообщи мне вовремя. Нет ли у тебя также лучшего предложения для личного штандарта Фейсала.

К тому времени, когда мы закончили, солнце уже зашло. Фейсал, подпрыгивая, направился в верхние покои, сказав, что «должен пойти и помолиться». Когда он покинул нас, я собиралась вместе с Джафаром уйти через тронную залу, но Джафар сказал «Хатун, останьтесь на минуту» и вывел меня на балкон над Тигром. То, что он хотел спросить меня, касалось нового кабинета министров. Был удивительный, красный свет на реке, горячая ночь и беспокойный разговор с Джафаром.

Ни о чем ином, естественно, не говорили. Одна из местных газет предложила приз тому, кто назовет правильное число кандидатов на посты в правительстве. В тот самый полдень Наджи Сувайди был у меня и говорил, что он не хотел бы стать министром внутренних дел (которое является самым важным министерством), потому что он был бы осажден толпой людей, которые бы требовали у него место в министерстве. Я сказала, что я слышала, как его кандидатура рассматривалась для министерства юстиции, и он ответил, что он бы согласился на этот пост. Это признание не порадовало бы ни сэра Перси, ни для Накиба, который просил пост премьер-министра, как и Наджи. Они думают, что он достаточно способен, но не достаточно устойчив для этого решающего времени. Я лично думаю, что он, вероятно, все бы сделал хорошо, и Фейсал особенно хотел бы его, но знает, что сэр Перси не обрадовался бы, узнав о его назначении. Он (Фейсал) поэтому, в поисках лояльного человека, скорее предложил бы необузданного Джафара. Джафар лоялен до мозга костей, но он не может заниматься МВД, и, кроме того, он не должен заниматься министерством обороны в разгар создания арабской армии. Джафар начал с того, что сказал все это. Он тогда предложил Наджи, и я сказала ему, что Наджи только что сказал мне, – очень полезная карта. Джафар тогда упомянул Хамди Пачахджи, который не будет делать вообще ничего: он – ленивое, тщеславное, умное существо. Я думаю, что я убедила Джафара по поводу этого кандидата. «Что относительно Нури?»,

спросил он. Я ответила, что мне нравится Нури, но он слишком молод и не имеет никакого административного опыта. Джафар выглядел все более сильно озадаченным. Теперь я должна сказать тебе, что человек, которого бы хотел сэр Перси для этого переходного периода, в течение которого мы созываем и проводим Конгресс, в то время как он принимает Органический Закон, это Ахмад Паша Сана. Джафар и Нури тоже думали о нем, как мы знаем конфиденциально от самого Ахмад Паши. Так я сказала, что я слышала, что они обсуждали возможность его назначения. Джафар сказал «да», но он боялся, что будут протестовать экстремисты. Я отметила, что все влиятельные люди будут следить за ним в качестве гарантии стабильности и, кроме того, если вы ставите человека из Басры на самое важное министерство, Басре очень трудно будет настаивать на административном выделении из состава Ирака. К этому времени Фейсал, закончив свои молитвы, возвратился, и прибыл мистер Корнволлис, чтобы обсудить с ним дела. Так я оставила дворец во второй раз, и поскольку я выходила вместе с Джафаром, я привела ему последний аргумент. Он на него подействовал – я надеюсь, я права на сей счет, но это – желание сэра Перси, а он нечасто ошибается. Я передала ему всю нашу беседу на следующий день, и он ее одобрил.

Без сомнения, это является самой изматывающей работой, которой я когда-либо занималась. Погода стала чуть прохладнее. Однажды на прошлой неделе температура достигла максимума в 105 градусов Фаренгейта (40,55 градусов Цельсия). Пожалуйста, отправь это письмо Клементине.

Ваша очень любящая дочь Гертруда».

Тем не менее, несмотря на воцарение Фейсала, большинство проблем Ирака остались нерешенными. Сохранялись противоречия арабов-суннитов, арабов-шиитов и курдов, равно как и межклановые противоречия внутри указанных трех общин, равно как и сложности во взаимоотношениях между кочевыми племенами и оседлым населением. Отдельную проблему составляло отсутствие у Ирака точно очерченных и международно признанных границ, а также остались территориальные претензии со стороны Неджда и Турции. Все это требовало сохранения британского контроля над Ираком, а Гертруде предоставляло возможность активно заняться картографией.

После Каирской конференции, в апреле 1921 года, Англия провела ряд совещаний между арабскими и английскими руководителями в лагере эмира Абдаллы ибн-Хуссейна в Аммане, в ходе которых верховный комиссар Великобритании Герберт Сэмюэл провозгласил Абдаллу правителем нового эмирата Трансиордании. В этой конференции также участвовали Лоуренс и Белл, и Гертруда как картограф определила границы Трасиордании. До этого положение в Трансиордании продолжало оставаться весьма напряженным из-за жестоких межплеменных столкновений и участившихся набегов бедуинов и ихванов из Неджда. В начале 1921 года один из сыновей шерифа Хусейна, Абдалла, потерпевший ранее поражение в столкновении с войсками Абд-аль-Азиза, обосновался с отрядом сторонников в оазисе Маан, который хашимиты рассматривали как часть Хиджаза. Он угрожал пойти на Дамаск, чтобы восстановить там власть своего младшего брата Фейсала. Абдалла также претендовал на иракский престол.

Ситуация в Трансиордании была вынесена на обсуждение Каирской конференции 22 марта. Были предложены следующие пути ее разрешения:

1. Назначение Абдаллы правителем Трансиордании в случае его согласия с условиями британского мандата.

2. Назначение местного губернатора, кандидатура которого будет согласована с Абдаллой.

3. Организация карательной экспедиции с целью изгнания Абдаллы из Трансиордании.

Последний вариант всерьез не рассматривался из-за резкого сокращения численности британских войск на Ближнем Востоке. Поэтому Абдалла, как и его брат Фейсал в Ираке, не связанный напрямую с местными племенными и клановыми элитами,

являлся, с точки зрения Лондона, наиболее подходящим кандидатом на роль главы Трансиорданского эмирата, весьма искусственного образования с весьма аморфными границами и фактическим отсутствием административной структуры. Руководство Ближневосточного департамента министерства колоний выступало за установление своеобразной опеки над Трансиорданией со стороны администрации верховного комиссара Палестины. Последняя должна была оказывать финансовую помощь, направлять гражданских и военных советников, а также обеспечивать с помощью расположенных в Палестине британских сухопутных войск и подразделений ВВС безопасность Трансиордании.

По словам Лиддел Гарта, в Трансиордании «среди местных арабов уже нарастало беспокойство, в связи с чем создавалась угроза Палестине, как вдруг возникло дальнейшее осложнение в результате инициативы Абдуллы, который продвинулся со своими войсками к Амману для расплаты с французами за изгнание его брата. Это известие вызвало тревогу в Иерусалиме и Каире. Трудности подавления этого движения силой были очевидны, так как трансиорданские племена могли восстать и прийти ему на помощь, а свободных британских войск не имелось. Однако чувствовалось, что если ему позволить добиваться своей цели и допустить вести военные действия против французов из британской зоны, то последние имели бы достаточно серьезные основания быть недовольными. Неожиданным созданием нового государства был найден выход, который опрокинул решение конференций в Каире.

Хорошо зная Абдуллу по прошлому, Лоуренс считал, что его легко можно будет убедить пойти по мирному пути, если последний будет достаточно выгодным. С одобрения Черчилля Лоуренс полетел в Амман и привез с собой обратно на машине Абдуллу в Иерусалим, куда прибыл Черчилль, чтобы повидаться с сэром Хербертом Самуэлем. После получасового разговора у Черчилля создалось настолько ясное представление о здравом смысле и политической мудрости Абдуллы, что он тотчас же принял серьезнейшее решение оставить Абдуллу в Трансиордании как главу полунезависимого арабского государства при условии, что он воздержится и в дальнейшем будет удерживать своих будущих подданных от столкновений с французами в Сирии».

Гертруда также выступала сторонницей создания Трансиордании, считая, что это государство сможет достаточно эффективно контролировать подступы к Палестине с востока и не допускать набегов на нее бедуинских племен.

Отцу Фейсала и Абдаллы, Хуссейну, Лоуренс от имени британского правителя предлагал принять британский мандат и остаться королем Хиджаза, но тот захотел остаться самостоятельным и овладеть всей Аравией, но проиграл схватку за Аравию Ибн-Сауду.

Против создания Трансиордании выступил Х. Самуэль. Начавшаяся еврейская колонизация Палестины вызывала все более негативную реакцию со стороны палестинских арабов. А создание Трансиордании могло только стимулировать их в противостоянии еврейским колонистам и могло бы дать палестинским арабам лозунг борьбы за присоединение к Трансиордании Палестины. Однако Черчилль отстоял свою точку зрения и добился одобрения конференцией своего плана. Он заявил, что не видит в данный момент альтернативы соглашению с Абдаллой по Трансиордании. Черчилль процитировал мнение нескольких политических советников, работавших в Трансиордании, которые полагали, что любые силовые акции против Абдаллы будут неэффективными из-за недостатка сил. Настаивая на соглашении с Абдаллой, министр указывал на необходимость общего улучшения отношений с представителями хашимитской династии перед приглашением Фейсала на иракский престол.

Во время конференции Черчилль получил телеграмму от Ллойд Джорджа. Премьер опасался серьезного ухудшения отношений с Францией, чьи сирийские владения оказались бы, в случае реализации планов конференции, окруженными с востока и юга арабскими государствами с хашимитскими династиями. Ллойд Джордж сомневался в искренности согласия Абдаллы довольствоваться Трансиорданией, подозревая его в намерениях занять иракский престол. Кроме того, по мнению главы британского кабинета, поддержка со здания Трансиорданского государства вряд ли привела бы к существенному сокращению военного присутствия и бюджетных расходов Соединенного Королевства на Ближнем Востоке. В ответном послании Черчилль выразил уверенность в возможности и желательности соглашения с Абдаллой. Он писал: «Для поддержания порядка, в случае создания арабского государства, потребуется незначительное количество британских военнослужащих. С другой стороны, для сокращения военного присутствия в Палестине, стабильность в Трансиордании является фактором первостепенной важности. Что касается Франции, то, на мой взгляд, законность и порядок на территориях за Иорданом будут для нее более предпочтительны, чем существовавшие там ранее анархия

и хаос». 18 марта Черчилль сообщил премьеру о своем намерении предложить Абдалле встретиться в Иерусалиме в конце марта для всестороннего обсуждения ситуации в Трансиордании и путях решения имеющихся проблем. И действительно, по окончании конференции в Каире, 28 марта 1921 года, Черчилль направился в Иерусалим, где начал переговоры с Абдаллой по поводу плана создания иорданского государства, на особых условиях входящего в состав палестинской подмандатной территории. За свое согласие с ним Абдалла требовал активной британской поддержки Хусейна в его борьбе с Абд аль-Азизом ибн-Саудом и, наоборот, отказа Англии от поддержки еврейской колонизации Палестины. Оба эти условия были для Черчилля неприемлемыми. Кроме того, Абдалла требовал создания независимого арабского государства в Сирии и выдвигал различные проекты ее объединения с Палестиной, Трансиорданией и Ираком. Все это было для Англии еще более неприемлемым. В гигантском едином арабском государстве Лондон видел угрозу интересам Британской империи. Черчилль также сомневался в возможности объединить столь разнородные и отличные друг от друга арабские племена от Аммана до Багдада. А в переговорах с Абдаллой он пошел по пути банального подкупа. После щедрых финансовых вливаний и еще более щедрых обещаний Абдалла в целом согласился с британскими предложениями, оговорив при этом свое право перед окончательным согласием проконсультироваться с отцом и братом Фейсалом. По завершении переговоров, Абдалла получил в качестве подарка от британского правительства кругленькую сумму в 180 тысяч фунтов стерлингов.

Достигнутые договоренности предусматривали шестимесячный переходный период, в течение которого в Трансиордании должны были быть созданы исходные условия для формирования будущей государственности. Абдалла обязался воздерживаться от антифранцузских и антиеврейских действий и пропаганды, а также помогать британцам в строительстве коммуникаций через территорию его владений и обеспечения их безопасности. Оценивая результаты переговоров в Иерусалиме, Черчилль писал Ллойд Джорджу 30 марта: «Нет необходимости преувеличивать тот факт, что данный план является не менее предпочтительным, чем предполагавшаяся ранее посылка войск, но существенно, что он будет стоить гораздо меньше и позволит нам избежать многих возможных затруднений…»

После Каирской конференции Гертруда Белл вернулась в Багдад, где она работала в подчинении у первого Верховного комиссара Великобритании в Месопотамии Перси Кокса,

генерала-майора Британской Индийской армии, до войны являвшегося секретарем Правительства Индии, а затем участвовавшего в Месопотамской и Палестинской кампаниях в качестве политического офицера Индийского экспедиционного корпуса. Он вместе с Белл рекомендовал Фейсала в качестве короля будущего Ирака. В 1913 году он стал главным архитектором британско-османской конвенции, в результате которой в составе Османской империи был образован автономный Кувейт. Фактически он оказался под британским протекторатом. Во время войны укрепил свои отношения с правителем Неджда ибн-Саудом, с которым познакомился раньше, будучи резидентом в персидском Бушире. После начала антибританского восстания в Ираке 1 октября 1920 года он был назначен первым британским Верховным комиссаром в Месопотамии. Кокс вступил в переговоры с представителями организации «Иракский завет» и достиг с ними соглашения о формировании временного национального правительства. Новое правительство полностью поддержало английскую политику в Ираке и оказало ему помощь в подавлении восстания. Кокс использовал свои хорошие отношения с Ибн Саудом для установления иракско-саудовской границ между Ираком, Кувейтом и Саудовским государством, чтобы в будущем Великобритании не пришлось бы защищать Ирак от Саудовской Аравии.

11 октября 1920 года Перси Кокс вернулся в Багдад и попросил Гертруду продолжить ее работу как Восточного секретаря комиссии, действуя в качестве связующего звена с будущим арабским правительством. Гертруда Белл фактически играла роль посредника между членами правительства и британских чиновников. На практике же ей часто приходилось выступать посредником между различными группами в Ираке. Ведь большинство населения в южных районах составляли шииты, в центральной части Ирака – сунниты, а на севере – курды, борющиеся за свою автономию. Соблюдение интересов этих групп имело критически важное значение для сохранения политического равновесия в Ираке, что было и в интересах Англии. Ирак имел не только ценные для Британской империи ресурсы, прежде всего, нефть, но и должен был служить в качестве буферной зоны между Турцией, Персией (Ираном), и Сирией. Правительство в Лондоне, и особенно Черчилль, стремились урезать расходы в колониях, в том числе и те, что шли на урегулирование межплеменных распрей. Еще британские и новые иракские правители надеялись создать новую идентичность у населения Ирака и постепенно превратить

их в единую политическую нацию. Однако этот проект полностью провалился не только во времена монархии, но и у сменявших друг друга после ее свержения военных диктаторов, равно как и у установленного на штыках международной коалиции демократического правительства. Противоречия между тремя основными этно-конфессиональными группами населения Ирака только обострялись.

Сама же Гертруда в одном из писем обмолвилась: «Я ни на секунду не сомневалась, что окончательная власть должна быть в руках суннитов, хотя численно они находятся в значительном меньшинстве. Иначе мы получим теократическое государство, которое подобно самому дьяволу». Так она характеризовала власть шиитских аятолл.

Она, как и другие британские чиновники, учитывала, что преимущественно суннитское общество «Иракский завет» проявляло гораздо большую склонность к соглашению с Англией, чем преимущественно шиитское общество «Страж независимости».

Самоуправляющийся Ирак должен был обойтись британской казне значительно дешевле, чем Ирак, непосредственно управляемый британскими чиновниками, не говоря уже о необходимости содержать дополнительные войска для подавления восстаний. В Лондоне надеялись, что в королевском Ираке, управляемом арабским правительством, восстаний не будет. В создании Иракского королевства Гертруде отводилась выдающаяся роль. Она вместе с Лоуренсом, как мы помним, предлагала в качестве будущего короля Фейсала ибн-Хуссейна. Французы только что сместили Фейсала, провозглашенного королем Сирии, и англичане собирались утешить его, предоставив сыну верного союзника Ирака. Он устраивал британских чиновников как правоверный суннит из уважаемой семьи. Гертруда тоже полагала, что надо опираться на суннитов в преимущественно шиитском Ираке. Во-первых, арабы-сунниты были наиболее тесно связаны с Англией в ходе недавнего антитурецкого восстания. Во-вторых, являясь абсолютным меньшинством в Ираке, составляя лишь около 20 % населения, арабы-сунниты вынуждены были бы в первую очередь опираться на британскую поддержку. Шииты же всегда могли надеяться на помощь единоверцев из преимущественно шиитского Ирана, а такой союз англичан совершенно не устраивал. В то же время они надеялись, что новый король, имеющий определенный дипломатический опыт, сможет примирить все враждующие группы в стране. Ведь он представлял Хашимитскую династию, не имевшую непосредственных связей

с иракскими племенами, а, значит, мог быть относительно беспристрастным при решении внутрииракских конфликтов.

12 июня 1921 года Гертруда писала: «Мы не можем осуществлять прямое управление страной, хотя в этом случае она бы управлялась лучше. Но было бы довольно комично говорить людям снова и снова, что независимо от того, хотят они этого или нет, они должны иметь арабское, а не британское правительство…» Как раз в июне 1921 года Фейсал прибыл в Ирак. Ввиду активных демаршей французского МИДа, англичане предложили публично дать гарантии того, что он не будет использовать свое новое положение для организации переворота в Сирии с целью объединения ее с Ираком, на что будущему королю с неохотой, но пришлось согласиться.

В целом модель управления подмандатными территориями, активно разрабатывавшаяся и пропагандировавшаяся Коксом, Лоуренсом, Монтэгю, Белл и рядом других британских политиков и экспертов, предполагала предоставление формальной независимости арабским странам, за фасадом которой, на основе навязанных свежеиспеченным монархам неравноправных договоров, осуществлялся бы реальный британский контроль над внешней политикой, обороной и финансами, равно как из важнейшими сферами экономики, особенно за нефтедобычей и нефтепереработкой, новых ближневосточных государств. Таким образом они стремились не допустить их вовлечения в орбиту влияния других европейских держав, прежде всего Франции. Подобная схема, использованная в Египте, Ираке, Трансиордании и некоторых других странах оказалась относительно более эффективной, чем прямое правление, применявшееся французскими властями в Сирии и Ливане, где восстания вспыхивали гораздо чаще, а войск приходилось держать гораздо больше, чем Англии в Ираке. Да и стоило французское присутствие в Сирии и Ливане гораздо дороже, чем британское – в Трансиордании и Ираке. Ведь приходилось оплачивать не только войска, но и многочисленных французских чиновников на местах. А вот в Палестине Англии пришлось в течение всего межвоенного периода сохранять режим прямого правления из-за острого конфликта между арабами и евреями, постоянно переходившего в вооруженные стычки. Здесь передача управления арабам вызвала бы резкое недовольство и вооруженное сопротивление еврейских поселенцев. А создание совместной еврейско-арабской системы управления на паритетных началах не представлялось возможным из-за острых противоречий между арабской и еврейской общинами.

В Ираке и Трансиордании британская мандатная система

при формальной независимости королевства обеспечивала относительно успешную реализацию британских интересов на Ближнем Востоке в период между двумя мировыми войнами, не допуская крупных восстаний и значительных финансовых трат. Однако британское «непрямое правление» также вызывало протест арабского населения, предводительствуемого частью элиты, оттесненной от реальных рычагов власти. И, по крайней мере, в Ираке, где так и не удалось примирить между собой интересы арабов-шиитов, арабов-суннитов и курдов, британский мандат не принес долгосрочной стабильности.

Именно Гертруда сыграла главную роль в приходе к власти в Ираке короля Фейсала I из Дома Хашимитов. Ирак был создан волей Англии и не в последнюю очередь волей нашей героини, к мнению которой прислушивались британские политики. Перед выборами короля, которого должны были избрать вожди племен, она путешествовала с Фейсалом по стране, представляя его местным шейхам и добиваясь согласия вождей племен на его назначение королем. Тогда Фейсал и Гертруда, по некоторым версиям, стали любовниками. Впрочем, это только предположение, которое вряд ли когда-нибудь можно будет надежно подтвердить или опровергнуть. Может быть, между Гертрудой и Фейсалом ничего такого не было, и она плотно опекала новоиспеченного иракского короля, выполняя свою политическую миссию в Ираке по укреплению его положения. Но, во всяком случае, замуж она так никогда и не вышла и детей не имела. Гертруда также контролировала процесс назначения членов правительства и предложила идею иракского флага, призванного устроить все основные группы населения. Черная полоса символизировала Аббасидский халифат, белая – Омейядский халифат, где видную роль играли курды, захватившие обширные территории, а зеленая – Фатимидский халифат (в последнем правили халифы-шииты). Красный же треугольник символизировал три народа Ирака, исповедующие ислам (арабы-сунниты, арабы-шииты и курды-сунниты). Белл предлагала также добавить на флаг золотую звезду как символ хашимитской династии, но Фейсал это предложение не принял. Может быть, потому, что она также могла ассоциироваться с курдами.

Назначение иракского короля, полностью зависевшего от британской администрации, оказалось крайне неудачным. Несмотря на связи с Меккой, правителем которой был его отец, представитель династии Хашимитов, Фейсала в Ираке не воспринимали всерьез и рассматривали как марионетку, пришедшую к власти на штыках британских войск, подавивших

восстание. Когда 23 августа 1922 года король Фейсал на несколько недель слег из-за приступа аппендицита, Кокс, нисколько не смущаясь, взял его обязанности на себя. Все важнейшие министерства находились под контролем британских советников, а окончательные решения принимались британскими верховным комиссаром и командующим британскими королевскими военно-воздушными силами, чьи базы находились в Ираке. Сразу после согласия Фейсала стать королем Ирака британская сторона навязала ему в качестве непременного условия, что после его коронации Британским правительством заранее было установлено, что после вступления на трон Фейсала между Ираком и Англией будет заключен договор, по которому суверенитет Ирака будет напрямую связан с британским мандатом. И 10 октября 1922 года Иракское королевство заключило договор с Англией, согласно которому британское правительство сохраняло контроль над внешними сношениями и финансами Ирака. Англия получила право содержать в Ираке свои войска, а обучение иракских войск должно было вестись только под руководством британских инструкторов. Статья 2 договора предусматривала «принятие на себя Ираком на время действия договора обязательства не принимать на службу иностранцев без согласия на то Британского правительства». А согласно статье 4 «Его Величество король Ирака соглашается руководствоваться на все время действия настоящего договора советами Его Британского Величества, данными через верховного комиссара во всех важных вопросах, затрагивающих международные и финансовые обязательства и интересы Его Британского Величества». Эти советы давались, в том числе, через Гертруду Белл.

В феврале 1924 года в Ираке прошли выборы в Учредительное собрание. Депутаты были настроены против ратификации англо-иракского договора. Тогда британский верховный комиссар фактически предъявил Учредительному собранию ультиматум: если договор не будет ратифицирован, в Ираке вновь будут установлены британские органы власти, как было после капитуляции Османской империи. В результате Национальное собрание 37 голосами из 100 (остальные депутаты отсутствовали) ратифицировало договор. Но уже сам тот факт, что режим мандата приходилось поддерживать такими методами, доказывает, что жизнеспособной политической системы в Ираке, о которой мечтала Гертруда, не было создано.

До того, как стать королем, Фейсал никогда не бывал в Ираке и не имел влияния на местные племена. Во всем он вынужден был полагаться на Гертруду, которая знала Ирак, как никто в Англии,

и ладила с местными племенами. Она знала традиции всех кочевых племен Ирака и также давала квалифицированные советы британским бизнесменам, как вести бизнес в Ираке. С 1921 по 1924 год она была также председателем Комитета, управлявшего библиотеками Ирака. Крупнейшая из них, Багдадская библиотека мира, являлась частной и была доступна только платным подписчикам. Но в 1924 году она перешла в ведение министерства просвещения и стала Багдадской публичной библиотекой, а в 1961 году превратилась в национальную библиотеку Ирака.

Багдадские газеты с возмущением писали: «Лондон обещал нам арабское правительство с британскими советниками, а создал британское правительство с арабскими советниками». Лоуренс, возмущенный обманом, стал именоваться Лоуренсом Аравийским. Формально иракская монархия была конституционной, фактически же вся власть вплоть до окончания Второй мировой войны принадлежала британскому Верховному комиссару.

Тем временем, разочаровавшись в британских политиках, обманувших его и арабов, Лоуренс уехал в родной Оксфорд, чтобы писать свои разоблачительные мемуары. В августе 1922 года он поступил рядовым в Королевские военно-воздушные силы под именем Джона Росса. Но когда пресса раскопала эту историю, он был уволен. В марте 1923 года он был принят рядовым в танковый корпус снова под вымышленным именем Т. Э. Шоу. Двумя годами позже ему удалось перевестись в Королевские ВВС, где он благополучно прослужил следующие десять лет, в Индии и в Англии, где в 1930–1935 годах в Саутгемптоне участвовал в работе по модернизации скоростных военных судов. Подозревают, что его любовником был его сослуживец. Не исключено, что Лоуренс пошел служить в армию в том числе и для того, чтобы беспрепятственно удовлетворять свои гомосексуальные потребности, что в армии, где служили почти исключительно мужчины, делать было, естественно, гораздо легче, чем на гражданке. В феврале 1935 года Лоуренс вышел в отставку. А уже 13 мая 1935 года он отправился на прогулку вблизи своего дома в Мортоне (графство Дорсет) на мотоцикле и, пытаясь объехать велосипедистов, не справился с управлением. Его выбросило через руль на дорогу. 19 мая, не приходя в сознание, Томас Лоуренс умер в возрасте 47 лет вследствие черепно-мозговой травмы, пережив Гертруду Белл почти на девять лет. По словам Уинстона Черчилля, «в лице Лоуренса мы потеряли одного из величайших людей нашего времени. Я надеялся убедить его вернуться к активной службе

и занять командную должность в смертельной борьбе, которая вскоре предстоит нашей стране».

Как писал российский историк и журналист Владимир Абаринов, «Гертруда Белл стала ближайшим советником короля. Она была влюблена в эту землю и мечтала превратить Ирак в образцовое государство. Сегодня можно, конечно, сказать, что затея была гиблой с самого начала: шииты и сунниты, христиане и иудеи, арабы и турки, курды и туркмены – Ирак являлся конгломератом племен и конфессий с разной культурой и разным историческим опытом, раздробленным на множество уделов во главе с местными шейхами. Как было не ввести прямое имперское правление! Но в этом-то и заключался величественный замысел Гертруды Белл – сделать Ирак примером для других арабских стран». Но пример оказался провальным, как в конечном счете и вся арабская политика Британской империи. А Лоуренс Аравийский по этому поводу иронизировал: «Ирак – это, конечно, прекрасный монумент, но я боюсь (а иногда надеюсь), что он недолго продержится». Бывший предводитель антитурецкого восстания не ошибся. Монархия в Ираке протянула до 1958 года, но страна все время раздиралась восстаниями, и хашимитская династия держалась только на британско-индийских штыках. А после ухода англичан из Индии королевский режим в Ираке был обречен.

Гертруда предвидела все проблемы, которые возникнут из-за начертанных ею границ. Она лучше многих других представляла, насколько враждебны друг другу арабы и курды, сунниты и шииты. Но считала, что лучшего решения, чем создание Ирака, все равно нет, и что для такого рода межнациональных и межконфессиональных конфликтов постоянных решений быть не может.

Через несколько месяцев после проведения Каирской конференции Белл писала: «Я ни на секунду не сомневаюсь в правильности нашей политики. Мы не можем продолжать напрямую осуществлять контроль над этой страной, хотя так было бы лучше».

Вместе с Лоуренсом Аравийским Белл помогла утвердиться Хашимитской династии на территории современной Иордании, а также в Ираке. Она помогала проводить границы между новыми арабскими государствами и формировать их политические системы.

Гертруда жила в Багдаде, в обычном доме. По утрам совершала прогулку верхом или купалась в Тигре. Новые руководители Ирака принимали важнейшие решения у нее за чашкой чая. Она принимала у себя и простых иракцев, причем

в любое время. В дневнике Гертруда записала: «Те бесчисленные беседы, что я провожу ежедневно с этими джентльменами в тюрбанах, кажутся мне самым важным делом на свете». Она консультировала организацию и проведение первых в Ираке выборов, которые, впрочем, представляли собой фарс с заранее предрешенным исходом, составила текст первой иракской конституции. Снова взявшись за перо, Гертруда опубликовала «Обзор гражданской администрации Месопотамии».

Напряженная работа измотала ее и основательно подорвала ее здоровье. Душевные и физические силы ее постепенно покидали. Смелой, решительной женщине, которая провела всю свою жизнь в борьбе с трудностями, покорила опасную пустыню, служила в разведке, оказалось не под силу построение нации. Как-то она сказала своему отцу: «Можешь быть уверенным в одном: я больше никогда не буду участвовать в “создании” королей; это слишком тяжело». Говорят, что Фейсал охладел к ней и спал и видел отмену британского мандата в Ираке.

В 1925 году она съездила в Англию посоветоваться с врачами. Приговор был суров: на Восток ей возвращаться нельзя, тамошний климат для нее губителен. Отец тоже просил остаться. К тому времени благосостояние семьи Беллов пошатнулось из-за роста забастовочного движения и послевоенной экономической депрессии в Европе. Но Гертруда не собиралась погружаться в дела семейного бизнеса. Жить без Востока она уже не могла и собралась обратно в Багдад, заявив: «Восток вошел в меня настолько, что я уже не понимаю, где он, а где я сама». Ею овладела странная апатия, а затем депрессия. Она переболела тяжелым плевритом, а в начале 1926 года узнала, что ее младший брат Хьюго умер от тифа. Все это усилило депрессию. Впервые о своей реакции на смерть горячо любимого брата Хьюго она написала в письме родителям 10 февраля 1926 года:

«Дорогие мои папа и мама!

Я пишу вам с тяжелым сердцем. Вы уже поняли из моих писем, что я была вне Багдада, в Уре, когда пришла ваша телеграмма. Я нашла ее вчера днем, когда вернулась домой. В офисе я уже прочитала твое письмо, папа, от 27 января, которое ужасно меня обеспокоило, но оно заканчивалось на оптимистической ноте, и когда я увидела телеграмму, лежащую на моем столе, я подумала сразу, что там сообщается об определенном улучшении. Мои самые дорогие, настолько ужасно думать о том, через что вам пришлось пройти, и какое горе у вас теперь. Это то, что уничтожает все вокруг, и, независимо от того, что я могу сделать, оно прибывает, разя

как острый меч. Я не могу найти слов, чтобы написать. Я чувствую, как будто прошла через все это дважды, однажды, когда я думала, что он ушел и теперь, когда я знаю, что он ушел. Но даже при том, что это была такая долгая и ужасная борьба, я рада, что он увидел Вас и имел счастье быть с вами.

Бедная, бедная Фрэнсис (вдова Хьюго. – Б. С.). Я не пишу ей на этой неделе, но скажите ей, как я люблю и восхищаюсь ею, благодаря вашим письмам и тому одному письму, которое она написала мне. Я все же не понимаю этого с полной ясностью. После чувства уверенности, что он идет на поправку, это был такой внезапный удар, который оставляет после себя тупое чувство страдания и острой боли для вас обоих и для Фрэнсис. Интересно, находится ли она и два маленьких мальчика с вами, и я надеюсь, что это так.

Я только что снова прочла то письмо, которое Фрэнсис написала мне 6 января, и я должна написать ей, бедной, любимой. Я положу это письмо в письмо, адресованное вам, и вы пошлете его ей.

Неделя, когда я отсутствовала, кажется теперь вся стертой в памяти. Лайонел и я провели три очень приятных дня в Уре и остановились на обратном пути, чтобы выйти у большой насыпи Уарка (Урук). Мы взяли с собой мистера Легрэйна, очень очаровательного человека из экспедиции Ура, специалиста по клинописи. Мы остановились на день в Хиллахе (Але), собираясь пройти к Кишу, но на нас обрушился ливень, и пришлось удовлетвориться проведенным с пользой утром в Вавилоне, рассматривая вещи в Германском доме, которые должны быть увезены. Мы много читаем Данте в свободное время. Лайонел является самым непредсказуемым из путешественников и что он делает, когда он остается один, я не могу понять. Он никогда, как кажется, не делает никаких приготовлений к завтраку или других необходимых вещей такого рода. Он признал, что ему было гораздо более удобно, когда он путешествовал со мной и получал завтрак по первому требованию. Я потеряла Дж. М. Уилсона, с которым я обычно совершала эти туры, и чувствовала, что я теперь должна гораздо больше зависеть от самой себя, чем когда он был со мной. Когда придет время сортировать находки, я не думаю, что Лайонел будет мне очень полезен, а вот Дж. М. был в высшей степени полезен.

Дорогая мама, я собираюсь адресовать это письмо тебе. Я знаю теперь, как страшно беспокоилась ты, должно быть, когда писала мне такое ободряющее письмо 26 января. Именно так я теперь беспокоюсь о тебе и об отце.

Всегда любящая вас дочь Гертруда».

С чувством невосполнимой утраты от кончины брата Хьюго Гертруда прожила до самого конца.

Гертруда, среди прочих должностей, являвшаяся еще и почетным директором иракского департамента древностей, стала основательницей Национального музея Ирака. Она решила создать в Ираке настоящий археологический музей, и это стало последним свершением в ее жизни. Здесь пришлось преодолевать сопротивление большинства британских ученых, считавших, что правильнее вывозить все найденные древности в Европу. Гертруда доказывала, что археологические находки правильнее экспонировать в той стране, где они были найдены. И пожертвовала музею свою богатую коллекцию древностей. Это разумнее и с точки зрения сохранения культурного наследия, и с точки зрения интересов науки, поскольку те или иные артефакты оказывается гораздо проще сравнить с более древними или более молодыми, найденными в том же регионе. Благодаря ее стараниям удалось спасти многие древности Месопотамии, которые в противном случае украсили бы витрины европейских и американских музеев. Много времени и сил ушло на поиски подходящего здания, планирование помещений, подбор экспонатов. Гертруде удалось также основать фонд финансирования будущих раскопок в Ираке. Король помогал дорогой подруге и торжественно открыл музей. Он также поддержал созданную Гертрудой Британскую школу археологии в Ираке. После ее смерти по предложению Фейсала правое крыло музея было названо именем Гертруды Белл.

Сегодня, когда в Ираке и Сирии идет ожесточенная гражданская война, и исламисты уничтожают памятники античной и христианской культуры, концепция Гертруды выглядит не бесспорной. Вероятно, в музеях Европы и Америки артефакты Месопотамии и Сирии были бы куда сохраннее. Впрочем, никому не дано предвидеть будущего, тем более, почти на сто лет вперед.

На волне положительных эмоций, связанных с музейными делами, весной 1926 года ее болезни, казалось, на время отступили. Но внезапно вышел из берегов Тигр, и жарким багдадским летом Белл пришлось активно работать в Комитете помощи пострадавшим от наводнения. А эта нагрузка оказалась для нее роковой, наряду с периодическими приступами малярии. Гертруда настолько похудела, что выглядела почти что изможденной.

В 1924 году была принята иракская конституция, по которой

король получил право абсолютного вето на все законопроекты, право роспуска палаты депутатов и сената, смещения неугодных министров. Теперь он почти не обращался за советами к Гертруде, и это, по всей видимости, ее огорчало. Она все больше чувствовала себя никому не нужной. У нее не было ни детей, ни любимых, ни настоящего дела. Чтобы чем-то себя занять, она окунулась в хлопоты по созданию национального археологического музея.

25 июня 1926 года «некоронованную королеву Ирака» пригласили на торжество по случаю подписания тройственного договора между Турцией, Великобританией и Ираком. Договор был подписан в турецкой столице Анкаре 5 июня и завершил так называемый Мосульский конфликт, длившийся с момента окончания Первой мировой войны между Турцией, с одной стороны, и Англией и Ираком (с момента его образования) – с другой. Спор шел из-за богатого нефтью района Мосула, открытой там в конце XIX века. Однако только в 1912 году для разработки нефтяного месторождения в Мосуле была создана нефтяная компания «Теркиш петролиум Ко». Но из-за начала Первой мировой войны эта компания, контролировавшаяся английским капиталом, не успела начать работу. Интересно, что в 1916 году по соглашению Сайкс-Пико зона Мосула отходила к Франции, но в 1919 году англичане вынудили французов отказаться от Мосула взамен признания их прав на Сирию, где арабские повстанцы провозгласили своим правителем шарифа Мекки Хуссейна. По соглашению о перемирии, заключенному 30 октября 1918 года, контроль над этим районом передавался британским войскам, которые и заняли его в начале ноября. В момент заключения Мудросского перемирия в Ираке находилось 408 тысяч солдат и офицеров англо-индийской армии и около 400 орудий. В ходе боев на территории Ирака англо-индийская армия потеряла более 31,5 тысяч человек убитыми и около 66,5 тысяч ранеными. Точные потери турок неизвестны.

10 августа 1920 года в пригороде Парижа Севре был подписан мирный договор держав Антанты с Оттоманской империей. Он оставлял Мосул в сфере влияния Англии, но не определял точные границы между Турцией и Ираком, ставшим британской подмандатной территорией.

В Севрском договоре предусматривалось отделение Курдистана от Турции и возможность создания независимого государства (статьи 62 и 63). Была назначена англо-франко-итальянская комиссия для определения границ Курдистана и оговорена процедура предоставления «автономии», но не указано в рамках какого государства. Победа Турции

в войне с Грецией в 1922 году фактически похоронила Севрский договор, который был пересмотрен на Лозаннской конференции в 1923 году. Вопрос о независимости Курдистана был снят с повестки дня. 20 миллионов курдов остались в составе Турции (10 миллионов), Ирана (шесть миллионов), Ирака (три миллиона) и Сирии (один миллион).

Поскольку в Турции успешно развивалось национально-освободительное движение, возглавлявшееся героем Дарданелл Кемаль-пашей, султанское правительство, подписавшее Севрский договор, утратило власть, и договор фактически так и не вступил в силу. Правительство Кемаля-паши в Анкаре требовало сохранения за Турцией всех территорий в пределах границ, существовавших в момент заключения Мудросского перемирия 1918 года, включая вилайет Мосула. Политика правительства Турции в отношении Мосульского вилайета, как и других районов, населенных преимущественно курдами, нашла выражение в «Национальном обете», декларации независимости, принятой турецкой палатой депутатов в Стамбуле 28 января 1920 года и ставшей программным документом кемалистов. В его первой статье содержался отказ от каких-либо претензий в отношении бывших османских провинций с преобладающим арабским населением. С другой стороны, во второй статье данного документа провозглашался суверенитет Анкары в отношении бывших османских территорий, населенных не только турками, но и другими неарабскими этническими группами, к числу которых были отнесены, в первую очередь, курды. Для Турции Мосул был важен не только как нефтяной район, но и как стратегический ключ к Курдистану, который турки также хотели сохранить за собой. Англия же опасалась усиления Турции во главе с враждебным британским интересам правительством и не хотела, чтобы ему досталась нефть Мосула. На Лозаннской конференции 1922–1923 годов, посвященной пересмотру Севрского договора, соглашения по Мосулу достичь не удалось. Турки утверждали, что из 503 тысяч населения, не считая кочевников-бедуинов, 281 тысячу составляли курды, 146 тысяч – турки, 43 тысячи – арабы, 31 тысячу – немусульмане. Считая курдов нацией туранского происхождения, турецкие представители утверждали, что турецкая часть населения Мосула составляет 85 %. Англичане определяли население Мосула значительно большей величиной (785 тысяч человек) и совсем иначе оценивали его национальный состав. По мнению английской стороны, в Мосуле насчитывалось 454 тысяч курдов, 185 тысяч арабов, 65 тысяч турок, 62 тысячи христиан и 16 тысяч евреев. Курдов англичане считали народом иранского

происхождения. Таким образом, по их оценкам, турки составляли лишь 8,3 % всего населения Мосула. В результате, в статью 3 Лозаннского договора было включено положение о том, что «границы между Турцией и Ираком будут полюбовно определены между Турцией и Великобританией в девятимесячный срок. При отсутствии согласия спор будет внесен в Совет Лиги наций». Фактически это было победой англичан, так как в совете Лиге Наций доминировали державы Антанты, и можно было не сомневаться, что его решение будет не в пользу Турции.

После того как переговоры 1924 года в Стамбуле по мосульскому вопросу не принесли результатов, 10 августа 1924 года вопрос был передан на рассмотрение Лиги Наций. 29 октября 1924 года Совет Лиги Наций в Брюсселе вынес решение об установлении в качестве демаркационной линии между Ираком и Турцией так называемой «Брюссельской линии» – фактической границы, существовавшей на 24 июля 1923 года – день подписания Лозаннского мирного договора. Таким образом, Мосул оставался в пределах Ирака. Одновременно Совет Лиги наций образовал комиссию в составе представителей Швеции, Бельгии и Венгрии для изучения вопроса на месте. Доклад комиссии, заслушанный в октябре 1925 года, носил двойственный характер. В нем признавалось, что население Мосула, состоящее преимущественно из курдов, предпочитает не присоединяться ни к одной из сторон. Там также отмечалось, что у Ирака нет никаких юридических прав на Мосул. Однако комиссия вместе с тем, исходя из «потребностей нормального развития» Ирака, рекомендовала в случае оставления на последующие 25 лет мандата Лиги наций над Ираком, присоединить Мосул к Ираку. Гертруда Белл рекомендовала именно такое решение.

Турция отказалась признать обязательным арбитраж Лиги наций, последняя запросила Гаагский трибунал выяснить, устанавливает ли Лозаннский договор обязательную силу за решением Совета Лиги наций по мосульскому вопросу для обеих сторон. Постановление Гаагского трибунала признало обязательным это решение. Турция, заявив об отклонении обязательного арбитража, все же послала вновь свою делегацию в Женеву. Между тем, в феврале 1925 года в Турции началось восстание курдов под руководством шейха накшбенди Саида, которое, правда, турецким властям удалось достаточно быстро подавить. Кемаль был уверен, что Лондон спровоцировал восстание курдов, чтобы показать Лиге Наций, что курды не хотят турецкого суверенитета в Мосуле, и что только Англия должна

контролировать этот регион. Он не оставлял надежд возвратить Турции часть из османского наследства. После победы над греками в 1922 году он заявил в интервью газете «Фигаро»: «Мы требуем себе все территории, которые пока остались вне нашего контроля и которые являются чисто турецкими». На просьбу уточнить, о каких именно турецких землях идет речь, турецкий лидер ответил: «Фракия до Стамбула и Марицы, Анатолия, район Мосула и половина Ирака».

Даже после достижения соглашения о Мосуле Кемаль не оставлял своих претензий. Так, уже после смерти Белл, в сентябре 1932 года в беседе с американским генералом МакАртуром в Анкаре он подтвердил: «Даст Бог, если буду живым, Мосул, Киркук и Острова Эгейского моря возьму обратно». Но этой мечте не суждено было сбыться.

16 декабря 1925 года Совет Лиги наций вынес решение, устанавливающее границу между Турцией и Ираком в основном по Брюссельской линии. Англии был дан шестимесячный срок для заявления о своем согласии продлить мандат на Ирак на 25 лет и предлагалось заключить с Турцией соглашение об экономических отношениях и о статусе Мосула. Привлекательная возможность включения Мосула в состав Ирака склонила даже наиболее крайних противников британского господства на продление английского мандата сроком на 25 лет, о чем и был подписан (13 января 1926 года) соответствующий англо-иракский договор.

Уступая давлению западных держав, турецкое правительство фактически капитулировало. Турки хотя и заявляли устами Кемаля, что, «если Турция будет вызвана на бой, она сумеет поднять перчатку», и не скрывали концентрации своих войск на границе, но вести войну из-за Мосула были не в состоянии. Не рискуя ввязываться в новый вооруженный конфликт, Кемаль санкционировал отказ от Мосула. Под давлением западных держав Турция подписала договор 5 июня 1926 года. Он предусматривал, в частности, что «турецкие и иракские власти откажутся от всяких сношений, имеющих официальный или дипломатический характер, с главарями, шейхами или иными членами племен, гражданами другого государства, находящимися в данное время на территории другого государства. Они не будут терпеть в пределах пограничной зоны каких-либо организаций пропаганды или собраний, направленных против одного из обоих государств». Иракское правительство обязалось в течение 20 лет уплачивать Турции 10 процентов доходов от добычи нефти в Мосульском нефтеносном районе. Граница прошла в основном

по Брюссельской линии с небольшими коррективами в пользу Турции. Мосул остался в Ираке. Вместо 10-процентной доли нефтяных доходов Турция могла получить единовременную денежную компенсацию в 500 тысяч фунтов стерлингов.

Вынужденный отказ от Мосула до сих пор оценивается многими турецкими историками и публицистами как крупнейшая территориальная и экономическая потеря Турции. Тем самым Турция лишилась возможности стать крупной нефтедобывающей страной. Сегодня она обеспечивает свои растущие потребности в нефти за счет внутренних ресурсов лишь на 10–15 %, причем из региона, находящегося в непосредственной близости от Мосула и Киркука – главных нефтяных месторождений, оставшихся в Ираке.

Британская дипломатия, и Белл в том числе, достаточно хитроумно связала вопрос о Мосуле с продлением британского мандата на Ирак. Тем самым временно была притушена оппозиция этому мандату в Ираке.

Июньское соглашение справедливо рассматривалось как победа Англии и Ирака. Поэтому столь пышными были торжества в Багдаде. Но, несмотря на веселье, царившее на банкете, присутствующие отметили: сподвижница монарха была явно в дурном расположении духа. Торжество ее не радовало. Гости заметили отсутствующий взгляд Гертруды, и с этого дня она больше никого не принимала.

Гертруда Белл скончалась 12 июля 1926 года, два дня не дожив до своего 58-летия. Утром этого дня она не вышла из своей спальни в обычный час. Слуги нашли ее мертвой в постели. На столике лежали пустой пузырек из-под снотворного и книга стихов Хафиза, открытая на последней странице: «Мир – красавица невеста, // за нее калым велик: жизнью выкуп платит каждый, // кто посватался всерьез…» Это был намек на самоубийство. Рядом с Гертрудой обнаружили пустой пузырек из-под снотворного, смертельную дозу которого она приняла. Никакой предсмертной записки Гертруда Белл не оставила. Скорее всего, это было самоубийство. Впрочем некоторые исследователи допускают, что Гертруда случайно допустила передозировку таблеток, поскольку накануне просила горничную утром разбудить ее.

Вот два ее последних письма мачехе и отцу, оба датированных 7 июля 1926 года:

«Дражайшая мама!

Какая очаровательная фотография тебя и маленьких мальчиков. Они любимчики. Не правда ли, старший очень похож

на Хьюго? На этой фотографии я вижу большое сходство. Дорогая, это должна быть больно, но также и радостно тебе быть с ними.

Я так рада, что тебе нравятся фотографии моего музея, и когда, в свою очередь, ты вышлешь мне текст для постановки? Я так хочу его прочесть. Я хотела бы, чтобы были готовы фотографии верхних комнат, но они еще в беспорядке – однако, не в таком беспорядке, как раньше. Большинство объектов удалось хотя бы вчерне классифицировать и они готовы для упаковки в ящики (несомненно, речь идет об экспонатах для музея. – Б. С.). Но расставлять ящики очень трудно. Даже два крошечных, которые я сделала до сих пор, потребовали огромной мыслительной работы и перестановок. А затем еще написание ярлыков! К счастью, мой арабский клерк пишет их красиво, так что я только должна дать ему список того, что должно отправиться в каждом ящике и оставить его делать это в оставшееся время утром, пока я в офисе.

Звенит звонок на обед, и мне отчаянно необходимо немного ледяной газированной воды.

Ваша очень ласковая дочь Гертруда».

А вот второе, более пространное письмо отцу:

«Дорогой папа!

Первое твое письмо от 23 июня – спасибо за картину Киппена; она выглядит очень привлекательно. Также спасибо за прекрасное письмо в «Таймс» 24 июня. И я не думаю, что я говорила тебе, что я прочла адрес Института железа и стали, но не получила от этого большого удовольствия. График, который он приводит, вызывает уныние. Я считать, что отмена законопроекта о семичасовом рабочем дне даст тебе свободу действий, и я хотела бы узнать, примет ли достаточно значительное число людей условия, предлагаемые собственниками. Экстравагантный язык лидеров лейбористов вызывает ощущение, что они боятся, что их побьют. Я надеюсь, что это так.

Было очень хорошо, что девочки думали, что ты выглядишь более оживленно, чем они ожидали, будь здоров.

Я ужасно боюсь, что твое следующее письмо сообщит мне, что Эрик умер. Я не написала Бланш, потому что когда между письмами проходит десять дней, никто не знает, что может случиться в этом интервале.

У меня был прощальный пикник с Джойсами в воскресенье, их отъезд был отсрочен. Это был довольно прохладный вечер – температура снова упала – и мы наслаждались этим. Кен,

его коллега, майор Вильсон (милое создание) и я поднялись первыми и пошли купаться, а Джойсы присоединились к нам за ужином. Все мы вернулись на моторной лодке.

Утром было очень жарко в Музее, но мы теперь переместились в северную комнату и наслаждаемся здесь сравнительным комфортом с помощью кондиционера. Мы можем работать там вполне комфортно без кондиционера в будние дни, когда мы уезжаем в 8.30, но по воскресеньям, когда мы остаемся до часа, необходимо иметь прохладную комнату. Я получила несколько стандартных ящиков и надеюсь иметь опломбированный ящик на этой неделе. Но есть еще многое, чему нужно учиться; все время обнаруживаешь, что вещи не вполне удовлетворяют своему назначению, и их приходится улучшать. Однако и мы и плотники постепенно учимся. С. Л. Харнет очень полезен. Сегодня утром он сделал несколько прекрасных небольших стендов из витого провода для тяжелых резных каменных ваз.

Перси Лорэн был здесь в понедельник по пути домой. Ему очень жаль покидать Персию, где он пробыл четыре года и достиг больших успехов. Я не уверена, однако, что сейчас подходящий момент для его отъезда. Он поместил деньги в банк Шах Риза – действительно, единственную лошадь, на которую можно поставить; но счета Персии находятся в тревожном состоянии, гражданская администрация ужасно плоха, коррупция растет, неоплаченная армия и живущая в сельской местности, и также бунтующая. Банк «Шах Риза» может быть, а может не быть в хорошем состоянии; если он не будет, то это создаст еще худший хаос. Но, во всяком случае, это дело очень сложное.

Сэр Генри дал довольно приятный званый обед для Перси. Позднее у него побывали несколько российских балерин впоследствии, и мы сидели в большом прохладном зале для игры в мяч смотря за их выступлением и чувствуя себя совершенно приобщенными к цивилизации! Я люблю навещать Перси; он очень преданный друг.

Илтид прибыл вчера из Мосула на несколько дней, к моей большой радости. Сегодня днем он пришел к нам поплавать, хорошее дополнение к нашей компании. Военное министерство продлило ему командировку еще на год, и это, вероятно, закончится разрешением ему остаться еще дольше, поскольку он очень востребован. Он чрезвычайно полезный человек.

У меня очень много дел по утрам, очень много депеш надо отправить и очень много вещей сделать. С сэром Генри восхитительно работать, но он очень осторожен в деталях, и каждый должен быть очень внимателен при выполнении своей

работы. Его собственная работа, я думаю замечательна.

Дорогой, я должна остановиться. Лето не способствует написанию очень длинных писем.

Твоя любящая дочь Гертруда».

Казалось бы, эти последние письма достаточно оптимистичны, и почти ничто не предвещает депрессии и последующей трагедии. Только вот проскальзывает боязнь получить из дома новое известие о смерти кого-либо из близких. Да еще жалобы на жару. А в свете последующего самоубийства весьма лестные характеристики Коксу и Клейтону, данные в письме отцу, выглядят как заочная благодарность и прощание со своими любимыми начальниками. А с отцом и мачехой, заменившей ей мать, она решила не прощаться, чтобы заранее их не тревожить и не огорчать. Пусть верят, что ее смерть – всего лишь несчастный случай.

Гертруду Белл похоронили на британском кладбище в багдадском районе Баб-аль-Шарджи. Ее похороны превратились в значимое общественное событие. Их посетили многие официальные лица, включая высших британских чиновников и короля Ирака. Фейсал наблюдал за процессией со своего личного балкона. Витраж, посвященный ее памяти, изготовленный художником Дугласом Стреченом, был воздвигнут в церкви Святого Лаврентия, в Ист Роунтон, Северный Йоркшир. На нем изображены Магдален колледж в Оксфорде и мавзолей Хадимаин в Багдаде. Надпись гласит: «Этот витраж в память о Гертруде, сведущей в изучении Востока и Запада, слуге государства, ученом, поэте, историке, хранителе древностей, альпинисте, любителе природы, цветов и животных, несравненной подруге, сестре, дочери».

В одном из некрологов говорилось, что Гертруда Белл была «одной из немногих представителей правительства Его Величества, которого арабы вспоминают с чувством, похожим на любовь». А в другом некрологе, напечатанном Дэвидом Хогартом в «Географическом журнале» в Лондоне, о мисс Белл говорилось следующее: «Ни одной из современных женщин не удалось так ярко сочетать свои достоинства – любовь к опасным приключениям, научные интересы и знания, компетентность в археологии и искусстве, литературный талант, симпатию к людям любого сословия. Политическая проницательность Гертруды Белл, ее понимание общечеловеческих ценностей, мужская энергия, жесткий здравый смысл и практическая эффективность были закалены ее женским очарованием и присущим ей духом романтики».

В чем-то, можно сказать, ей повезло, что она ушла сравнительно рано. Проживи Гертруда еще лет двадцать с небольшим, и она увидела бы тяжелые поражения Англии в первые годы Второй мировой войны, ее закат как мировой державы и последовавший после окончания войны распад Британской империи, который было уже не остановить. А ведь Гертруда всю свою жизнь посвятила укреплению и расширению империи. И, может быть, предчувствуя ее скорый крах, предпочла добровольно уйти из жизни, чтобы не видеть, как рушится здание, к строительству которого она приложила столько сил. Гертруда говорила под конец жизни об иракцах: «Никто не знает точно, чего они хотят, и меньше всех они это знают сами, за исключением того, что они твердо знают, что не хотят нас». А по мнению Лоуренса Аравийского, высказанному в некрологе, Гертруда «плохо разбиралась в людях и ситуациях».

Почему Гертруда Белл покончила с собой? Или все-таки не покончила? Думаю, что она осознала, что ее жизнь к лету 1926 года была полностью исчерпана. Гертруда выполнила все задачи, которые поставила себе на своем жизненном пути. Она повидала чуть ли не весь мир, а арабские страны исколесила верхом на верблюде буквально вдоль и поперек. Она раскопала древности великих цивилизаций, но, что еще важнее, она сама творила современную историю, помогая определять границы новых арабских государств и играя важнейшую роль в строительстве государственности в одном из них – в Ираке. К 1926 году Иракское государство было построено и, по сравнению с началом 20-х годов, казалось достаточно стабильным. После решения Мосульской проблемы все границы Ирака были окончательно определены и международно признаны. Фейсал с помощью британских советников создал политическую систему с марионеточным парламентом, которая по форме была конституционной монархией, но по сути представляла собой режим личной власти короля, однако существеннно ограниченный режимом британского мандата. На практике Фейсал не имел самостоятельности ни во внешней политике, ни в военных делах. В стране присутствовали британские войска, и без британской поддержки гарантировать сохранение власти хашимитской династии оказалось бы под большим вопросом. Фейсал, в отличие от своего старшего брата Абдаллы в Иордании, так и не смог найти надежную опору в иракском обществе, что в дальнейшем самым трагическим образом сказалось на судьбе его наследников. Тем не менее, король уже почти не советовался с Гертрудой, и она все больше ощущала свою ненужность и невостребованность, а созданное при ее помощи

Иракское государство оказалось слишком далеким от чаемого идеала, в котором должны были органически соединиться арабские племенные традиции, ценности ислама и британский парламентаризм. Оказалось, что британские демократические ценности на иракской почве не приживаются, и эволюция нового государства шла не по линии расширения свобод и прогресса цивилизации, как надеялась Гертруда, а наоборот, по линии укрепления личной, ничем не ограниченной власти короля и его окружения, в котором все большую роль играл «сильный человек» – Нури Саид. Гертруда все это видела. Справедливости ради надо сказать, что Гертруда Белл вовсе не была единственным и главным создателем современного Ирака, как представляют дело некоторые ее биографы. Нет, ничуть не меньшую, а даже большую роль, в том числе по своим должностям и положению, сыграли и Перси Кокс, и Генри Крейг, и Томас Лоуренс, который был все-таки гораздо ближе к Фейсалу, в том числе по опыту совместных боев, чем Гертруда. Да и сам Уинстон Черчилль сыграл в определении будущего Ирака далеко не последнюю роль.

Надо также сказать, что в конечном счете создание Иракского королевства стало своеобразным паллиативом, позволившим Англии удержать свое влияние в этой стратегически важной стране в межвоенный период и в годы Второй мировой войны. Однако паллиатив и есть паллиатив. Когда после Второй мировой войны Британская империя начала распадаться, и Англия утратила свое влияние на Ближнем Востоке, уступив его США, СССР и местным национальным силам, тесно связанная с Британской империей иракская монархия была обречена. Возможно, Гертруда раньше других почувствовала недолговечность возведенного при ее активном участии здания. Ведь основательное знакомство с древними цивилизациями приучило ее мыслить веками, а не десятилетиями. Разочарование в современном Ираке могло стать одной из причин ее депрессии. А, быть может, она почувствовала начавшейся закат Британской империи и боялась, что ей придется присутствовать при ее крушении. Ведь Гертруда, если бы не ее смерть в Багдаде за два дня до собственного 58-летия, вполне могла бы дожить до Второй мировой войны и даже пережить ее. А так она не успела увидеть тех тяжелых поражений, которые британские войска понесли в начале Второй мировой войны. Более того, теоретически она могла бы дожить и до иракской революции 1958 года, истребившей хашимитскую династию. Правда, тогда бы ей было уже 90 лет. Революция совершилась как раз в ее день рождения. Наверное, можно было бы надеяться, что, в отличие от ее друга

Нури Саида, восставшие военные пощадили бы старушку, которая неизменно пользовалась уважением в иракском обществе, вне зависимости от ее связей с королевской семьей. Хотя в суматохе революционного насилия она вполне могла бы стать и случайной жертвой. Но до краха дела своей жизни Гертруда, к счастью, не дожила.

Другим ее детищем стал Багдадский музей, крупнейший в арабском мире. Он также пострадал в последующих перипетиях бурной иракской истории. После падения Саддама Хуссейна он был в значительной мере разграблен восставшей толпой. Но тогда, летом 1926-го, основные работы по созданию экспозиции были уже закончены, хотя пополнением экспозиции Гертруда занималась буквально до последних дней своей жизни. Но она чувствовало, что и это дело ее жизни практически завершено, и можно оставить его на попечение новых поколений.

Главной страстью ее жизни все-таки была не политика, а пространство, и особенно пустыня. А в последние годы ее политико-дипломатическая деятельность и в еще большей мере подступившие к старости болезни не позволяли совершать длительные походы по пустыни, как прежде. Приходилось ограничиваться короткими экспедициями на места раскопок в Месопотамии, которые все больше напоминали туристические экскурсии. Багдадское высшее общество, состоявшее из британских дипломатов, военных и советников и иракской элиты, постепенно усваивавшей европейские языки и манеры, ей наскучило, и она все реже появлялась в свете. Не исключено, что очередной день рождения стал еще одним толчком к роковому шагу. Гертруда, возможно, боялась, что в этот день придется собирать у себя общество, принимать подарки и поздравления, выслушивать дежурные речи и давать на них дежурные ответы. Поэтому она предпочла уйти из жизни в самый канун этого события, так как вынести официальные торжества было бы выше ее сил.

Благодаря своей любви к пустыне она вынуждены была пожертвовать обычной человеческой любовью. У Гертруды никогда не было мужа, семьи, детей. Она не знала домашнего уюта. А жизнь в доме на берегу Тигра в одиночестве, которое скрашивали только слуги да все более редкие гости, ее все больше тяготила. Да и любви в ее жизни было до обидного мало. Мы знаем только о двух мужчинах, которых она по-настоящему любила и которые любили ее. Это Генри Кадоген и Чарльз Даутти-Уайли. Однако оба романа оказались весьма кратковременными, поскольку оба мужчины рано ушли из жизни. О других любовниках Гертруды мы даже не знаем точно,

были ли они. Любовь явно не занимала в жизни Гертруды большого места. Страсть к путешествиям по Ближнему Востоку была куда сильнее. А одиночество и невозможность заниматься на старости лет, судя по всему, подтолкнули нашу героиню добровольно уйти из жизни. Или это все-таки был несчастный случай? Возможно, окончательного ответа на этот вопрос так никогда и не будет найдено.

Спустя год после ее смерти, в 1927 году, письма Гертруды Белл в двух томах были опубликованы ее мачехой. Они охватывали 20 лет, предшествовавшие Первой мировой войне. Флоренс Эвелин Элеанор Белл, урожденная Олайф, скончалась в возрасте 78 лет 16 мая 1930 года. Отец Гертруды также пережил свою дочь. Баронет Хьюго Белл скончался 29 июня 1931 года в возрасте 87 лет. А брат Гертруды Морис умер 17 ноября 1944 года в возрасте 73 лет. Он был профессиональным военным, участвовал в Первой мировой войне и был тяжело ранен. Две сестры Гертруды прожили еще более долгую жизнь. Флоренс Эльза Ричмонд умерла 3 мая 1971 года в возрасте 91 года, а Мэри Кэтрин Тревельян – 8 октября 1966 года, в возрасте 84 лет. Возможно, и Гертруда прожила бы долгую и счастливую жизнь, если бы только не ее страсть к путешествиям, невозможность устроить личную жизнь, нездоровый для европейцев континентальный тропический климат Ирака, с 50-градусной жарой и пыльными бурями, и болезни, физические и душевные.

Документы, оставшиеся после «королевы пустыни», включают около 1600 писем родителям, и 16 томов дневников, которые она сохранила за время своих переездов, а также 40 различных статей. Наследие Гертруды Белл включает также около семи тысяч фотографий, сделанных ею в период с 1900 по 1918 год. Фотоснимки ближневосточных археологических раскопок имеют исключительно большую ценность, так как на них запечатлены многие постройки, которые впоследствии были разрушены, а в некоторых случаях полностью уничтожены и исчезли с лица земли.

В начале XXI века в Ираке все еще помнят Гертруду Белл. Британский дипломат, путешественник и член парламента от Консервативной партии Рори Стюарт писал в 2007 году: «Когда я служил британским чиновником в Южном Ираке в 2003 году, я часто слышал, как иракцы сравнивали моих коллег женского пола с Гертрудой Белл. Это была непреднамеренная лесть, и пример с Гертрудой Белл и ее коллегами был неподходящим. Более десятка биографий рисовали ее как идеального арабиста, политического аналитика и администратора». По словам

Стюарта, Белл была «более живой и более честной», чем политики в наше время. Оценивая ее деятельность в Ираке, он утверждал: «Если даже принять тезис о том, что нет идеального решения иракской проблемы, однако по-прежнему существуют очевидные неточности в решениях, которые предложила Белл. Она никогда не должна была молчаливо соглашаться с включением провинции Мосул, где преобладают курды, в состав Ирака». Вместе с тем, британский парламентарий похвалил ее белую книгу 1920 года, сравнив ее с докладом генерала Петреуса Конгрессу США. В Ираке Гертруду до сих пор называют просто «Мисс Белл» и сохраняют уважение к ее роли в создании современного Иракского государства.

В 1932 году, после завершения британского мандата, Ирак получил формальную независимость и вступил в Лигу Наций, но фактически Англия сохранила контроль над его внутренней и внешней политикой. Вскоре после этого, 8 сентября 1933 года, скончался король Фейсал I, которому было всего 50 лет. Его внезапная кончина в Швейцарии от острой сердечной недостаточности породила вопросы, не помогли ли ему преждевременно покинуть этот мир англичане, для которых он был все-таки слишком самостоятельным, или, что вернее, Нури Саид при молчаливом одобрении англичан. Вторым королем Ирака стал сын Фейсала Гази, которому в тот момент был только 21 год. Но он правил недолго. 4 апреля 1939 года король Гази погиб в автомобильной катастрофе, после того, как призвал к вторжению иракской армии в Кувейт. Его машина в Багдаде врезалась в фонарный столб. И на этот раз в смерти Гази подозревали Нури Саида и англичан. Надо сказать, что в правление Гази на авансцену вышла иракская армия, где сильны были националистические настроения, несмотря на работу британских инструкторов, а, возможно, и благодаря тем неприязненным чувствам, которые испытывали к чужеземцам иракские офицеры в период с 1936 по 1941 годы иракская армия последовательно осуществила пять попыток государственного переворота, последний из которых принес ей кратковременный успех.

А сын Гази и внук Фейсала I и сын Гази Фейсал II, ставший последним королем Ирака в возрасте трех лет, кончил трагически. Страной он фактически никогда не правил, даже когда достиг совершеннолетия в 1953 году. Фактическая власть оставалась у регента Абд аль-Илаха, сына и наследника короля Хиджаза Али ибн Хусейна, и премьер-министра Нури Саида, а также у британского посла в Багдаде, хотя британские войска и были выведены из Ирака осенью 1947 года. Во время его

номинального правления, 1 апреля 1941 года, произошел первый в истории Ирака военный переворот. Прогермански настроенный экс-премьер-министр Ирака Рашид Али аль-Гайлани, вдохновленный успехами держав Оси, изгнал пробритански настроенного премьера Нури аль-Саида и при поддержке иракских военных сместил Абд аль-Илаха с поста регента. Иракская армия контролировала всю территорию страны, кроме британских военных баз. Премьер Англии Уинстон Черчилль, понимавший стратегическое значение Ирака, распорядился отправить туда три британские пехотные бригады, которые ранее предназначались для усиления группировки в Малайе. Когда британский посол в Ираке уведомил Рашида Али аль-Гайлани, что 30 апреля в Басру прибудут новые транспорты, тот сказал, что не может разрешить никаких новых высадок, пока войска, уже находящиеся в Басре, не последуют через порт. Англичане на это возражение проигнорировали, и Гайлани, переоценив слабость англичан, открыл против них боевые действия. Он надеялся на помощь Германии и Италии. 1 мая Черчилль предоставил послу сэру Кинахану Корнуолису свободу действий, напутствовав его словами: «Если потребуется ударить, бейте сильно. Используйте всю необходимую силу». Утром 2 мая британские ВВС 33 самолетами с базы Хаббания и восемью самолетами из Шайбы нанесли удар по иракским войскам, осадившим Хаббанию. Также были нанесены удары по аэродромам иракских ВВС (на земле были уничтожены 22 самолета), по железнодорожным станциям и другим объектам. Эти налеты стали неожиданностью для иракского командование, которое не думало, что англичане вступят в бой, учитывая полную незащищенность Хаббании с суши. В ответ на налет Великий Муфтий Багдада объявил джихад Англии. Гайлани надеялся, что германо-итальянские войска придут ему на помощь, в том числе и через территорию Сирии и Ливана, где сохранялась администрация вишистской Франции, зависимой от держав Оси. В начале мая в Мосул прибыли германские и итальянские самолеты с вооружением и боеприпасами. Всего с 9 по 31 мая на сирийские аэродромы прибыли около 100 немецких и 20 итальянских самолетов через территорию Сирии. 13 мая первый эшелон с военными грузами из Сирии прибыл в Мосул через Турцию, доставив 15,5 тысяч винтовок, шесть миллионов патронов, 200 пулеметов с 900 сменными патронными лентами, четыре 75-мм полевых орудия с 10 тысячами снарядов. Еще два эшелона прибыли 26 и 28 мая, при этом помимо прочего были поставлены 155-мм орудия шесть тысяч снарядов, 354 пулемета, 30 тысяч гранат и 32 грузовика. Но все это не спасло иракскую

армию. Люфтваффе в Ираке понесли тяжелые потери, в значительной мере небоевые – из-за отсутствия запчастей и качества топлива. 27 мая на помощь немцам в Мосул прибыли 12 итальянских самолетов Fiat CR.42 Falco. 28 мая в строю у немцев осталось всего два исправных Хейнкеля-111 и всего четыре бомбы в запасе. 29 мая германская военная миссия покинула Ирак. 27 мая началось британское наступление на Багдад, и 31 мая город сдался. Гайлани бежал в Германию, а Абд аль-Илах вернулся в Багдад.

14 июля 1958 года восставшие иракские офицеры во главе с бригадным генералом Абдель Керимом Касемом и полковником Абдулом Саламом Арефом свергли Хашимитскую монархию в Ираке. Фейсал II и все члены королевской семьи, кроме тяжело раненой супруги наследного принца – принцессы Хайям были расстреляны без суда. Также без суда революционеры на следующий день убили и Нури Саида. Бедняге Фейсалу II повезло лишь в том, что над его трупом не стали глумится, а всего лишь выставили перед дворцом на всеобщее обозрение, а потом тайно захоронили. Обнаженный труп 45-летнего наследного принца Абд аль-Илаха, например, протащили по улицам Багдада. Вот как это описал пластический хирург доктор Ала Башир, ставший впоследствии личным врачом диктатора Саддама Хусейна: «У дворца валялся обнаженный труп Абд аль-Илаха. Толпа раздобыла веревку, кто-то подогнал небольшой грузовой автомобиль. Тело привязали к грузовику и поволокли по улицам под глумливые крики. Поездка мертвеца закончилась на площади Мучеников в центре города. Мы с братом влились в огромную кричащую толпу, которая тянулась за машиной. На площади труп Абд аль-Илаха был повешен на фонарном столбе, а затем его разделали, как тушу на бойне». Памятник основателю королевской династии Фейсалу I ликующая толпа сбросила в Тигр. Дома нескольких министров и британское посольство были сожжены. Но дом Гертруды Белл не тронули. После этого британское влияние в Ираке было сведено к нулю. Фактически тот Ирак, который создавала Гертруда, был разрушен революцией 14 июля и исчез навсегда. Но она счастливо не дожила до краха возведенного ей здания. Правда, в новом Ираке стабильности стало ничуть не больше. В феврале 1963 года генерал Касем был свергнут в результате военного переворота и казнен. К власти пришла Партия арабского социалистического возрождения (БААС). Но уже в ноябре 1963 года партия БААС была отстранена от власти в результате нового военного переворота, совершенного президентом, Абдулом Саламом Арефом, а многие ее лидеры

арестованы. Ареф погиб в авиакатастрофе в апреле 1966 года (внезапные смерти были среди правителей Ирака делом обычным), а в июле 1968 года в результате очередного военного переворота к власти вернулась партия БААС (такая же партия до сих пор существует в Сирии, где ее возглавляет президент Башар Асад). В июле 1979 году один из ее руководителей Саддам Хусейн отстранил от власти президента Ахмеда Хасана аль-Бакра «по состоянию здоровья» и установил режим личной диктатуры. Ходили слухи, что в 1982 году Ахмед Хасан аль-Бакр умер не без помощи Саддама Хусейна. Как известно, последний был свергнут войсками возглавляемой США международной коалиции в апреле 2003 года. Но стабильность не наступила и после этого, и с тех пор в Ираке идет гражданская война, результатом которой стал фактический раскол страны, что нашло свою кульминацию в образовании в 2013 году фундаметалистского и террористического Исламского государства, включившего в свой состав половину Сирии и северные районы Ирака, населенные арабами-суннитами. Надо также подчеркнуть, что за все время иракской независимости с разной степенью интенсивности шла вооруженная борьба в Иракском Курдистане, который достаточно условно контролировался правительством в Багдаде. Саддаму Хусейну же приходилось жестоко подавлять восстания курдов и шиитов, с использованием отравляющих веществ и десятками тысяч погибших. Но, разумеется, всех этих трагических последствий Гертруда Белл предвидеть не могла.

Сейчас, задним числом, когда мы знаем, как именно пошла история Ирака, Сирии и других ближневосточных стран в XX и в начале XXI века, можно сказать, что предложенное Гертрудой Белл начертание границ Иракского государства оказалось далеко не идеальным. С точки зрения сегодняшнего дня, после Первой мировой войны территориальное размежевание на Ближнем Востоке стоило бы провести следующим образом. На северной части территории Ирака, населенной арабами-суннитами, и на основной части территории нынешней Сирии, исключая прибрежный район, также населенной арабами-суннитами, многие племена которых родственны иракским племенам, следовало бы создать единое государство под Британским протекторатом со столицей в Дамаске и под условным наименованием Великая Сирия. Кстати, тогда бы не пришлось изгонять короля Фейсала из Дамаска. Прибрежную часть Сирии со значительным христианским арабским населением, а также с основным ареалом обитания приверженцев секты алавитов, к которым сунниты относятся чрезвычайно враждебно, вместе с Ливаном надо было бы отдать под мандат Франции

с перспективой образования из этих территорий в будущем единого государства Великий Ливан. Остальную же часть арабского Ирака (южную и центральную), населенную преимущественно арабами-шиитами, надо было бы превратить в государство под условным названием Малый Ирак со столицей в Багдаде и также отдать под британский мандат.

Наиболее сложным в любом случае было бы решение курдского вопроса. Идеальным решением представлялось бы создание единого Курдского государства в качестве независимого или под французским или британским мандатом, с включением туда, как минимум, всех курдских территорий Османской империи, а при возможности – и Иранского Курдистана. Однако вследствие победы кемалистской Турции над Грецией отнять у значительно усилившегося вчерашнего врага его часть Курдистана уже не представлялось возможным. Однако создание единого Курдского автономного района из курдских территорий нынешних Сирии и Ирака и включение его в состав Великой Сирии несколько снизило бы остроту курдского вопроса в регионе.

При таком территориальном размежевании в каждом из новых государств минимизировались межрелигиозные и межэтнические противоречия. Арабско-курдские противоречия никуда бы не делись, но зато и в Великой Сирии, и в Ираке население было бы более или менее однородным в религиозном отношении. В Великом Ливане был бы гораздо более сложный этно-конфессиональный состав населения, но в принципе он был бы ненамного сложнее, чем в нынешнем Ливане. При этом Великая Сирия в качестве базы для экономического роста могла бы опираться на северные нефтяные месторождения нынешнего Ирака, а Малый Ирак – на южные нефтяные месторождения нынешнего Ирака в районе Персидского залива. Правда, эти последние месторождения были открыты только в 1950-е годы, но предлагаемое здесь территориальное размежевание, по всей видимости, стимулировало бы их более раннее выявление. А такие государственные образования, как Великая Сирия, состоявшая бы из примерно тех же территорий, на которые сейчас претендует Исламское государство, и Малый Ирак наверняка отличались бы гораздо большей политической стабильностью, чем реально созданные Сирия и Ирак, и эта стабильность стоило бы гораздо меньшей крови, чем было на самом деле пролито в современной сирийской и иракской истории. В качестве примера политической стабильности, достигнутой благодаря относительной религиозной однородности населения, можно привести

Трансиорданию (ныне – Иорданию), к созданию которой Гертруда Белл также была причастна. Несмотря на все сложности ряда вооруженных конфликтов с Израилем и палестинцами, в этой стране, где арабы-сунниты составляют более 90 % населения, Хашимитская династия благополучно правит и в наши дни, а иорданская армия, созданная на основе британского Арабского легиона, является наиболее боеспособной и подготовленной среди армий всех арабских государств.

Гертруда Белл, повторим, обо всех межрелигиозных и межэтнических противоречиях в Арабском регионе знала, наверное, лучше нас. Но в духе европейской просветительской традиции XVIII–XX веков искренне верила, что религиозные и национальные различия будут играть все меньшую роль в жизни людей, что в новых государствах, созданных после Первой мировой войны, постепенно сложатся политические нации, которые объединят представителей различных этносов и религий. Но реальность конца XX и начала XXI века, по крайней мере, применительно к Ближнему Востоку, да и к целому ряду других регионов мира, оказалась прямо противоположной этим ожиданиям.

«Королева пустыни»

6 февраля 2015 года на кинофестивале «Берлинале» германский режиссер Вернер Херцог представил на Берлинском фестивале эпический фильм-биографию о Гертруде Белл под названием «Королева пустыни». Премьера вызвала интерес зрителей, но сопровождалась неприятием со стороны многих критиков. Фильм не был обделен вниманием публики и критиков. До этого Херцог не снимал художественные фильмы целых пять лет, с 2009 года, когда появился «Мой сын, мой сын, что ты наделал», основанный на трагической истории американского Марка Яворского, жестоко убившего свою мать. Этот фильм вызвал достаточно противоречивые отзывы, и все с нетерпением ждали нового эпического байопика. В «Королеве пустыни» в результате длительного кастинга собрался, наверное, самый звездный состав из всех, что когда-либо был в картинах Херцога. В этом фильме сошлись традиционные для Херцога мотивы – аборигены, туземцы, жители областей Земли, которых еще не коснулась цивилизация, и харизматическая личность, одержимая идеями, которые окружающим кажутся безумными. По словам Херцога, новый фильм – это «фантастическая история о фантастическом человеке – Гертруде Белл».

Это история женщины, не похожей на других женщин своего времени. Да и сегодня найдется мало женщин, с которыми она могла бы сравниться. Она любит приключения, хорошо образована, увлечена Ближним Востоком и стремится открыть его миру. Гертруда не без труда убеждает отца отпустить ее в Британское посольство в Тегеране, где она встречает Генри Кадогана (Джеймс Франко), и у них случается роман. Генри делает ей предложение, но отец Гертруды не дает согласия на брак, и это приводит к трагедии. Как видим, линия Генри и Гертруды значительно драматизирована в сравнении с тем, что было в реальной жизни.

Затем действие фильма переносится на несколько лет вперед. Гертруда пишет книгу и путешествует по пустыне, общаясь с бедуинами. В это время она встречает Лоуренса (Роберт Паттинсон). Тут стоит отметить, что разница в возрасте между актерами примерно такая же, какая была между их героями (Роберт Паттинсон 1986 года рождения, а Николь Кидман – 1967-го). Он поражает ее своей фразой: «Герти, пожалуйста, не выходите за меня замуж». А потом приходит к выводу: «Не уверен, что достойный тебя мужчина уже родился». По отзывам критики, Паттинсон сыграл человека

«харизматичного, но беззаботного». Это язвительный молодой человек, который каждого человека видит насквозь, а особенно своих начальников.

После нескольких совместных сцен Гертруда оказывается в Британском Консульстве в Дамаске, где встречает женатого майора Чарльза Даутти-Уайли (Дамиан Льюис) и влюбляется в него по уши. Потом Гертруда опять уезжает в Пустыню, но каждый день пишет Уайли. Далее, уже после начала Первой мировой войны, действие переносится в Каир, где Гертруда снова встречается с Лоуренсом.

Главную роль сыграла Николь Кидман, которая надеялась в «Королеве пустыни» реабилитироваться за провал «Принцессы Монако». Ранее на главную роль предназначалась Наоми Уоттс, однако актриса покинула проект без объяснения причин. Хотя ранее она признавалась, что Херцог – «один из тех режиссеров, перед которым испытываешь благоговейный трепет. Он потрясающий режиссер и документалист. Замечательная героиня, да и история. Я просто еще не совсем уверена в том, когда мы будем снимать. Нам надо будет много путешествовать, а у меня маленькие дети. Не исключено, что ее расстроили негативные отзывы критики о фильме «Диана: История любви», где актриса исполнила главную роль. Интересно, что Николь Кидман и Наоми Уоттс являются лучшими подругами. Они подружились еще подростками в сиднейской школе для девочек и сохранили дружбу на протяжении десятилетий. Для съемок Николь Кидман, как и ее героине, пришлось научиться ездить на верблюде, причем в настоящую песчаную бурю. В «Королеве пустыни» вместе с Николь Кидман снимались Роберт Паттинсон, Джеймс Франко и Дамиан Льюис. По признанию Кидман, раньше она ничего не знала о своей героине: «Мы много говорим о Лоуренсе Аравийском, но никогда не слышали о Гертруде Белл».

Фильм отслеживает биографию Белл после окончания Оксфорда и ее первый опыт в мусульманском мире, когда она устраивается на работу в британское посольство в Тегеране. Она проявляет страсть к новым землям и народам и учится переводить на фарси стихи. В этом ей помогает молодой дипломат.

Позднее на Ближнем Востоке Белл пересекается с Лоуренсом Аравийским. Его играет Роберт Паттинсон. В фильме также воспроизведен вполне реальный, с точки зрения тогдашней истории Ближнего Востока, эпизод, когда одним росчерком пера на руинах Османской империи были созданы новые страны, так или иначе существующие и в наши дни.

Трудности фильма начались с кастинга. Херцог говорил: «Есть несколько актеров, которых я бы очень хотел видеть в своем фильме, но весьма проблематично собрать их в одном месте и в одно время». По всей вероятности, проблема кастинга была напрямую связана с поиском финансирования для фильма, что для независимого режиссера Вернера Херцога являлось достаточно непростой проблемой. В итоге фильм продолжительностью в 125 минут обошелся в кругленькую сумму в 36 миллионов долларов. Для сравнения: его же «Плохой лейтенант» в 2009 году потянул на 25 миллионов долларов и вышел в чистый убыток, так как принес кассу лишь в 10,6 миллионов долларов. Малобюджетный «Мой сын, мой сын, что ты наделал?» здесь не в счет. Столь внушительный для фильмов Херцога бюджет позволил собрать в «Королеве пустыни» небывало звездный состав.

На вопрос: «Как вы оцениваете творческие силы звезды подростковых фильмов, Роберта Паттинсона, с которым в ближайшее время вам предстоит работать?», Герцог ответил: «Он поистине умный человек. Хорошо пишет. Он совершенно точно знает, что он делает. Также он знает, что ему необходимо избавиться от мимолетного статуса звезды подросткового кино. Роль Лоуренса, действительно, предоставляет для этого великолепную возможность». А в другом интервью добавил: «Он обладает харизмой, умен, сочиняет. Надеюсь, что мы однажды увидим его в качестве режиссера». Между тем, существовала угроза, что Роберт Паттисон вслед за Наоми Уоттс покинет проект «Королева пустыни». Но обошлось. По словам режиссера, в лице Паттинсона ему нужен был «англичанин, который все еще выглядит как школьник, но который очень умен. Он играет Лоуренса Аравийского, но в возрасте 22 лет. Кидман, играющая главную роль, встречает его на месте проведения археологических раскопок, интересуется, что делает здесь этот ребенок, и археолог говорит ей, что у этого ребенка есть докторскую степень». И именно его игра вызвала наиболее восторженные отзывы зрителей и критики. По отзывам зрителей, «Роберт Паттинсон совершенно явно затмевает Николь Кидман во всем фильме. Его игра настолько феноменальна». Ему уже прочат «Оскар» за роль второго плана. Может быть, здесь помогли не только талант актера, но и харизма персонажа, которого он играет. А подполковника Даутти-Уайли сыграл Дэмиан Льюис. В роли Генри Кадогана выступил Джеймс Франко.

11 марта 2014 года, закончив съемки в «Королеве пустыни», Николь Кидман написала в Твиттере: «Только что закончила «Королеву пустыни»! На фото я и несколько очаровательных

танцоров. Просто потрясающе провела время с Вернером [Херцогом], Джеймсом [Франко], Робертом [Паттинсоном], Дэмиэном [Льюисом] и другими замечательными актерами!»

Первоначально фильм предполагалось снимать в Сирии, но из-за гражданской войны в этой стране место съемок пришлось перенести. В качестве возможных мест съемок фигурировали также Иордания, Турция и Соединенное Королевство. Но в результате остановились на Марокко, Иордании и Лондоне. Как объяснил продюсер фильма Кассиан Элвис, «нам пришлось перенести часть съемок из Турции в Марокко, так как то место, где хотел снимать Вернер, находится слишком близко к границе с Сирией». Весь 2012 и большая часть 2013 года ушли на кастинг и сбор средств. В январе 2013 года проект был приостановлен на неопределенное время, что лишило его нескольких голливудских звезд, в том числе Джуда Лоу, который был занят в постановке пьесы Шекспира «Генрих V». Уход из проекта Джуда Лоу поставил съемки под угрозу срыва. Его заменил Джеймс Франко, который в итоге сыграл Генри Кадогана, из чего можно заключить, что первоначально на эту роль предполагался именно Джуд Лоу. Эта замена позволила наконец запустить проект. В итоге съемки стартовали только в декабре 2013-го. Съемочная группа прибыла в марокканскую пустыню и нарвалась отнюдь не на песчаную бурю, а… на снегопад. Такой аномально низкой температуры в Северной Африке не было больше 100 лет. Снег лег на барханах, и пустыня стала больше напоминать ледяную степь Северного Казахстана или Южной Сибири. Но вскоре погода наладилась, и 19 декабря съемочная группа приступила к натурным съемкам. Уже на следующий день были сняты первые кадры с караваном верблюдов. Съемки в Марокко закончились к концу февраля 2013 года. В начале марта прошли съемки в Лондоне, а в июне – в Иордании. Монтаж фильма продолжался до конца 2013 года.

Вернер Герцог утверждает, что в его фильме, воспевающем героизм Гертруды Белл, нет и доли патерналистского отношения к ближневосточным странам, границы которых она помогла определить после Первой мировой войны. Вместе с тем он полагает: «Но границами проведенные ей линии не стали, альтернатива материализуется, живое подтверждение тому – «халифат», основанный «Исламским государством»». И с этим трудно спорить. Ведь сейчас исламские экстремисты действительно создали новое государство, объединив треть территории Ирака и до половины территории Сирии, населенные арабами-суннитами, а частично – и курдами, в новое государство, пусть и никем не признанное. Трудно сказать, просуществует ли

оно достаточно долго или довольно скоро падет под ударами международной коалиции. Но факт остается фактом – то, что создала после Первой мировой войны главная героиня фильма, оказалось весьма хрупким и искусственным. Естественно, она не могла наблюдать крах ее проекта под названием «Ирак», но автор фильма об этом печальном исходе знает.

Девизом фильма могла бы стать фраза: «Женщина, в одиночку путешествующая по пустыне во время войны, опасна». Намек же на его политический смысл содержится в словах, обращенных к Гертруде: «Видишь, арабская нация пробуждается, это их (Белл и Лоуренс. – Б. С.) достижение».

Надо признать, что первые отзывы о «Королеве пустыни» оказались достаточно неоднозначными. В Берлине картина была номинирована на «Золотого медведя», но не получила его. Так, один из критиков назвал фильм «никчемным романтическим эпосом, в основу которого заложено совсем не убедительное романтическое чувство». Тут необходимо добавить, что хотя Гертруда Белл, безусловно, была романтическим персонажем, любовь не занимала в ее жизни большого места. Ее влекла романтика дороги и пустыни. Поэтому любовные истории главной героини не могли играть в фильме большой роли, а без них эпос обычно становится довольно скучным. Неслучайно другой рецензент утверждает, что главное не то, что две любовные истории, лежащие в основе фильма, преждевременно обрываются, а в невыразительной драматургии «Королевы пустыни». При этом исполнители ролей двух любовников удостоились уничижительных характеристик: «Но Херцог выбрал на роль двух главных мужчин в жизни Гертруды ленивого шута в лице Франко и переигрывавшего актера в лице Льюиса». В то же время, политическая и дипломатическая деятельность Гертруды отошла на второй план, а ведь это было главное в ее жизни. В финале фильма есть лишь глухая ссылка на то, какую роль сыграли Лоуренс и Белл в создании современных арабских государств. Такое впечатление, что Херцог снял как бы первую серию драмы о Гертруде Белл, рассказал лишь предысторию ее настоящих свершений.

К положительным качествам фильма относят то, что «в визуальном ряде оператора Питера Цайтлингера наличествует нежная красота». Но визуальный ряд явно доминирует над драматическим. И все рецензенты выделяют игру Роберта Паттинсона, который «звучит так, словно верит, что живет в современном мире, а не в анахроническом его воссоздании».

В рецензии журнала Variety, написанной Питером Дебрюджом, в частности, говорится: ««Королева пустыни» выглядит и ощущается, как большое кино для кинотеатров, но в нем не хватает драматического конфликта, который позволил «Английскому пациенту» и «Лоуренсу Аравийскому» достичь такого успеха у широкой публики. Сценарий Херцога теряется посреди пустыни, посреди хроники жизни, в которой основные конфликты слишком абстрактны для их драматизации. В конце становится совсем не понятно, что двигало Гертрудой и что тянуло ее назад».

Рецензент The Guardian Питер Бредшоу оказался полностью разочарован премьерой: «Это такой фильм, что с трудом веришь, что это работа Вернера Херцога, который и написал сценарий, и снял его. Это взрослая работа, историческая, красивая, со многими акцентами, костюмная… и очень скучная… Роберт Паттинсон выглядит немного неуверенным в головном уборе, но, возможно, не более неуверенно, чем выглядел в нем сам Лоуренс. Его появление вызвало множество смешков на Берлинском кинофестивале, но Паттинсон хорошо справился с этой небольшой ролью».

В то же время от обыкновенных зрителей фильм удостоился гораздо более теплых отзывов. Вот что написала одна из них после премьеры «Королевы пустыни» в Англии: «Фильм мне понравился гораздо больше, чем я предполагала… Визуальная картинка поразительная, снято все очень красиво. Роскошные декорации, костюмы и великолепные виды бесконечной пустыни. Местами было немного нудно, особенно в сценах с Николь Кидман и Джеймсом Франко, но как только началось эпическое путешествие Гертруды по пустыне, реально затянуло… Сам фильм и музыка были красивыми, передают атмосферу, а последний кадр едущей по пустыне верхом на верблюде Гертруды было своего рода данью уважения «Лоуренсу Аравийскому» Дэвида Лина. Я бы дала этому фильму от 8 до 10. В целом очень приятный фильм, благодаря которому я заинтересовалась Гертрудой Белл – Грети, как звал ее Лоуренс!»

Наряду с Робертом Паттинсоном, критики положительно оценили игру Николь Кидман и Дэмиана Льюиса. А вот Джеймс Франко особых похвал не удостоился. Согласно отзыву Питера Дебрюджа, «Кидман удается убедительно играть Белл нежной, закаленной двадцатилетними странствиями посреди дикой пустыни, но все еще достаточно хрупкой, чтобы влюбиться в двух отдельных случаях». А Марк Адамс из Screen International полагает, что фильм – это «реальная история жизни смелой и замечательной женщины». А Джеффри Макнэб

из The Independent считает, что «на этот раз Херцог ближе всего подошел к тому, чтобы снять обычный голливудский фильм – ему не хватает перверсий, драйва и дикости, которые обычно являются его фирменным знаком».